

Антология
русской духовной
поэзии
(X-XX вв.)

A painting of a Russian village scene. In the background, a church with two golden domes and a tall bell tower stands on a hill. A dirt path leads from the foreground towards the church. On the left, there is a small wooden house with a porch. The scene is set in a lush, green landscape with trees and a small stream or pond in the distance. The overall tone is peaceful and spiritual.

Наше святое завещание:
Судьба наша вечная грех,
Но мы не знаем меры,
Но мы не знаем меры.

СЛОВО
И ДУХ

Онаго свѣтлое
сравнѣнне тѣлесно
Но дай неизменно

Но себѣ же
цѣль, неизменно, ни
броду к тѣлесно
как Боги вѣн
оходит цѣль к

рождение:
и дни, Царю евре
ефимья, славы иже т
Но дай Жени
ищи.
Но се
дни корей
и Востан
оголовни
Серебрян
как Бои

СЛОВО И ДУХ:

АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ПОЭЗИИ

(X—XX вв.)

*Составление, подготовка текстов,
вступительная статья и комментарии
доктора филологических наук,
профессора И.А. Чароты*

МИНСК
СВЯТО-ВАНДАВУТИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

2010

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)-5
С48

*По благословению
Высокопреосвященнейшего Филарета,
Митрополита Минского и Слуцкого,
Патриаршего Экзарха всея Беларуси*

Слово и Дух: антология русской духовной поэзии (X–XX вв.) / сост.,
подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. проф. И.А.Чароты. — Минск: Свято-
Елисаветинский женский монастырь в г. Минске, 2010. — 704 с.

ISBN 985-6886-46-4

© Чарота И.А., составление, подготовка текстов, вступительная
статья, комментарии, 2003
© Чарота И.А., составление, подготовка текстов, вступительная
статья, комментарии, 2010, с изменениями
© Свято-Елисаветинский женский монастырь в г. Минске, 2010

ДА ОСЛОВЕСИТСЯ ЖИЗНЬ НАША

*Ословеси живот мой, Премудрое
Слово Божие...*

*Епископ Николай Жичский
(Велимирович)*

В связи с изданием любой книги неизбежен вопрос, кому и зачем она нужна. Впрочем, даже если издатель изначально уверен, что имеет на сей счет полное и верное представление, ему все равно предстоит быть подтвержденным или опровергнутым читателями, каждый из которых судит по своему разумению. Так вот, не столько ради оценки предлагаемой книги как результата, ибо он скромный, пробный, сколько ради желанного взаимопонимания, издатель и автор-составитель считают нужным уточнить хотя бы некоторые моменты, обусловившие появление данного сборника.

Объясняясь кратко, можно было бы ограничиться указанием на то, что подготовка этой книги — непосредственная реакция на часто слышанное от работников просвещения: «А где взять нужные книги?», «Как нам быть без пособий?», «Когда будут нам предложены...?» И все эти вопросы-жалобы нельзя было счесть праздными. Но дело не только в запросах школьной, просветительской среды. Потребность в таких изданиях предопределена общей ситуацией, в которой все мы оказались, приобретенными за последний

век особенностями состояния ума, души, духа каждого из нас в отдельности и вместе взятых.

Чтобы конкретизировать это суждение и осмыслить все не в системе отвлеченных категорий, обратимся к вошедшему в наш сборник стихотворению Владимира Бенедиктова «Воскресная школа». Показательно — а мы выясняли это с помощью специального теста, — что нынешние читатели в массе, не исключая студентов и учителей-филологов, воспринимают его как незатейливое, даже простоватое. Доводы следующие: оно, мол, написано сто сорок лет назад, адресовано людям с иным мировоззрением и конкретно — с иными интеллектуальными и эстетическими запросами. Собственно, такая аргументация смысла не лишена. Стоило бы лишь критерии, мягко говоря, уточнить. И тогда станет ясно, что оценка поверхностна, простоватость и устарелость — кажущиеся, точнее, являющиеся результатом искаженного восприятия. На самом же деле перед нами произведение не только содержательно глубокое, но и весьма актуальное, животрепещущее даже, можно сказать. В чем это выражается? Разумеется, не в апологии «всеграмотности» и «света науки», хотя она, что называется, на поверхности. А в том — для нас, увы, непривычном, более того, не искомом — что как темой, так и основой мировидения, миропонимания и мироотражения поэта является *Свет верховный, чистейший Свет духовный, Божий Свет...* Это состояние души и ума — самое что ни есть природное, единственно приемлемое для самого В.Бенедиктова, да и предполагаемое в читателе-собеседнике, с которым он делится своими чувствами и мыслями,

при этом предупреждая всех, в том числе нас, далеких потомков:

*И без этого сиянья
Тщетно б шел за веком век, —
Светом нравственного знания
Человек есть «Человек».*

Но мы, оказывается, перебрались в иные измерения, а потому воспринимаем лишь так называемые общие места прагматического плана, к тому же сквозь призму «нового опыта»: бесспорно, «Знания — сила», «Человек! Это — великолепно! Это звучит... гордо!», что, мол, мы понимаем и без В.Бенедиктова. Действительно, такое нам внушали, мы это усвоили и (воз)гордились — делами человеческими, светом полученных человеком знаний — до той степени, что предпочли употребление прописной буквы в слове «человек» и решительно отменили ее в слове «Бог».

Вспоминая честно, что было с нами, признаем: едва ли не все мы — не только учившиеся, но и учившие — пренебрегали учением Христовым; не стремились к его сиянию в просвещении; как данное, да и как нормальное, стали принимать и распространять некую «новую» духовность; вообще, ориентируясь на сверху смотрящих или на молчаливо-безразличное большинство окружающих, массово делали вид, что не нуждаемся в Свете Божиим, чистейшем, духовном — верховном! — т.е. в том, который воспевают В.Бенедиктов. Вот и утратили способность думать и чувствовать подобно ему, поэту XIX века, ибо запаматовали то, что было для него опорным и незаблемым:

*И Воскресшего глаголы —
Вечной жизни в нас залог.*

Впрочем, «жизнь вечная» — понятие, чуть ли не полностью вытесненное из нашего обихода. Мы ведь вот как оправдываемся за происшедшее: таковы требования нашего времени (а не вечности), таковы установки и результаты воздействия среды уже на несколько поколений...

Да, к концу второго тысячелетия от Рождества Христова оказались мы во времени без памяти и Вечности, на земле без Неба, с просвещением без Света, образованием без Образа, духовностью без Духа Святаго...

Не просто печальный, а пугающий итог. Так не пришло ли время опаматоваться, осознать необходимость славимой В.Бенедиктовым «Воскресной школы», т.е. школы Воскресения нашего, преодоления духовной смерти, выхода из тьмы жизни без Слова?

Нередко слышатся, опять-таки, оправдания: мы-де не забывали и даже сами упоминали, что Слово в начале было... и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Но по большому счету, а иного здесь быть не может, на это следует лишь сказать, что даже если и так, то разве что в силу знаний бессодержательных, ума поверхностного; должного же значения не придавали. Иначе как бы позволили себе не замечать разрушительности безответственного обращения со словом художественным, не предупреждать об опасностях распространения словесного безобразия, потворствовать кощунствам по отношению к Слову-Логосу — причем такие позиции занимали не только согласно поступавшим директивам, но и добровольно...

Между прочим, и те из нас, кто относится к категории педагогов-словесников, как будто признали себя отчужденными бесповоротно от Слова Божия,

неспособными к молитвословию, безразличными к тому, что славословие утратило первичный высокий смысл, и бессильными сдерживать, а тем паче предотвращать суесловие, сквернословие, грехословие. Это о нас было некогда сказано: *Ослепиша очеса их сердечного разума.*

А также и о большинстве писателей, считавших — горделиво, опять-таки, — что «поэт в России больше, чем поэт», но служивших не больше, чем князю мира сего и духу времени, строивших «светлое будущее» на земле, при этом греша и явным словоблудием, и всевозможным трюкачеством. Как ни горько, а нужно признать, что чуть ли не весь ряд «хрестоматийных авторов» советского времени составлял одновременно ряд если не открыто хуливших Бога, то так или иначе отрицавших сакральную природу слова, равно как и соответствующие функции его. Богохульство и писательство стали считаться неотделимыми как бы по определению и, соответственно, по типичным идейно-творческим установкам. Кстати, чем иным, как не святотатством, является то, что сборнику — стихов религиозной тематики! — дают название «Евангелие от русских поэтов»? А разве не кощунственна, к примеру, похвальба стихотворца, на протяжении сорока лет являющегося «звездой» литэстрады и телеэкрана, что он пишет для Бога, тогда как перед этим упоенно повествовал о своих шумных успехах в «завоевании» (не больше, не меньше) публики, разглагольствовал о писательском ремесле как о спорте, потом сравнивал его со стрельбой «по летящей цели», а в заключение демонстрировал свою последнюю «творческую добычу», которая представляла собой

результат безвкусицы, бессовестности и бессловесности? Да, именно бессловесности — в том смысле, что Слово (Логос) для этого стрелка из пера было и остается явно чуждым. Разумеется, такой писательствующий охотник и иже с ним никак не способствовали тому, чтобы ословеситься могли им внимавшие — как кумирам! — на протяжении десятилетий и, к сожалению, внимающие поныне.

Однако, пусть даже легион имя тем, кого мы упомянули, не оскудевала Русь талантами, которые служат Свету, Добру, Любви, Истине, Вечности, которые отвечают определению о. Павла Флоренского: «...Художник есть чистое простое око, взирающее на мир, чистое око человечества, которым оно созерцает реальность». Были и есть писатели с творческими устремлениями, основанными на убежденности, что получили они от Бога дар творческий, дар поэтический ради того, чтобы могли благословенно сами проявлять и в других пробуждать силу положительную, созидательную, очистительную, спасительную.

Именно такого свойства энергией вызванные произведения нам представлялось важным собрать в предлагаемой книге, учитывая, конечно, что об истинности веры каждого из авторов судить Господу, а мы лишь в меру своего скромного разума пытаемся выделить то, что представляется написанным во славу Его.

Понятно, выбор имен и произведений по такому принципу идет вразрез со сложившимися за последние десятилетия представлениями об истории отечественной литературы, с соответствующими курсами и для общеобразовательной школы, и для вузов. Хотя, кстати, у нас в связи с этим вовсе нет и не может быть

претензий на альтернативный вариант — как сейчас принято говорить — по отношению к существующим программам и сопровождающим их хрестоматиям. Программы, спору нет, нуждаются в серьезнейших изменениях. Вместе с тем совершенно ясно, что вдруг, даже при самом большом и самом правильном желании, нужные изменения невозможно осуществить. А вот постепенно преодолевать по-прежнему свойственное современной школе всех уровней воинственное безбожничество — наш долг, если мы действительно заботимся о просвещении, если чтим традиции.

Именно православная вероисповедная традиция, отразившаяся в поэзии русской, и является содержанием предлагаемого сборника.

Во-первых, мы сочли необходимым включить в книгу раздел, который представляет специфический жанр и соответственно своеобразные книги, так называемые «Богогласники» — печатные и рукописные сборники духовных песен, которые исполнялись народом в праздники, вне богослужений. Нужно ли убедительнее свидетельство, что народ наш отнюдь не безбожный, как это привычным стало утверждать, и вовсе не такой темный, как идеологи-прогрессисты его характеризуют? Кто-то из читателей, может быть, возразит: мол, это всего лишь следы старины глубокой. Такое суждение нельзя принять как истинное по многим причинам. Во всяком случае, автор сих строк в конце 1950-х и начале 1960-х годов сам распевал такие именно стихи, когда вместе со своими сверстниками ходил «колядовать», т.е. поздравлять с Рождеством Христовым своих односельчан. А заучивать их доводилось по «устной

редакции» матери и дедушки. Пожалуй, неумно да и неуместно говорить о вере своей в детском возрасте как об осознанной и последовательной, но нельзя не отметить, что она, передававшаяся традицией непосредственно, от родительницы и ее родителя, все-таки значила много и не могла быть полностью уничтоженной, хотя правительство Хрущева как раз тогда вело «последний и решительный бой» с Церковью: срезались еще сохранявшиеся на въезде и выезде в селения кресты, закрывались последние уцелевшие храмы.

И не случайно второй раздел нашей книги содержит стихотворные произведения священнослужителей, которые по праву заслуживают особого внимания. Как бы ни пытались их компрометировать сейчас, сколько бы грязи ни лили, надо отдать должное — это в подавляющем большинстве своем истинные подвижники веры, истинные просветители.

Между тем, если о духовно-словесном творчестве древности и средних веков мы знаем хоть что-то, новое время, особенно последнее, как правило, в этом плане представляется «чистой доской». А ведь в этой сфере, как ни в какой иной, непосредственная связь, преемственность.

Стоит отметить и еще один существенный момент. Писатели-священнослужители в буквальном смысле являют собою нераздельность Святой Руси: Кирилл, епископ Турова, древнего града Руси Белой — Златоуст (обще)Русский; святитель Димитрий, родившийся на земле нынешней Украины, до своего архипастырства в Ростове подвизался в обителях украинских-жнорусских и литовских-белорусских. Причем это

примеры вовсе не исключительные, а только наиболее известные.

Что же касается материала, так сказать, светско-литературного, то его мы сочли нужным дать тремя разделами. Первый из них отражает историю русской словесности в единстве с утверждением русской духовности, в русле древней традиции. Это уже винабеда позднейших времен, что требовалось едва ли не во всех писателях прошлого открывать борцов против самодержавия, против «опиума народа» и против Бога, а все расходившееся с этими требованиями считалось либо незначительным, либо вредным — как для самих этих писателей, так и для нас. Многие из реальной истории отечественной литературы мы сейчас лишь открываем для себя, а многое начинаем осмысливать по-новому. Пришло время отдать должное таким, например, поэтам, как Е.Ростопчина, А.Хомяков, О.Чумина, К.Романов (Великий Князь Константин), С.Бехтеев, Н.Стефанович и др. Нужно, пусть и запоздало, усвоить, что «Псалтирь рифмовторная» — вовсе не причуда единственно Симеона Полоцкого, а полные переложения Псалтири подготовлены были также Г.А.Пакатским, И.П.Борозной, Ф.Глинкой; что не только до XVIII, но и в XIX веке выходили, отвечая запросам общества, книги поэзии, содержание которых составляли именно «Стихотворения духовные», — это отражено в названиях сборников как А.Сумарокова, так и Ф.Глинки, В.Кюхельбекера...

В связи с этим, конечно же, стоит обратить внимание на «незнакомых знакомцев». Взять, к примеру И.А.Крылова, для детворы многих поколений —

«дедушку Крылова», рассказывавшего басни, занимательные и поучительные, потому любимые. Заслуженно любимые. Мы однако, можно сказать, разведены были с этим дедушкой как хранителем веры, передающим опыт мудромыслия — богомыслия. А именно таким является Иван Андреевич, автор, скажем, «Оды шестой, выбранной из псалма 93-го». Не столь, как басни, занимательны, однако еще более поучительны его, поэта и богослова, строки, обращенные к колеблющемуся в вере ближнему:

*Безумец! Где твой ум и слух?
Страхни невежество глубоко;
Скажи, хоть раз взнесясь высоко:
Ужели слеп Создавший око
И Сотворивший ухо — глух?*

*Скажи, оставя мудрость лживу,
Без света ли Творец светил?
Бессилен ли Создатель сил?
Безумен ли Кто ум в нас влил?
И мертв ли Давший душу живу?*

Как бы непосредственно Крылова продолжает, развивая мысль о всемогуществе Бога и суемудрии человека, А.В.Кольцов своей думой «Человеческая мудрость»:

*Все, что есть, — все это Божье,
И премудрость наша — Божья!*

В Кольцове, который обычно считался таким самоученым певцом природы и быта, мы открываем по-настоящему глубокого мыслителя, когда знакомимся с его думой на тему о «двух жизнях» — «жизни земного духа»,

что «долга... как Божья вечность», и «жизни земного праха», что «кратка... как блеск звезды падающей».

А взять Н.А. Некрасова. В представлениях, которые создавались под нажимом советской идеологии, с его именем связывались прежде всего настроения, выражившиеся в часто цитированных словах: «Буря бы грянула!..» Хотя этот писатель жил не только такими ожиданиями. В его поэзии весьма значимы также мотивы «тишины», душевного мира, покаяния, преодоления грехов, устремления к Храму Божию:

*Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...*

Понятно, нельзя одно обобщение-упрощение заменять другим, столь же категоричным, и утверждать, что Некрасов — исключительно религиозный человек, истовый молитвенник, последовательный носитель благочестия. Еще более неосмотрительно давать такие характеристики литераторам эпохи после Некрасова — скажем, Валерию Брюсову, Зинаиде Гиппиус, Александру Блоку, Сергею Есенину, хотя их произведения соответствующей тематики и включены в наш сборник. Но как бы ни было, они все-таки если не жизнью в целом, то многим из проявившегося в их творчестве — пусть даже часто, как говорится, методом от противного — подтверждали, что «душа по природе своей христианка» (Тертуллиан). Да, у них и у вслед за ними шедших уже все реже встречается устойчиво-целостное христианское отражение мира. Нелегко уяснять, что было причиной, а что следствием.

Очевидно одно: мир сей оказался во власти невероятно распространенной, многообразной в проявлениях, идеи возмездия, которая и стала зловещим знаком разломной эпохи.

В связи с этим обычно вспоминают А.А.Блока, прежде всего одноименную поэму его. Но для нашего разговора еще большее значение имеет стихотворение Н.С.Гумилева, которое отразило суть разлома именно через взаимоотношения со Словом.

Было:

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города...*

Есть:

*Но забыли мы, что осиянно
Только Слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это — Бог.
Мы Ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.*

Расторгается связь времен, коренным образом меняется система ценностей и ориентаций, и словесному творчеству отводятся скудные пределы лозунго- и марше-творчества, а согласно официальным формулировкам, — восславления социалистической действительности в ее революционном развитии. Но и при всем этом не удалось окончательно уничтожить веру Православную, духовную традицию, а также ими обусловленную поэзию. Есть ли основания ставить

в один ряд названное? Несомненно. Ибо, как справедливо заметил о.Иоанн Мейендорф, «Православие вообще является единственной религиозной сферой, где об искусстве спорили как о предмете веры», «культура и искусство являются проводниками веры».

Потому вовсе не случайно, что и у Нины Карташевой, русской поэтессы конца нынешнего безумного века, появляются стихи, созвучные тем, которые мы особо отмечаем у предшественников:

*Есть Слово — Господь.
И над словом — Господь.
Поэзия — Господа дар и призванье.
Содержится словом Его мирозданье,
И слово Его облекается в плоть.*

Изложенным выше суждением, пожалуй, может быть спровоцирован упрек в идеализации состояния современной русской литературы и духовности. Конечно, если брать общую ситуацию, идеальной, даже удовлетворительной, ее назвать никак нельзя. Многие писатели просто пугают изорванностью мировоззрения, демонстративной беспринципностью и бесчувственностью по отношению ко всем и всему, безмерным самолюбованием и другими явными проявлениями грехов. Но мы об этом уже говорили. К тому же искренняя тревога и боль за состояние духа расхристианенного человека разнопланово отразились в произведениях большинства современных поэтов, которые представлены в этой книге — особенно Г.Горбовского, Л.Бородина, Ю.Кузнецова.

Дополнительно, правда, интересно еще сопоставить обсуждаемые нами явления в ситуациях переходов

из XIX века в XX, и из XX — в XXI. Обычно сам напрашивается вывод, что аномальное сейчас — это результат проявившегося как коллизийное тогда; в обоих случаях опасные катаклизмы. Но есть ведь и существенные различия. Эпоха конца XIX — начала XX веков в искусстве ознаменована, вроде бы, поисками сугубо отличительного, индивидуального, что привело к взрыву коллективного. Конец же XX проходит под знаком поиска общего, объединяющего, но побеждает индивидуализм, эгоизм. Кроме того, в первом случае разрушение существующего государственного устройства повлекло за собой и разрушение Церкви, хотя все-таки большинство народа не представляло себе жизни без Бога; во втором — разрушение прежнего строя и государства сопровождается возрождением Церкви, хотя большинство народа уже привыкло к жизни безбожной. И еще одно: тогда утверждался интернационализм в самых крайних вариантах, ныне утверждают, не без крайностей, национальные начала... Хотя каждый из обозначенных нами моментов имеет значение и непосредственное отношение к предмету нашего разговора, остановимся на последнем.

С одной стороны, будто бы все просто: вероисповедание относится к существеннейшим признакам национально-государственной идентификации; не случайно в России традиционная формула патриотизма содержала как нераздельные «веру... и отечество». С другой стороны, сочетание вероисповедного и национального — вопрос, необычайно сложный исторически, особенно для наций, которые формировались в XIX и XX веках, в частности, возросших

на общерусском корне. Не имея намерений, да и возможности, сейчас обсуждать все связанные с этим противоречия, отметим общеизвестное и однозначное: для белорусов исконно — как по самоопределению, так и по определениям извне — их православность означала русскость, и наоборот.

Именно поэтому при составлении сборника никак невозможно было обойти ряд имен, для россиян, пожалуй, и неизвестных, и не столь уж значимых по сравнению со знаменитыми сынами России. Но, осмелимся утверждать, без них все-таки неполными будут представления и о русскости, и об истории Православия на Руси.

Прежде всего сказанное относится к преподобномученику Афанасию, игумену Брестскому, чей подвиг укреплял державшихся Веры Православной «русинов» Польши и Великого княжества Литовского не только в современную ему эпоху жесточайшего насаждения унии, но и во все последующие времена, и чье наследие как православного писателя-полемиста не теряет значения до сих пор тоже.

Скорее всего, нашим читателям ничего не говорят такие имена, как С.Ляпустин, Е.Ганецкий, М.Запольский, Н.Байков. К тому же нельзя не согласиться, и художественные достоинства их произведений особо значительными назвать трудно. Тем не менее, и они, авторы публикаций в провинциальной периодике — прежде всего «Епархиальных ведомостях», поддерживали на Белой Руси хранителей и носителей Православного сознания, когда его подавляли, а впоследствии разрушали. У всех упомянутых сложные судьбы, крепко сплетенные с нелегкой судьбой Белой Руси.

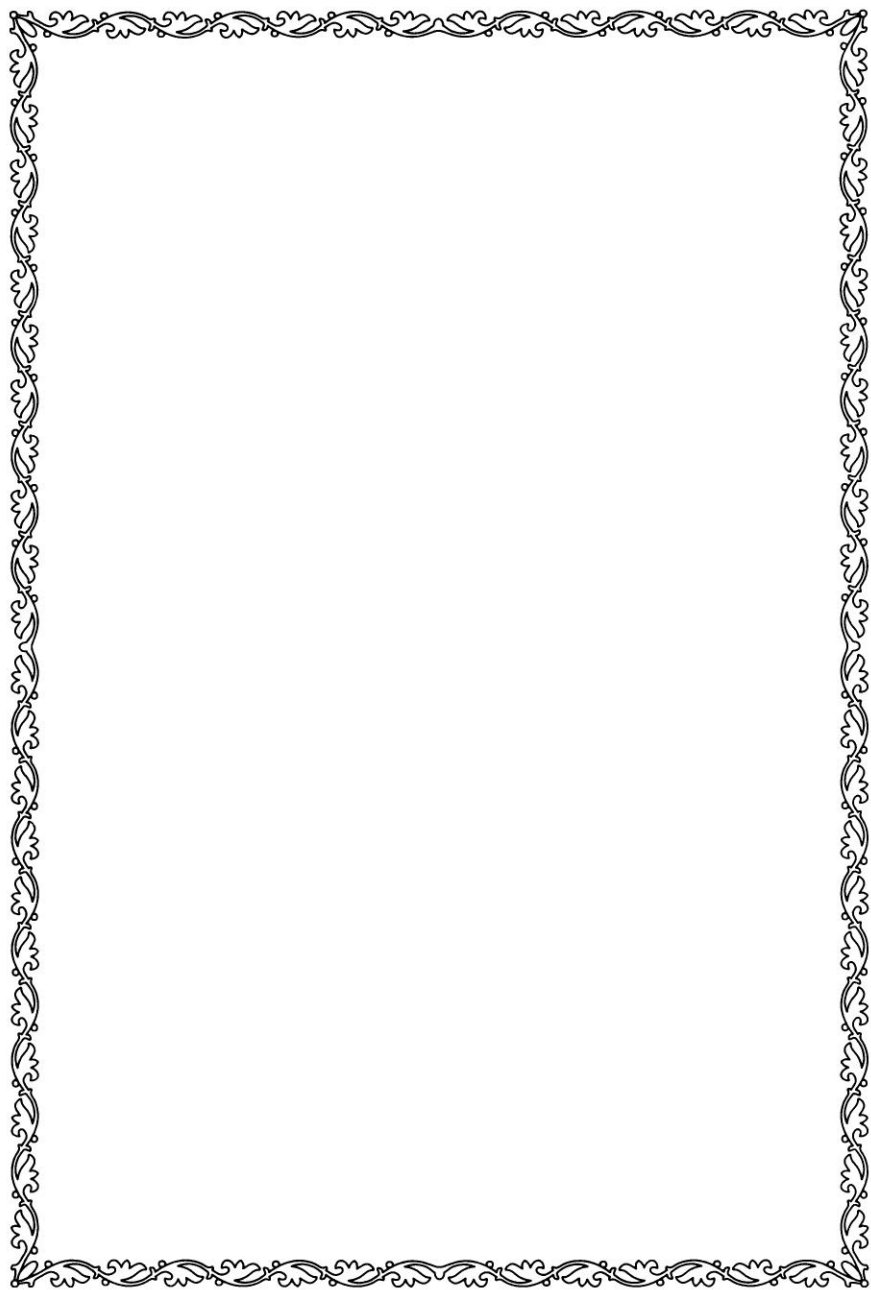
К примеру, Николай Байков — сын священника из Тверской губернии, выпускник Московской Духовной Академии, преподавал в Минской Духовной Семинарии, а впоследствии стал признанным филологом, соавтором «Белорусско-русского словаря», одного из первых. Так что включение названных лиц, равно как и некоторых других, для россиян незнакомых, в ряд русских православных поэтов — не проявление специфического патриотизма составителя этой книги.

А вообще, конечно, составитель учитывал исходно и осознает сейчас, что взялся за дело, при выполнении которого любой результат может и должен вызывать дополнительно вопросы. Они, в свою очередь, тоже требуют разрешения.

А пока остаемся в надежде на доброжелательность отношения к этому скромному труду и в ожидании замечаний, предложений, советов.

И.А. Чарота

ИЗ «БОГОГЛАСНИКОВ»
РОДА НАШЕГО

НЕБО И ЗЕМЛЯ...

Небо и земля, небо и земля ныне торжествуют:
Ангелы людям, Ангелы людям весело спразднуют.

Припев:

Христос родися, Бог воплотися,
Ангелы спивают, царие витают,
Поклоны отдают, пастыри играют,
Чудо, чудо повидают.

Во Вифлиеме, во Вифлиеме весела новина:
Чистая Дева, чистая Дева породила Сына.

(Припев)

Слово Отчее, Слово Отчее взяло на Ся тело:
В темностях земных, в темностях земных
Солнце засветило.

(Припев)

Ангелы служат, Ангелы служат рожденному Царю:
И во вертепе, и во вертепе творят Его волю.

(Припев)

Трие царие, трие царие от восток приходят:
Смирну и ладан, смирну и ладан, и злато приносят.

(Припев)

Царю и Богу, Царю и Богу тое все даруют:
Пастыри людям, пастыри людям дивну весть сказуют.

(Припев)

И мы рожденну, и мы рожденну Богу поклон даймо:
Слава во вышних, слава во вышних Ему заспеваймо.

(Припев)

СКИНИЯ ЗЛАТАЯ, КОВЧЕЖЕ ЗАВЕТА...

Скиния золотая, ковчеже завета,
Видяще днесь Младенца Сына повита,
Радуйся, Марие, радуйся, Приснодево,
Во нетленном рождестве Твоем!

Пастырем со Ангелы тайна явися,
В Вифлееме, во вертепе Христос родися.
Радуйся, Марие...

Вол и осел, ту суще, Творца познают,
Рожденному днесь Младенцу хвалу воздают.
Радуйся, Марие...

Звезда ясна сияет, Ему служаще,
Трие цари приходят, дарыносяще.
Радуйся, Марие...

О, Марие Богомати! Молися за нас,
Да возможем Тя хвалити мы на всякий час.
Радуйся, Марие...

НОВА РАДОСТЬ СТАЛА...

Нова радость стала, яка не бывала:
Над вертепом звезда ясна светом воссияла (2).

Где Христос родися, от Девы воплотися,
Як человек, пеленами убого повися (2).

Ангели спивают, «Слава» восклицают,
На небеси и на земли мир провозглашают (2).

Давид днесь играет, в гусли ударяет,
Мелодично и предивно Бога выхваляет (2).

И мы тож спиваймо, Христа прославляймо,
Из Марии Рожденного смиренно благаймо (2).

Просимо Тя, Царю, Небесный Владарю,
Даруй лета счастливые сему господарю (2).

В мире проводить, Тебе угодить,
И с Тобою в Царстве Твоем во век веков жити (2).

Я УМОМ ХОДИЛА...

Я умом ходила
В город Вифлеем
И была в вертепе,
И видала в нем,

Что Христос Спаситель,
Царь, Творец и Бог,
Родился от Девы
И лежит убог

В яслях безсловесных
Посреди ягнят,
А над Ним Иосиф
С Матерью сидят.

Бог Младенец горько
Плакал и рыдал,
Многими слезами
Ясли обливал.

Жаль Христа мне стало,
Пала я пред Ним
И рыдала вместе
С Господом моим.

А потом я Деве
Сделала вопрос:
Отчего так плачет
Маленький Христос?

Дева мне сказала:
Плачет Он о том,
Что Адам и Ева
Взяты в плен врагом

И что образ Божий,
Данный их душам,
Предан поруганью
Злобнейшим бесам.

Плачет, что не любят
Дети их Творца
И сквернят грехами
Души и сердца.

Плачет, что прельстились
Люди суетой
И пренебрегают
Горней красотой.

Плачет, что на службу
К сатане идут,
А от службы Божьей
Стар и млад бегут.

Все о плоти мыслят,
А о духе — нет,
И мрачат на веки
Свой духовный свет.

О Христос! Дай чувство
Нам Твоей любви
И на подвиг крестный
Нас благослови!

**ПРЕЧИСТАЯ ДЕВО,
МАТИ НАШЕГО КРАЮ...**

(Ко Пресвятой Богородице Холмской)

Пречистая Дево, Мати руськаго краю,
Як на небе, так на земле Тя величают:
Ты грешников с тяжкой муки
Через Свои спасаешь руки.
Не дай пропасти!

Тебе вси святии служат, Родице Божя!
И мы грешнии Тя славим все, яко можем:
Целым сердцем нехай щиро
Тебе служат душа и тело,
Мати Чистая!

Кто не блажит Тя за дары? Зде на всех воззри,
Отовсюду в Холм идущих до Святой горы:
Хворых, темных, сомнящихся,
Исцеляешь молящихся,
Прошу ж и мене.

Призри милостивно на мя, вернаго слугу:
Не дай, Мати, упадати в великую тугу.
Скажи теперь: як бы знати,
Где мой путь, що душу спасати,
Благая Мати!

В Тебе той путь обретаем. Во всякой требе
Помогаешь и просящих вселяешь в небе.

Не выпускай же на веки
С Твоей пресвятой опеки
Мене грешного.

**ПРЕЧИСТАЯ ДЕВО,
МАТИ ХОЛМСКИЯ РУСИ...**

(Ко Пречистой Деве, Мати Холмския Руси)

Пречистая Дево, Мати Холмския Руси,
Мы, рабы Твои и дети, славим Тебя вси:
Ты Холм град наш возлюбила
И Свой образ там явила нам в защиту всем.

Когда нашу Русь Святую громил страшный враг
И под Холмом развевался нечестивых стяг,
На горе Святой Ты была
И страну всю оградила от грозных врагов.

И мы ныне с душой светлой во святы́й град спешим,
И Рождество Девы Чистой в песнях воспоим,
Руки вознесем в моленьи
О всех верных душ спасении на горе Святой.

**СПЕВАЙТЕ, ЛЮДИ,
КТО ЖИЕ НА СВЕТЕ...**

(Ко Пресвятой Богородице Леснянской)

Спевайте, люди, кто жие на свете,
Дева Мария е в Бельском повете.

В Леснянску обитель там Ся объявилась,
Щоб вси христиане пред Нею молились.

Хто веру ма в Бога и зостал крещеный,
Нехай поспишае до той иконы.
Нех молится щиро дитина покорна,
Порадить, пригорне его Чудотворна.

Мати Всеблагая помилуе грешных,
Заступница перед Сыном, Господом Всевышним.
И Господь уважит и подаст надію,
Хто сердцем преклонит пред стопы Марии.

И як же счастлива та сторона Лесна:
Там древле явилась икона Небесна!
Своим Лицем ясным храм весь осветила
Нераз помощь людям смиренно явила.

Приидите, хрищени, в Леснянский храм Божий,
Царица Небесна всим поможе.
Приидите, вдовицы, приидите, хромые,
Приидите, калеки и дети малые!

Всех заспокоит Мати Всеблагая,
Все подаст людям икона Святая.
Дево Марие, Милосердна Мати!
Дай легку годину, як будем вмирати.

Перед Сыном в небе за нас заступися,
А поки живемо, за нами молися,

К Тебе припадаем, смиренно взываем:
От бед избавляй нас, на Тя уповаем.
Заступнице Усердная и сирых, и вдов!
Избавь нас по смерти от тяжких оков!

На сем свете научи нас,
Як ся нам жити:
Тебе просим, преклонившись,
Мы, покорны дети.

В ЛЕСНОЙ НАМ СЕ ОБЪЯВИЛА...

(Чудотворной иконе Божией Матери Леснянской)

В Лесной нам се объявила, о Марие!
Русский народ полюбила, аллилуя!

(Припев:

Радость вам, Херувимы, спевайте, Серафимы:
Радуйся, радуйся, радуйся, Марие!

Место то о когом звали, о Марие!
Где пастушки скот пасали, аллилуя!

(Припев)

На грушковом стал дереви, о Марие!
Образ Пресвятыя Девы, аллилуя!

(Припев)

Стельмашук был православный, о Марие!
Нашел Образ для нас явный, аллилуя!

(Припев)

Заблистала на той груше, о Марие!
Славим Тебе в целой души, аллилуя!

(Припев)

Чудотворна Дево в Лесне, о Марие!
Русский народ поет песни, аллилуя!

(Припев)

Мы Тебе вси величаем, о Марие!
Свои слезы проливаем, аллилуя!

(Припев)

Свята Небесна Царице, о Марие!
Упадем мы грешны на лице, аллилуя!

(Припев)

Нех Ти буде честь и слава, о Марие!
Що Ты для нас щитом стала, аллилуя!

(Припев)

Шведов, турков погромила, о Марие!
Всех ворогов покорила, аллилуя!

(Припев)

Нех цветет цела Краина, о Марие!
Отгоняй вороги злыя, аллилуя!

(Припев)

Нехай завше покой буде, о Марие!
Просят Тебе руськи люди, аллилуя!

(Припев)

Бо Ты наша Заступница, о Марие!
Леснянска Чиста Девница, аллилуя!

(Припев)

Ту Себе место обрала, о Марие!
И в недоли ратовала, аллилуя!

(Припев)

Долги лета вже в той Лесной, о Марие!
Образ Твой святыи небесный, аллилуя!

(Припев)

Зблизка, здаля народ горне, о Марие!
Поклон дають Ти покорно, аллилуя!

(Припев)

Ты як Мати всех приймаєшь, о Марие!
Чисте сердце у всех знаєшь, аллилуя!

(Припев)

Бо кто має сердце чисте, о Марие!
«Отпусти грех, — скажешь, — Христе», аллилуя!

(Припев)

Твой Сын Милый, Твой Единый, о Марие!
Отпусти нам грехи, вины, аллилуя!

(Припев)

Бо не мало єсть доводу, о Марие!
Чудес много дознало народу, аллилуя!

(Припев)

Темный, хромый и горбатый, о Марие!
Здоров ся вернул дохаты, аллилуя!

(Припев)

Вся признає Русь червонна, о Марие!
Же Ты наша оборона, аллилуя!

(Припев)

Вдова идєт со слезами, о Марие!
«Мати, змилуйся над нами», аллилуя!

(Припев)

Сироты руки подносят, о Марие!
Милосердия у Тебе просят, аллилуя!

(Припев)

Глянь Ты на нас Своим оком, о Марие!
Пред Твоей святой иконой, аллилуя!

(Припев)

Люди зблизка и здалека, о Марие!
Под Твою пришли опеку, аллилуя!

(Припев)

До Пречистой Девицы, о Марие!
Поспешайте все грешницы, аллилуя!

(Припев)

Навет бесом зараженны, о Марие!
До той спешат иконы, аллилуя!

(Припев)

Богу Милосердна Мати, о Марие!
Только треба споведатись, аллилуя!

(Припев)

Як очистишь свои грехи, о Марие!
Зараз зазнаешь потехи, аллилуя!

(Припев)

Отсюда вернул всем быв довольный, о Марие!
Веселый был, як пташек вольный, аллилуя!

(Припев)

Теперь всегда выславляе, о Марие!
Бо Твой образ вдома мае, аллилуя!

(Припев)

На Твое Лице спогляне, о Марие!
Зараз ему легче стане, аллилуя!

(Припев)

Ты всех утешаешь и ратуешь, о Марие!
И за нами орудуешь, аллилуя!

(Припев)

Ну же, братья, сестры — разом, о Марие!
Уклякниймо пред образом, аллилуя!

(Припев)

Заволаймо до Царицы, о Марие!
Упадемо все на лице, аллилуя!

(Припев)

Омофором всех окрый нас, о Марие!
Милосердна будь Ты для нас, аллилуя!

(Припев)

И як будем умирати, о Марие!
Будь же при нас, наша Мати, аллилуя!

(Припев)

Упроси Свого Сына Христа, о Марие!
Буди хвала векуиста, аллилуя!

(Припев)

Нехай Бога оглядаем, о Марие!
С Ангелами заспеваем, аллилуя!

(Припев)

ОЙ, ЗИЙШЛА ЗОРЯ ВЕЧЕРОВАЯ..

(Ко Пресвятой Богородице Почаевской)

Ой зийшла зоря вечеровая
Та по-над Почаевом.
Выступило турецкое войско
Як та чорная хмара.

Турки з татарами облягли
Монастырь завоювати.

Мати Божая Почаевская
Буде нас ратовати.

Отец Желизо з келии вышел
Та слезами умливае:
«Ой, ратуй-ратуй, Божая Мати,
Монастырь погибает!»

Ой вышла, вышла, Божая Мати,
На крест Она стала,
Кули вертала, турок убивала,
Монастырь уратовала.

А мы люди, все христиане,
До Бога вси ударяймо,
Матери Божий Почаевской
Поклон все воздаваймо!

**О, ХТО, ХТО
МИКОЛАЯ ЛЮБИТ...**

(Святителю Николаю)

О, хто, хто Миколая любит,
О, хто, хто Миколаю служит,
Тому святой Миколай
На всякий час помогае,
Миколае!

О, хто, хто живе в его двори, —
Помощник на земли и мори,

Измет его от напасти,
Не даст ему в грехи впасти,
Миколае!

О, хто, хто к нему прибегае,
На помощь его призывае,
Той не буде ошуканий
И греховной уйде раны,
Миколае!

Пастырю словесного стада,
Изми нас варварского ада,
Сохрани нас от левой,
Постави нас на правой,
Миколае!

Миколая имя знаменито:
Побеждай тезоименито,
Побеждай агаряны,
Сохраняй христианы,
Миколае!

Побеждай врагов наших всюды,
Помощник во скорбех нам буди:
Хотящих нас разорити,
Зволь их уста заградити,
Миколае!

Миколае, молися за нами! —
Просим тя вси тут со слезами,

Мы тя будем выхваляти,
Имя твое величати
На веки.

**ГИМН СЯТЫМ БРАТЬЯМ
КИРИЛЛУ И МЕФОДИЮ**

Слава вам, братья, славян просветители,
Церкви Славянской Святые Отцы,
Слава вам, Правды Христовой Учители,
Слава вам, грамоты нашей творцы (2).

Будьте ж Славянству звеном единения,
Братья святые Мефодий, Кирилл!
Да осенит его дух примирения
Вашей молитвой пред Господом Сил (2)!

БРАТЬЯ ДВОИЦУ СЯТУЮ...

*(Сятым Кириллу и Мефодию,
Первоучителям Славянским)*

Братья! Двоицу сятую
В сей день радостно почтим —
Просветителей честную
Память светло совершим!
Песнью хвальною, велегласною
Да восхвалим их:

Радуйся, Кирилле! Радуйся, Мефодие!
Радуйтесь, радуйтесь,

Словенских стран Апостолы!
Светом Божиим, Просветители,
В тьме блуждающих озарили нас.

Из источника Православия
Души жаждущих напоили вы!
И словенскими письменами вы,
Богомудрые, умудрили нас.
В умилении благочестно все,
Торжествуя днесь, ублажаем вас.

БЛАЖЕН ТЫ, ОТЧЕ, МУЖ...

(Песнь преподобномученику Афанасию Брестскому)

Блажен ты, Отче, муж, что правоверно жил
И житием святым ты Богу угодил,
Желая со Христом по смерти в небе жить,
Безсмертия венец преславный получить.
А тем, Блаженнейший, что вере той учил,
Которую и сам в сей жизни ты хранил,
И братии своей прилежно ты внушал,
Что вера Православная есть истинна, вещал,
Которую Христос Спаситель возлюбил,
Апостолами всех Он тою просветил,
На правый веры путь желая привести,
От вечной гибели через людей спасти,
Чем самым более в сем мире ты сиял,
Как золото чистое, как бриллиант блистал.
За что тебя Христос Спаситель возлюбил,
Святое мужество духовное дарил.

Чрез Мать Свою тебя Он вестником избрал,
К сенату польскому тебя Он посылал,
Чтоб веры древней тот сенат не пременял,
На римску западную ее не изменял,
И тем не развращал людей всех православных,
Апостолам, Святым Отцам единоверных.
Что за измену ту лишится он спокойства,
Земного царствия всего благоустройства.
Такия ты слова сенату все изрек,
Упрямому ж ему казнь будущу прорек.
Как Матерь Божия велела объявить
И никаких Ея пред ним тех слов не скрыть,
Кой веру греческу на римску променял
И с королем тогда совет свой подавал,
Чтоб верных в Польше всех к той вере принуждать
Или унитскую им повелел принять:
И для того тебя Мать Божа посылала,
Восточной веры той не изменять внушала,
Которой предки всех с усердием держались,
В той Польше и Литве все одною спасались
До тысяча пятьсот девятьдесят шестого
Года от Рождества Спасителя Благого.
Хотя ж речей твоих сенат тот не принял
И кровь твою еще убийством излиял,
Усек пред всеми ты за весть ему худую,
Которую почел за ложную и злую,
Прельстившись пастырьми, отступшими, худыми,
Унитскими пятью, делами не благими,
При том же тот сенат и папе поблажая
И королю тогда своему потакая,

Ему, католику, желая угодить,
Чтоб в славе сей мирской чрез весь век с ним прожить,
По смерти он твоей ту веру пременял,
На римску западну унитску изменил
И многих отступить принудил он здесь верных,
Святою верою Отцам единовѣрных,
И не хотевших всех от веры отступить
На римскую или унитску пременить,
Чрез злых людей своих различно утеснял,
В Литве и Польше всей лукаво погублял.
Чрез то и потерял он царство до конца,
Лишившись в вѣчности небснаго венца.
Что смело ты все то в сенате извещал,
Ему благой совет духовный подавал,
Кой, не желая внять совету твоему,
А поступить хотел по сердцу своему,
Тебя в темницу он велел тотчас отдать,
Потом же повелел главу тебе отнять.
Но ты истину и веру Православну,
Отцами, самими Апостолами избранну,
Которой научил Христос-Спаситель Бог,
Чрез верных в Польше всех и нам соблюсть помог,
И также за твою святу кровь излиянну
И жизнь твою чрез то безвременно скончанну
Венцом безсмертія от Бога увенчан
И славнейший чертог тебе на небе дан.
Тем на земле и мы тя, Отче, ублажаем
И мученичую кончину почитаем,
И помним все слова, какія ты изрек,
Гоненье, торжество для верных всех прорек,

За полтораста лет благую весть предвозвестил
Пред смертью тогда своею ты, открыв,
Что Церковь будет вся вельми гонима впредь,
Чем гибель сотворят себе и верным вред:
Но наконец она преславно возсияет,
Спокойствие везде, свобода возблистает,
Как крин и лилия здесь процветет прекрасно,
И будут православные жить в радости приятно,
И все слова твои исполнились днесь.
И православные живут в отраде здесь,
В воскресшей Польше при правлении спокойном,
При свободном устройстве конституционном.
За то тебе зовем песнь: радуйся, прехвальне,
Провидче будущих, наш вестниче преславне,
Ты исповедникам подобен, Отче, был,
Что веру правую сенату объявил.
Став бодрственно один пред сонмом всех князей,
Приемших злый совет для пагубы людей,
Как Мать Божия велела изъяснить,
Чтоб не дерзал сенат ее переменить
На веру римскую, не бывшу здесь нигде,
Но греческа была Восточная везде,
За что и пострадал, как древний из отцов,
Премудре Отче наш, угодниче Христов.
И мы, тебя за то сердечно похваляя,
Все подвиги твои за святость прославляя,
Тя, Афанасие, блаженне Отче, просим,
Мольбу свою к тебе в сем мире мы приносим:
О нас ко Господу, ты, Отче, помолися,
Молитвенник всегда теплейший сотворися,

Моля Его о нас, да свыше просветит
И духом мужества нас грешных укрепит:
В сей вере истинной до смерти пребывать
И с покаянием всем жизнь нашу скончать,
Дабы и мы могли на небе с Богом жить,
Блаженство вечное по смерти получить.

О ВЕЧНОСТИ

Памятайте, христиане,
Что се з вами потом стане — на веки.
Всем по смерти идти треба —
Чи до пекла, чи до неба — на веки.

Есть то правда неотменна,
Что с тых една, а не инна — на веки.
Чекает всех нас дорога —
Така есть в том воля Бога — на веки.

Так в Святом Евангелии
Христос учит о житии — на веки.
Едних бо к Себе взывает,
Других в пекло отсылает — на веки.

Тут светови скажете люди,
Что то в оном пекле буде — на веки.
Якия там будут муки,
Нужны троски и докуки — на веки.

Темность страшна места того
Причиняет муки много — на веки.
О, як тяжка та казнь буде,
Если не видят света люди — на веки.

Душу жалость зранит многа,
Понеже стратила Бога — на веки.
И все ласки и все дары
Зрение Божия твари — на веки.

Там грызет червь сумления,
Что не достал спасения — на веки.
Для марности позбыл неба,
А так погибати треба — на веки.

Ужаснемся, христiane,
Бо и с нами тож се стане — на веки.
Если не будем се каяти,
Суда Божия се бояти — на веки.

Приказанья исполняти,
Наук церковных слухати — на веки.
Не допусти, Христе Боже,
Страсть Твоя нам да поможет — на веки.

О СМЕРТИ

Восстани, о душе! Восстани, что спиши?
Грехми помрачена, почто не радиши?

Ах, не веси время, в неже с телом тебе
Разлучитись зело, зело со нуждою треба.

С каковым ответом приидеши пред Бога,
Страшнаго Судию, Судию, сотворивши зла многа?
Тогда всю жизнь твою будет истязати.
Горе тебе, бедна, бедна несть, что отвечаати.

Кровавыми слезами рыдати будеши
И ни от кого же, кого же помощи приимеши.
Смерть грешников люта, кийждо винен знати,
Чисту душу взявши, взявши, чисту должен дати.

Но кто ю очистит, разве Бог единый.
Той кающемуся, кающемуся отпустит все вины.
Боже, како Ти ся во исправлении,
Ты же сохрани мя, сохрани во исхождении.

**Из «ЗАГАРОВСКОГО
СБОРНИКА» (XVII в.)**

ОБ ОТСТУПНЫХ ОТ ЦЕРКВИ

Врагови подобни церковнии врази
и его милыи и вернии друзи.
Иже Востока светлость ныне составляют
и до тмы Запада в прелесть отбегают.
От истины — до лжи, от веры — во ересь,
от святых сладости — во грешную горесть
Водимы бывают плотскими советы
и не сохранили ко Богу обеты,
Которых ко Нему сами учинили
и своими усты оных осудили.
К богатому папе отбегли на пашу,
абы за пенязе погубити душу.
Где все им по воле будет поблажати,
измышленный Христос, убийца, не мати,
Иже всю вселенную злостями осквернил
и духовный разум на плотский изменил.
Дух же Святой истинен, солгати не может,
и людем прегордым гордость не поможет.
Аще бы кто вержет камень на высоту,
мняще небесную збивати красоту
Всемирнаго солнца, яснаго светила,
на такого падется и оная сила.
И на свою главу восприимет болезни,
да к тому престанет творити соблазны.

И сии же Христовы Церкви не победят,
але сами себе во веки безчестят,
И срамоту примут от Онаго славы,
крепость Его и суд сокрушит им главы.
Навернись, бегуны, ко Церкви Восточной,
приидите к Матери святой, непорочной,
Не шукайте Христа на Западе, в Риме,
и явился нам Бог во Иерусалиме.
Уже бо не придет с земнаго вертепа,
але от Божия небеснаго света.
Папа бо панует не на небе, в Риме,
и погребается во земле и яме.
Не як Бог владеет, человек бо тленный,
слава и век его вскоре отменный.
Але Царь Небесный сидит на столице,
и трепещут пред Ним Ангельстии лица.
И все создание Ему ся кланяет,
от Него живот и духа мевает.
И самый Петр в Риме гды бы ныне возстал,
благочестия вже там бы не застал.
Его наместники им бы изгордели,
иже як царове по нем збогатели.
Мусил бы их снова нищеты учити,
але поистине не мог бы смирिति.
Праведно ж бы папам Петра памятати,
возстанет бо потом он их обличати.
Сохранемо ж везде Петровы науки
и будем Христу и ему ученики.

О ЛЖЕПАСТЫРЕХ

Горе оним, иже Церковь изображают,
и за имения веру продавают,
Як жида Иуде цену поставляют,
оставляют Восток и бегут на Запад
и многими жожами поспешными во ад.
Мимо права святого людских наследуют
и Слова Божого ни мало принимают.
Славы бо и чести на земле шукуют,
до всякой ереси ради ся злепити,
а святую веру хотят развратити.
Суди ж им, Господи, от мыслей отпасти,
и нас же избави от той прелести.
Вы же, православнии, Господа любите,
матку духовную честию почитите,
Восточной Церкви уставы храните
и за отступными пастырьми не идите.
Не дает Бог славы Своеи никому
и хочет служити нам Ему Самому.
И вы, от Сиона, Рима не шукайте,
и непобожной едности бегайте.
Ни свет бо темности не поработает,
но всегда собою темность отгоняет.
Так святая вера светла есть и святая,
без змазы и ересей, яко дева чиста.
От Самого Христа до нас возсияла
и от апостолов людей осветила.
Всю бо вселенную они научили
и за ней крови свои пролили.

И на вся языки дали епископы,
Богу позыскавши як честный снопы.

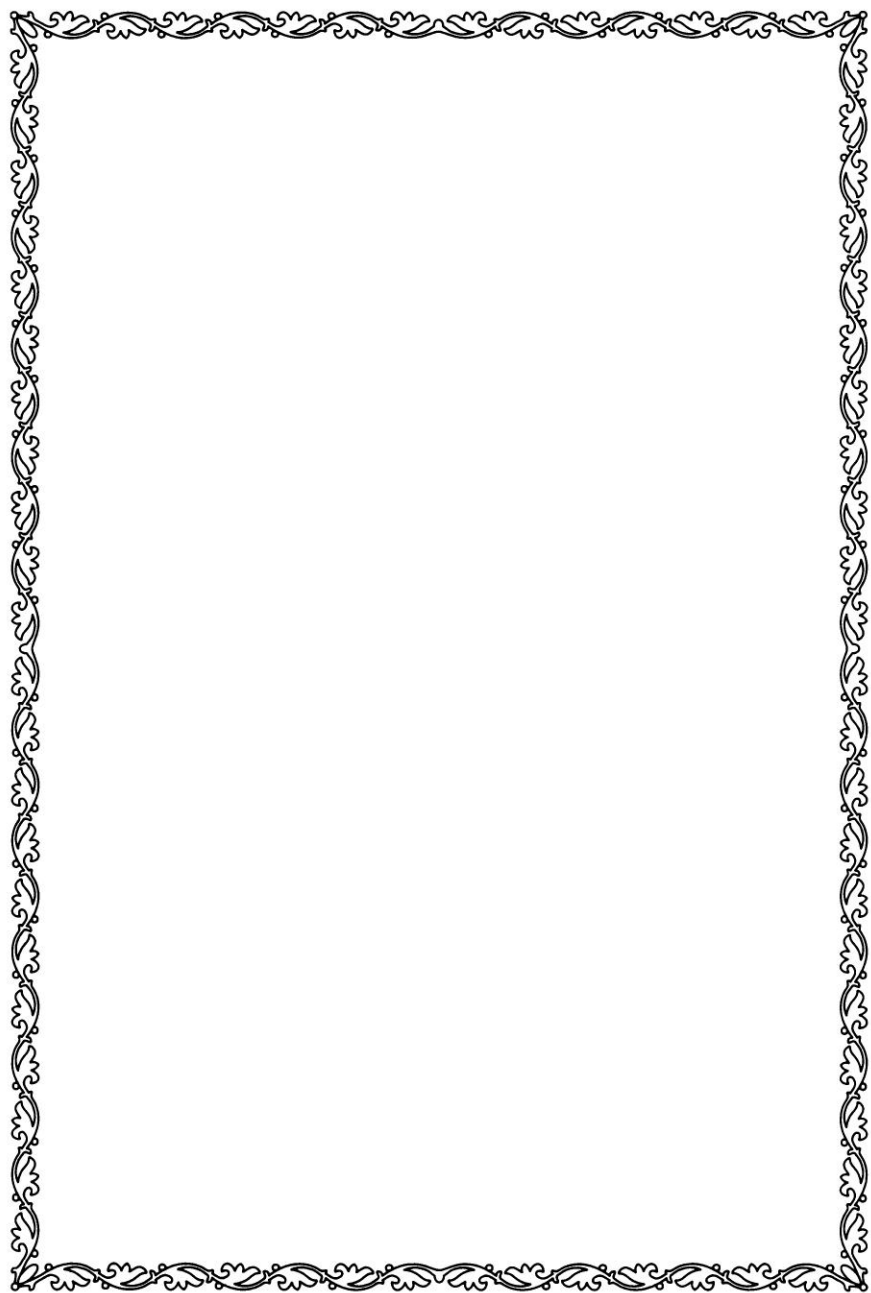
О ЛАТЫНСКОЙ ГОРДОСТИ

Але во остатний век гордые римляне
почитают свое яко Божие создание.
Местца апостолов мнятся содержать,
а их обычаев не любят хранить.
И все противное делают Христови,
и не последуют святому Петрови.
И Божию славу мирскою покрыли,
и духовный разум плотским изменили.
Запремо ж ся таких апостолов новых,
да не отлучают нас любовью Христовых.
Святые папежи первые блаженны,
иж муки за Христа были сподобленны,
И тыи истинно Христови служили
и для христианов души положили.
Яких тепер церков римская не мает,
и с жидами дружбу и любовь ховает.
Христови и Церкви зело есть противна,
и до Восточной матки не покорна.
А вы, верный, мачоху минайте,
святую отчизну зело заховайте.
И не последуйте гордому народу,
держите со Христом пресвятую згodu.
Не подобает нам слабоверным быти,
да не заведут нас от веры зблудити.

Кто преславной веры отступает,
такий со святыми жребия не мает.
Убог такой и наг, душа его мертва,
и сам есть гнусная греховная жертва.

ГЛАГОЛ И ДУХА
БЛАГОДАТЬ:
стихи служителей
Церкви Христовой

**ИЛАРИОН,
митрополит Киевский**

СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ

(Отрывки)

Кто бо велик, яко Бог наш!
То един твори чудеса,
положи Закон на проуготование Истине и Благодати;
да в нем обыкнет человеческо естество,
от многобожства идольского укланяся,

в Единого Бога веровати.

Да, яко сосуд сквернен, человечество, помовено водою,
Законом и обрезанием примет млеко

Благодати и Крещения.

Закон бо предтеча бе и слуга Благодати и Истине,
Истина же и Благодать — слуга будущему веку,
жизни нетленней.

Яко Закон привожаше взаконенныя

к благодатному Крещению,

крещение же сыны свои препущает на вечную жизнь.

Моисеи бо и пророци о Христове

пришествии поведаху,

Христос же и апостоли Его — о Воскресении
и о будущем веце.

Ослеплени невидением, и тобою прозрехом на свет
Трисолнечнаго Божества.

Неми бехом, и тобою проглаголахом,
и ныне уже мали и велици славим
Единосушную Троицу.
Радуйся, учителю наш и наставниче благоверию!
Ты правдою бе облечен, крепостию препоясан,
истиною обут, смыслом венчан,
и милостынею, яко гривною,
и утварью златою красяся.
Ты бе, о честная главо, нагим одеяние.
Ты бе алчным кормитель.
Ты бе жаждущим утробе ухлажение.
Ты бе вдовицам помощник.
Ты бе странным покоище.
Ты бе бескровным покров.
Ты бе обидимым заступник,
убогым обогащение.
Им же благим делом и инем
возмездие приемля на небесех —
блага, яже уготова Бог вам, любящим Его.
И зрения сладкаго лица Его насыщаяся,
помолися о земли своеи и о людех,
в них же благоверно владычествова.
Да сохранит я в мире и благоверии
преданием тобою!
И да славится в нем правоверие,
и да клянется всяко еретичество!
И да соблюдет я Господь Бог
от всякое рати и пленения,
от града и всякое скорби и стужения...

**Святитель КИРИЛЛ,
епископ Туровский**

СЛОВО НА ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

(Отрывок)

Ныне солнце красуясь к высоте восходит
и радуясь землю огревает, —
Взиде бо нам от гроба праведное Солнце-Христос
и вся верующая Ему спасает.
Ныне луна с вышняго соступивши степени
большему светилу честь подавает, —
Уже бо ветхий закон по Писанию с суботами преста
и пророки Христову закону честь подает.
Ныне зима греховная покаянием престала есть
и лед неверия богораздумием растаяся.
Зима убо языческаго кумирслужения
апостольским учением и Христовою верою
престала есть,
Лед же Фомина неверия
показанием Христов ребр растаяся.
Днесь весна красуется оживляющи
земное естество,
и бурнии ветри тихо повевающе плоды гобзуют,
И земля семена питающи зеленую траву ражает.
Весна убо красная есть вера Христова,
яже Крещением поражает человеческое
паки естество;

бурнии же ветры — грехотворнии помыслы,
иже покаянием претворышесе на добродетель
душеполезныя плоды гобзуют;
Земля же естества нашего, аки семя,
Слово Божие приемши
и страхом его болящи присно,
дух спасения ражает.

ПОХВАЛА ПРЕПОДОБНОЙ ЕУФРОСИНИИ, ИГУМЕНИИ ПОЛОЦКОЙ

Ким убо языком достоить нам похвалити, братие,
светозарную память преблаженныя
невесты Христовы — Еуфросинии?!
Бяше бо помощница обидемым,
скръбящим утешением,
нагим одеяние, больным посещение,
просторище всем.
Всяка бысть Еуфросиния,
убо сердце свое напокаяще Божия премудрости.
Еуфросиния — неуведающий цвет райского сада!
Еуфросиния — небопарный орел,
попаривши от Запада и до Востока,
яко луна солнечная,
просветивши всю землю Полоцкую!
Тем же, братие, хвалится Селун Дмитрием,
а Вышегород мученики.
А мы же хвалим, блажен еси ты граде Полоцкий,
таковую леторасль возрастивый, —
преподобную Еуфросинию!

Блажени людие, живущие в нем!
Блажени родители твои!
Блажена утроба,
от нея же изыде преподобная Еуфросиния!
Блажен возраст твой, Еуфросиние достохвальная!
Блажен труд твой и подвижи к Богу!
Блажени люди, живущие в монастыре Святого Спаса
и Святыя Богородицы!
Блажени людие, живущие в тебе,
преблаженная невесто Христа, Бога нашего!
Молися Богу о стаде своем, иже вси
совокупила ко Господу,
Яко тому подобает всяка слава и честь,
и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу
и ныне и присно!

**Преподобномученик АФАНАСИЙ,
игумен Брестский**

Даруй покой Церкви Своей, Христе Боже,
терпети болш не вем, если хто з нас зможе.
Дай помощ от печали,
абыс мы вцели zostали.

В вери святой непорочной в милы лета,
гды ж приходят страшные дни в конец света.
Вьлучаеш, хто з нас, Пане,
по правици Твоей стане.

Звятияжай же зрайцов первой униатов,
препозитов также и их номинатов.
Абы болш не колотили,
в покою лет конец жили.

Потлуми всех противников и их рады,
абы болшей не чинили гневу и зрады,
межи греки и рымляны,
гды ж до люд Твой ест выбранный.

Пришол той час розделеня з проклятыми.
Не зъест хлеба ошарпанец з везваными.
До темности каже втругить,
звязаного в веки мучить.

Тут юж злости антихриста, униате,
кламцо и похлебцо, роженой лжи брате,
памятай ся в своей злости,
зажий на собе литости.

Пекло на тя горящее зготовано.
Гордость твою и думы зле бы спялно.
Стережися того огня,
не вер диавлу рукоимя.

Для тебе то церков грецка ляментует,
в многих местцах много утисков приимует,
престань же такой злости,
не чини юж прикrostи.

Небарзо тебе Рым прагнет и Латина,
може, бовем обыйтиса без Русина.
Навернися до Вcходней
Церкви своей святой.

Поможет в том Пречистая и святыи,
молитвы свои даючи приемныи
в славу Богу своему
в Троици Святой Единому.

Будь же сыном православным, униате,
ест покута живым людем, милый брате.
Христос по тебе взывает
и Пречистая чекает.

Просит за тя з плачем горким в трубе страшно
Матка Сына, в крижу мовячи, мне жалосной:
теперь человек ласку мает,
на потом болш не узнает.

Хвалим же вси Христа и Творца нашего,
же нам дал юж Матку. Неокрутно Его
речь святая и знаки
неомылны суть на веки.

**Святитель ДИМИТРИЙ,
митрополит Ростовский**

ВОПЛЮ К БОГУ В БЕДЕ МОЕЙ

Воплю к Богу в беде моей, да мя Он услышит
И в велицей скорби моей весело утешит,
Обратит мой плач в веселье и в радость предложит,
Тяжкое ж ми злолученство во благо приводит.
Не вем, откуда ветер взвее в сладостной прохладе, —
Уже падаю отвсюду сущи на свободе.
Надежда мя утверждает, мысль ми направляет,
Указует теши к Богу, Кий все устрояет.
Аще бы под землю скрылся, и там мя обрящет,
Аще б в камень заключился, и там мя досяжет.
Но аз, стоя издам, прикладом грешного
Реку: «Боже, почто мя оставил страстного?
Приспе время исправленья живота моего,
Из молодых лет в жизни моей деях много злаго.
Помилуй мя Ты, грешного, о мой вечный Боже!
Во уши Твоя святы прими мой вопль уже
И подаждь ми терпение всех страданий моих,
Управи мя, якож веши Духом Святым Твоим,
Аще волиши наказати, буди воля Твоя,
Токмо да спасется душа милостивно моя.
Весь день, всю ночь рыдаю, Господи мой, к Тебе:
Услыши молитву мою и прими ю к Себе,
И подаждь же милость Свою, избави от муки,
Понеже весь аз отпадох чрез гнев Твоей руки».

**ГОСПОДИ МОЙ,
ЯРОСТЬ ТВОЮ НЕ ПОКАЖИ НАДО МНОЮ...**

Господи мой, ярость Твою не покажи надо мною:
Во жестоком гневѣ Твоем не суди мя в гресѣ моем.
Господи мой, стрелы Твоя поразиша сердце мое:
Всяк час на мене рука Твоя, обетшаша кости моя.
Нестъ бо мира в костех моих, от ярости очес Твоих:
Грех мой видех предо мною, превосходящ главу мою.
Отяготе на мене грех мой, яко видех, Боже, гнев Твой:
Озлоблен бых и смирихся, ко нищете преложихся.
Возлюблю сердце мое, на всякий час творя злое:
В нутре моем полно злаго, не видимо, что есть благо.
И сотворих многу злобу, Господи мой, пред Тобою:
Прости, Боже, грехи моя, что сотворих пред Тобою.
Не остави мене, Боже, но всегда буди со мною:
Господи мой и Спасе мой, Ты ми вонми в помощь мою.

НАДЕЖДУ МОЮ В БОЗЕ ПОЛАГАЮ

Надежду мою в Бозѣ полагаю,
Промыслу Того весь себе отдаю.
Як Он восхощет, тако мне устроит,
А Его воли никто не престоит.
Судбы Господня есть то бездна многа.
В тайных советех кто постигнет Бога?
Аще что кому Он восхощет дати,
Людская зависть не может препяти.
Кому бо в Него предуставленно,
То непременно будет исполнено.

Убо надежда моя буди к Богу:
Удивит на мне милость Свою многу.
Не надейся на князи и люди —
В тех уповая, постыжден есть всюды.
Часть моя еси Ты, Единый Боже,
Твоя десница во всем мне поможе.
Десница Твоя та сотворит силу:
Исцелит душу, даст здравие телу.
Та и вся блага, аще их есть тебе,
Вскоре дать может и потом жить в небе.

О ГОРЕ МНЕ, ГРЕШНИКУ СУЩУ

О горе мне, грешнику сущу,
Горе благих дел неимущу!
Како пред Суд Божий явлюся,
Како со святыми возвеселюся?
Отступих от Бога злобою,
Грех возлюбих сам сы собою,
Темность паче света кохаю,
А о славе вечной не дбаю.

.....
Временное предпочитаю,
А о славе вечной не дбаю.
Что ж услышу? Стражду навеки.
Ах, беда мне, жаль превелики!
Восплачуся горько слезами,
Но не будет милости с нами.
Что имам, бедный, сотворити
Когда придет Господь судити?

Пойду прежде дне сего судна,
Явлю вся дела моя студна —
Пойду пред Отцем умилюся,
Да Его пищи не лишуся...

ГРЕШНИК И МАГДАЛИНА

Грешник

Дай мне место, Магдалина,
У Христовых ног,
Чтобы их омыть слезами
Бедный грешник мог.
Ты уж плакала довольно,
Ты уж плачем уладила,
Ты очистилась от скверны,
Ты любовью просветилась.
Я ж, несчастный, и доселе
Прокажен грехом,
Опоясан поношеньем
И покрыт стыдом...
Близкий к смерти, прихожу я
К милосердию Божья Сына, —
Так у ног Его пречистых
Дай мне место, Магдалина!

Магдалина

Милосердьем безпредельным
Наш Господь богат:
Всех Он любит, всех зовет Он,
Всех принять Он рад.

Пусть все люди соберутся, —
У Него не будет тесно, —
Так любовь Его обильна,
Дом велик Его Небесный!
Станем плакать лучше вместе
При Его ногах:
Есть всегдашняя улада
В плаче о грехах.

**Иеромонах
ЕПИФАНИЙ СЛАВИНЕЦКИЙ**

РАДУЙСЯ, РАДОСТЬ ТВОЮ ВОСПЕВАЮ!

Радуйся, радость Твою воспеваю! —
Так горких смуток моих познаваю!
Радуйся, Дево, радуйся! — взываю.

Сладкаго Христа дражайшая Мати,
Дажь помощь Твою всем нам познати,
Своего людем Сына даждь познати!

Неплодство Твое Ты Отцу разрешила,
Егда плодная лоза отродила —
Живот миру Рождеством явила.

Дажь ми сего плода, благодати Ева,
Благословен есть от Твоего чрева,
Егоже родиши, пребыла есть Дева.

Но яко горечь Твое сердце знает,
Егда на кресте сей цвет увядает,
В Твое оружие сквозие збодает.

СВЯТИИ СЯТИТЕЛИЕ, К ВАМ ПРИБЕГАЕМ

Святии сятителие, к вам прибегаем,
Вашими молитвами спастися желаем.

Вознесите молитвы ваша к Господу:
Сохранитися вашему неврежденну стаду,
Вы бо на земли Богу угодили есте
И, яко солнце, в мире светло возсияете,
Петре, Алексие и оно пребогатии
Пастырие российский, отцы преславнии.
<...>

**Архиепископ Новгородский
ФЕОФАН (Прокопович)**

Кто крепко на Бога уповаает,
Той недвижим смотрит на вся злая.
Ему ни в народе мятеж бедный,
Не страшен мучитель зверовидный;
Не страшен из облак гром парящий,
Ниже от южных стран ветер шумящий;
Тогда он, смертного страха полный,
Адриатийския движет волны.
Аще мир сокрушен распадется,
Сей муж никогда не содрогнется:
Прах тела разбьет падеж лютой,
А духа не может изринуть.
О Боже, крепкая наша сило,
Тебе Единого сие дело:
Без Тебе и втуне мы ужасны,
При Тебе и самый страх не страшный.

**Архиепископ ГЕОРГИЙ
(Конисский)**

[СЕБЕ САМОМУ НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ]

Колыбель Нежин. Киев мой учитель,
Я в тридцать восемь лет сделался святитель.
Семнадцать лет боролся я с волками.
А двадцать два, как Пастырь, отдохнул с овцами.
За претерпенные труды и непогоду,
Архиепископом и Членом стал Синоду.
Георгий именем, я из Конисских дому,
Коню подобен бывал почтовому.
Сего тут падла закрыл грешны кости.
Год семисотый пятый девяностый.

Священник
СТЕФАН ГОРЧАК

ВИРШЕВЫЙ ДОМОСТРОЙ

1

*Наказание некоего отца к своему сыну,
дабы он подвизался о добрых делах выну.*

Возлюбленному моему чаду,
аки цветущему винограду,
от меня, отца крепкое наказание.
Наказую ти, чадо, после своего живота:
да будет тебе душевная и телесная чистота.
И не ходити бы тебе под чужим забралом,
и помышляти бы тебе душевным своим ралом,
и доволну бы тебе быти своими оброки,
да не будеши слыти некоторыми пороки.
Всегда бы тебе к Церкви Господни притекати
и Божественная словеса благоумне внимати,
и во время того святого пения молчати,
и Царство Небесное во уме своем помышляти,
и до конца бы церковного пения не исходити,
и во уме своем твердо и непоколебиму быти.
И никогда же бы тебе пустошных словес
не говорити,
и уст своих и языка таковым глаголанием
не сквернити,
и пред добрыми людьми вежливо говорити.

А слепа и хрома не укорити.
Того Господь наш и Бог, Иисус Христос,
отнюд не любит
И всякаго досадителя рог да вострубит,
тот таковое деяние не умолчит,
занеже такова аггел Господень не ополчит.
И со злыми бы и лукавыми человеки не знатися,
А на Божественная словеса простиратися.
И, на беседе сидячи, словом напредь не дерзати,
и, на трапезе будучи, такожде руки своя
не предваряти.
Ожидати бы тебе честных и выше
тебе сидящих
и друг друга болши себе честию творящих.
И тако будещи велми честен и хвалим от всех,
и да будет ти лютий посмех.
И паки всегда держатися добрых людей совета,
да явишися сын света.
<...>

**Святитель ФИЛАРЕТ (Дроздов),
митрополит Московский и Коломенский**

ЖИЗНЬ

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал;
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, Забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум!

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.
Но если вслед за огорченьем
Нам улыбнется счастье вновь,

Благодарим ли с умилением,
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

**НА ДЕНЬ
ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ**

Преобразился днешь Ты на горе, Христе,
И славу там Твои ученики узрели,
Дабы, когда Тебя увидят на кресте,
Страданье вольное Твое уразумели
И проповедали вселенной до конца,
Что Ты — сияние Отца.

**Святитель ИГНАТИЙ (Брянчанинов),
епископ Кавказский и Черноморский**

ЖАЛОБА

Для страждущей души моей
Искал я на земле врачей,
Искал я помощи, отрады:
Моим болезням были рады.

Надежда тщетна на друзей
Моих минувших счастья дней:
Они со мною пировали —
И отдаль встали в дни печали.

Не утешит тоску вино!
Напрасно сердцу утешенье
Искать среди самозабвенья:
Грустней пробудится оно.

И в развлеченьи нет отрады!
Нет прочной в нем тоске преграды:
Еще веселья слышен шум.
А грусть, как ночь, туманит ум.

Испытан я судьбой, врагами,
Изранен многими стрелами:
Пытали клеветой меня.
Предательством был мучен я.

И долго, долго я томился...
Но наконец сквозь толщу туч,
Сквозь мрак суждений мира луч,
Луч света радостный пробился.

Прозрел я, ожил. Оживленный,
Святою верой просвещенный,
Спокойно совершаю путь,
Которым к вечности иду.

СОВЕТ ДУШЕ МОЕЙ

Какой подам душе совет,
Когда Христос, от Света Свет,
Советует скорбей терпенье,
Чтоб в горнее достичь селенье!

Плотская сласть, земная честь
И тленного богатства лость,
Пленяющие человека,
Пребудут ли при нем в век века?

Приходит смерть: ее коса
Лицеприятия не знает;
Равно под нею упадает
Власть, сила, гений и краса.

Бедняк забвенный — вот лежит
Близ богача или героя,

И червь, во тьме могильной роя,
Главу надменного смирит!

Душа, душа! Прими совет!
Вне стезь Его спасенья нет!
Укрась себя постом, слезами,
Молитвой, многими скорбями.

В святых Божественный Чертог,
В светлейшую обитель Рая
Ты вступишь, радуясь, играя!
Там ждет тебя с наградой — Бог!

К ЗЕМНОМУ СТРАННИКУ

О путешественник земной! проснись от сна:
Твоя грехов сума полна;
Ты погружен, как в сон глубокий, в нераденье.
Престань напрасно жизнь — бесценный дар —
мотать!
Не то придет к тебе внезапно смерть —
как тать...
А в вечности вратах — ужасно пробужденье!

Игуменья ТАИСИЯ (Леушинская)

**ПРЕД ЧУДОТВОРНОЮ ИКОНОЮ
БОГОМАТЕРИ
В КАЗАНСКОМ СОБОРЕ**

Как хорошо в Твоем храме, Владычица!
Как сладко душе и светло!
Свободно, спокойно в нем каждому дышится,
На сердце легко и тепло!
Словно Сама Ты, о Мати Всепетая,
Сама Ты здесь с нами стоишь;
Любовию Матерней к людям согретая
На всех с состраданием глядишь!
И Лик Твой, Божественной славой сияющий,
Безмолвно вещает сердцам:
«Придите, молитесь Мне, вам внимающей,
Я всем вам отраду подам!
Молитесь убогие, бедные, сирые,
Ведь Я для вас Мать и Покров!
Молитесь и вы, сего мира счастливые,
Познайте в сем счастье, любовь!
Молитесь и вы, грехом отягченные,
Давно Я молитв ваших жду;
И, покаянья слезой орошенные,
Услышу Я их и приму!
Молись и ты, старчество дряхлое, хилое!
Молись и ты, юности цвет,
Молитесь и вы, малюточки милые,

Я всех вас покрою от бед!..»
О, Милосердная Мати Пречистая!
Безмерна Твоя к нам любовь;
Ты нам Заступница в скорбех пребыстрая,
Ты наша Мать и Покров!
О! не оставь же нас, Мати любимая,
Молиться Тебе — вразуми;
И с верою теплою Тебе возносимые
Моления грешных прими!

**«ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ, ВОЗДВИЗАЕМОЕ ЗРЯ...
К ТИХОМУ ПРИСТАНИЩУ ПРИТЕК,
ВОПИЮ ТИ...»**

Как Петр, я в море утопаю,
В волнах житейской суеты;
Как он, и я к Тебе взываю:
«Наставниче! Спаси, спаси!»
Ты всемогущ! Тебе возможно
И бури словом укрощать,
И по водам ходить невлажно,
Громам и ветрам запрещать.
Ступи ж Божественной стопою
На волны сердца моего, —
Оно умолкнет пред Тобою
И вкусит мира Твоего!
Прости мне руку, дай мне веру
И, как Петру, скажи и мне:
«Почто сумнишься, малове?!

Мужайся и иди ко Мне!..»

ПРАВЕДНИК

Посвящается о. Иоанну Кронштадтскому

Я видела его, его речам внимала,
Как древо от плодов его я познавала:
Любовью блещет взор, любовью дышит слово,
И, полная любви, на помощь всем готова
Его благословенная и чистая душа, —
В ней виден Божий свет и мир, и тишина.
Не пышностью речей то слово золотое,
Не мудростью пустой гремит оно, простое,
Но чем-то неземным беседа та полна.
Трепещет радостью, внимая ей, душа!
И словно видит он раскрытой хартию
Всех помыслов твоих, и исповедь твою
Из недр души твоей он сам тебе износит,
И в сердце скорбное мир благодатный вносит.
Молитвою своей он небо преклоняет;
Кто внял молитве той, тот ведает и знает,
Что есть молитвы дар, дар чудный и священный,
Доступный лишь душам он чистым и смиренным.
Есть люди на земле, но — люди неземные;
Не Ангелы они, а братья нам родные,
На помощь беднякам нам посланы они,
Избранники небес и Божии слуги.
И если бы они меж нами не являлись
И нашей темноты собой не просвещали,
Что случилось бы с людьми?!

Среди сует земных — погибли бы они!..

МОЛИТВА ГРЕШНИЦЫ У ПОДНОЖИЯ КРЕСТА

Приди ты, грешная душа,
Приди в сознании и страхе,
Пади к подножию Креста,
Смирись во вретище и прахе!
Лобзай подножие Христово,
Его слезами орошай,
Как грешница — стопы Святого
Главы власами отирай!
Воскликни с нею со слезами:
«О, мой Спаситель Дорогой!
Ты пощади Твое создание
И обнови в нем образ Твой!
О, не отвергни покаянья
И слезы грешницы прими
Не как Иудино лобзание,
А как стенания души,
Души, грехом обремененной,
Души, измученной борьбой,
Души униженной, смиренной,
Но не отвергнутой Тобой!
Сам даждь мне образ покаянья
Пред вечной правдою Твоей!
Я — Твое падшее создание,
Раба греха и злых страстей!
Ответа нет в моем сознание,
Мои безмолвствуют уста,

Одно, одно мне оправданье —
Лишь у подножия Креста!
Распятого на нем Тебя,
Христе мой, слезно умоляю:
Дай мне прощенье со Креста.
О, Свете тихий и пресветлый,
Я на Тебя лишь уповаю.
Воззри на мрачную, воззри!
И зрак греха ее нелепый
Своим воззреньем озари!..
О, Благодать, Благодать пресвятая,
Услышь вопль грешных души!
Утешь скорбящую, вещая:
«Прощаются тебе грехи!»

ВЕРА

О, вера чистая, святая,
Ты — чудотворная струя,
Ты — дверь души в обитель рая,
Ты — жизни будущей заря!
Гори во мне, светильник веры,
Гори ясней, не угасай,
Будь мне повсюду спутник верный
И жизни путь мне просвещай!

**Священник
В. ЗАБРУДНЫЙ**

БРАТСКИЙ ГИМН В ГОДИНУ ВОЙНЫ

В прежнее время порой надвигались
Злые тевтоны на нас,
Тайно и явно они добивались
Русь уничтожить не раз.
Послано Богом нам вновь испытанье,
Тяжкое бремя невзгод,
В этом суровом горниле страданья
Должен окрепнуть народ...
Должен он Церковь и Родину смело
Грудью своей защитить,
Ради великого русского дела
Жизни своей не щадить.
Время под братской хорутвью сплотиться,
Выступить против врага
Всею, в чьей душе вера в Бога хранится,
Всею, кому Русь дорога.
В братской любви и святом единеньи
Наших успехов залог,
С ними не страшны врагов ухищренья,
В правде поможет нам Бог!

Мать МАРИЯ
(Кузьмина-Караваева Елизавета Юрьевна)

Не помню я часа Завета,
Не знаю Божественной Торы.
Но дал Ты мне зиму и лето,
И небо, и реки, и горы.

Не научил Ты молиться
По правилам и по канонам, —
Поет мое сердце, как птица,
Нерукотворным иконам,

Росе, и заре, и дороге,
Камням, человеку и зверю.
Прими, Справедливый и Строгий,
Одно мое слово: я верю.

Пусть отдам мою душу я каждому,
Тот, кто голоден, пусть будет есть,
Наг — одет, и напьется пусть жаждущий,
Пусть услышит неслышащий весть.

От небесного грома до шепота,
Учит все — до копейки отдай.

Грузом тяжким священного опыта
Переполнен мой дух через край.

И забыла я, — есть ли средь множества
То, что всем именуется — я.
Только крылья, любовь и убожество,
И биение всебытия.

Искала я таинственное племя,
Тех, что средь ночи остаются зрячи,
Что в жизни отменили срок и время,
Умеют радоваться в плаче.

Искала я мечтателей, пророков,
Всегда стоящих у небесных лестниц
И зрящих знаки недоступных сроков,
Поющих недоступные нам песни.

И находила нищих, буйных, сирых,
Упившихся, унылых, непотребных,
Заблудшихся на всех дорогах мира,
Бездомных, голых и бесхлебных.

О, племя роковое, нет пророчеств,
Лишь наша жизнь пророчит неустанно.
И сроки близятся, и дни короче, —
Приявших рабий знак, осанна.

ПОКАЯНИЕ

Я верю, Господи, что если Ты зажег
Огонь в душе моей, то не погаснет пламя.
Что Ты не только там, но что и здесь Ты с нами,
В любви и творчестве наш христианский Бог.

И верую: придет неизреченный свет
С востока в этот мир — воистину неложно —
И то, что кажется сегодня невозможно,
Раскроется в труде несовершенных лет.

Тогда настанет день: на широту миров —
Во всем преодолев стихию разрушенья —
Творца мы прославлять восстанем из гробов,
Исполнив заповедь любви и воскрешенья.

И будет новый мир, и в мире — Новый Град,
Где каждый светлый дом и в доме каждый камень
Тобою, Отче наш, преображенный лад,
Воздвигнутый из тьмы сыновними руками.

Сразу даль обнажена,
В льды душа моя уводится.
О, крылатая Жена,
Дева, Матерь, Богородица.

Вижу зорче зорких снов,
Птиц неведомых крылатее —
Хаос — и над ним Покров,
Распростертый Девой Матерью.

Тайна, хаос — это я,
И Покровом жизнь исчислена.
Нет иного бытия —
Только мрак и Мать Пречистая.

Священник
ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

У ОКНА

- Гляди-тко, родимый. Гляди-тко: в цвету
За окнами вишни белеют,
И ветром весенним — смотри! — на лету
Несет лепестки их и веет!
- «Ах нет, ты ошиблась, — то ветер свистит
Метельный и мертвенно-белый,
Прохожий замерзший — вон видишь? — спешит
И дышит на ус индевелый».
- Мой Брат! О, мой милый! Пахнуло теплом.
Послушай:... гудят колокольни.
В истоме все в сладкой за этим стеклом,
Пойдем же к истоме безбольной!
- «Там нет лепестков: так куда ж я пойду?
По савану? В снежные хлопья?
Там ветви стенают в холодном бреду
И тянутся к небу, как копыя».
- Не саван! Нет, это — венчальный убор,
Дрожит мое сердце: Он близко...
Спешит Он... мелькает сквозь серый забор.
Вон, снова мелькнул, — ты взглядишь-ка.
- «Я вижу наш скучный, гнилой частокол.
Он в дали беззвучной кривится».
- Во двор входит!.. Вот, уж во двор Он вошел.
Я чую шаги... Он стучится!..

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ

(Отрывок)

Смотри! Вон яркая звезда
скользит по грани небосвода:
она катится вниз; туда
придет когда-то вся природа.

Смотри! Еще летят, скользят, —
последний вздох, прощальный взгляд
на мать бросают, обрываясь,
златыми смоквами ссыпаясь.

Звезда катится за звездой:
бесшумно их сползает рой.
Сапфирный меркнет небосвод,
застывший, будто лоно вод.

Еще один последний миг,
и явит мир нам новый лик, —
лик обновленный, просветленный.

Конец уж близок, наступил.
Спаси, Грядый, от вражьих сил
И мир яви преображенный!..

1904

Монах ТИХОН (Черных)

ВЕЛИКОМУ ПАСТЫРЮ
ОТЦУ ИОАННУ КРОНШТАДТСКОМУ

О, мой отец любвеобильный,
Не обвиняй меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С его страстями я люблю;

За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденьи бродит
Мой ум далеко от тебя;

За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто в звуках дивных песен
К тебе, отец мой, я стремлюсь...

Не угаси свой чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрази мне сердце в камень
И утоли голодный взор...

От суетного стремленья
Освободи меня, отец,
И укажи мне путь спасенья,
Как указал тебе Творец...

**Старец
СЕРАФИМ ВЫРИЦКИЙ**

Пройдет гроза над русскою землею,
Народу русскому Господь грехи простит,
И Крест святой Божественной красою
На Божьих храмах снова заблестит.
Утихнут грозные невзгоды,
Своих врагов Россия победит,
И имя русского великого народа,
Как гром, по всей вселенной прогремит.

Священник
ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВСКИЙ

ПЮХТИЦА

Недавно было место пусто
Заброшенное в сей стране,
А ныне девы, вдовы густо
Живут здесь мирно, все одне.

Горой я въехал в ночну пору,
В обитель бедную на ней,
Узрел я чудную ту гору,
Объяту массою огней.

Я видел гору там высоко
В тиши, в сторонке от людей,
А тут над ней большой свет в окнах
Встречал приветливо гостей.

Гора была здесь нелюдима, —
Она стояла пустырем;
Теперь жилье на ней любимо
И названо монастырем.

Да, та гора — Гора Святая,
Эстонец «Пюхтицей» назвал.
Сюда Царица Преплагая
Жить позвала, и Спас послал —

Вдовиц и дев от мест различных,
Со многих русских областей,
От градов древних и столичных,
С народных давних волостей.

<...>

Царица Неба пожелала
Всю оживить сию страну:
Толпа эстонцев здесь видала
Ее на сей горе одну.

Ея Сын, Бог и наш Спаситель,
С любовью внял Ея мольбе —
Устроил здесь одну обитель,
Отдал ее на жизнь в борьбе.

А вместе с ней приют и детям
Благоустроил в стороне,
Чтобы всегда на этом месте
Бедняжки жили, как в родне.

Без средств, как птицы, здесь слетелись
На первый раз до сотни дев.
В церковном пеньи скоро спелись
На свой, родной душе, напев.

И пение у них прекрасно:
Не длинно, ясно, в простоте.

Но задушевно, сладкогласно, —
И храм их в редкой чистоте.

Да слышит люд наш глас в пустыне —
Отрадный сердцу блавест;
И бедной Пюхтице отныне
Помогут люди с разных мест.

**Протоиерей
НИКОЛАЙ ГУРЬЯНОВ**

СЕЯТЕЛЬ

Было весеннее раннее время,
В трудную пору, забывши покой,
Сеятель сеял здоровое семя,
Мерно бросая умелой рукой.

Полный работы, любви и тревоги,
Жатвы он ждал от труда своего:
Первое семя легло при дороге,
Стаи пернатых склевали его.

Семя другое на камень упало,
Быстро из семени вышли ростки.
В пору же летнюю солнышко встало
И засушило листки.

Третье семя упало средь терний,
Тернии силой могучей своей
В час неожиданный, грустный, вечерний
Семя от солнечных скрыли лучей.

На землю добрую семя иное
Пало и, выросши, вызрело в плод.
Так и Господнее Слово Святое
В почве сердечной живет и растет.

С семенем зрелым чад Церкви Христовой
В Страшный День Судный Господь призовет
В Вечные крowy Обители райской,
Где Невечерний день в Боге живет.

ПУТЬ БОЖИЙ

К Горе Святой, ко Граду Божью
Различных множество дорог:
Но всех начало у Подножья
Креста, на Коем распят Бог!

И без венца из острых терний,
Без ран, и оцта, и гвоздей,
Без мук сердечных и томлений
До Райских не дойти Дверей.

Все ж бремя легкое Христово
Не тяжело будет нам нести,
Если сумеем Его Слово
Себе на память привести.

Что скорби праведников многи,
Но Он от всех избавит сих,
И что тернистые дороги
Введут в Покой и Радость их.

Что Царство Божие открыто
Для тех, кто узким шел путем,

И что для нас теперь сокрыто,
Тому разгадку *там* найдем...

Что там, где вечное сияет
Светило Божией Любви,
Блаженство Рая ожидает
Страдальца — путника Земли.

Иеромонах АРСЕНИЙ

*Не полагайся на свои силы,
но проси у Бога помощи*

О Боже Сил и вечной славы!
Мой дух угасший оживи,
Чтоб я сказал врагам лукавым
Заветы мира и любви!

Да будут все мои страдания
Угодной жертвой пред Тобой:
И дай мне с пламенной мольбой
Всегда лишь слезы покаянья!

Дай мне младенцев простоту,
Дай Магдалины жар священный,
Дай Иоанна чистоту!

Дай мне донести венец мой тленный
И знамя светлого креста
К престолу Господа — Христа!

СТРАННИК
(архиепископ Иоанн (Шаховской))

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПЫЛИ

Я поднимаю пыль. И с каждым шагом
Я поднимаюсь над землей, как пыль.
Пылятся незабудки по оврагам,
Пылится память, как сухой ковыль.

В глубинах пыли тлеют мира сваи.
Я пылью покрываюсь и грешу.
Пылится все во мне. Я пыль смываю
И снова поднимаю и ношу.

Но эта пыль уйдет в одно мгновенье,
Настанет чистоты великий час,
И воссияет новое творенье,
И воскресит Господь из пыли нас.

Чудесное от вечности восстанет
И будет вечно близким и живым.
И пыль чудесна — ведь ее не станет,
Она преобразится в звездный дым...

Я, как свечу, поставил жизнь мою
Пред образом Преображенья Тела,
Чтоб, не чадя, свеча моя горела.

За тело мира я сейчас в бою,
И тело мира я сейчас пою.
Вся жизнь есть выхождение из пределов.
Мы начинаемся как эмбрион,
А после отплываем на Афон.

Как эмбрион встает из электронов,
Встает из эмбриона человек,
Бездонность глаз прикрыв морщинкой век,
Духовным воспитаньем хлябей сонных.
Нас не смущает высота задания,
Вся наша жизнь есть только воспитанье.

Поэзия познала смысл вещей.
Поэтов надо приглашать к решению
Всех дел земли... Бессмертен не Кашей,
Бессмертно человечье вдохновенье.
Поэтов и мыслителей виденье
В мир надо пригласить. Тогда ловчей
Народы мира смогут стовориться,
Их примирит поэзии Жар-Птица.

Она уже нас тайно собрала
И привела к себе на новоселье —
К Поэзии... И новое веселье
Я слышу в трепете ее крыла.
Так терпеливо свет она несла,
Пасхальный свет среди Страстной недели.
И хорошо лететь здесь было нам
К России, к вдохновенью и слезам.

ДАВИД

Земля входила в звездное течение,
Не понимая, что велит ей Бог.
И вдруг запел земле Давид-пророк
О безначальном Божьем дуновении.
И все поет в веках сердцам простым,
Что никому из них не одиноко —
Над каждым человеком звездный дым,
Над звездами Недремлющее Око.

СВЯТИТЕЛЬ ДМИТРИЙ

Стихи, нездешних слов иконы,
Творя молитвой и постом,
Святитель Дмитрий тихим звоном
Колеблет Северный Ростов.

И оставляет Русь молчанье,
И Слова голос всесвятой
Творит над Русью начинанье
Стихов поэзии простой.

**Архиепископ НАФАНАИЛ
(Львов)**

Мы — дети племени, венчанного избраньем,
постигшего умение страдать.
В минуты страшные безмерных испытаний
умеем мы, смиряясь, не роптать.

Пусть суждены другим иные назначенья:
безпламенный, холодный, тихий рок.
Но мы не захотим сменить свои мученья
на их спокойный жизненный поток.

Над нами солнца свет. Мы слышим неба звоны,
неся в груди мучительную кладь.
Пусть мы рукой судьбы жестоко поражены,
мы будем ждать, молчать и уповать.

**АНТОНИЙ, архиепископ
Западно-Американский и Сан-Францисский**

ИЗ ПАТЕРИКА

— Авва! — молвил старцу ученик, —
Ныне праздник Пасхи, День Велик.
Надо праздновать, вкуси хоть хлеба...
— Пасха!.. — Старец поднял руки к небу,
Радостью преобразился лик...
Он стоял...
И длился этот миг
День, второй и третий...
Мы молились,
Воспевали, пищей укрепились...
Но три дня, к Владыке своему
Устремляясь, мимо всех, — к Нему
Простирая руки в высоту,
Старец праздновал Воскрешему Христу.

О МОЛИТВЕ

Так нас учит преподобный старец:
Каждый раз, когда из клетки сердца
Ты вздохнешь: помилуй, Иисусе,
Сыне Божий, грешного меня, —
Каждый раз там, в глубине сердечной,
Голос Божий тихо отвечает:
Все грехи твои прощаю, чадо!

**Монахиня
АНТОНИЯ (Берг)**

ПОДВИГ СТАРЦА СЕРАФИМА

Ночка безмолвная, зрители —
Звездочки смотрят с небес.
Тихо вокруг. От обители
Тянется Саровский лес.

Келия там одинокая,
В ней Серафим обитал.
Знала пустыня широкая
Подвиг, что он совершал.

Там, при дорожке под соснами,
Камень тяжелый лежал,
Старец ночами бессонными
Здесь на коленях стоял.

Лето и зиму холодную
Он, не смыкая очей,
Выстоял с волей Господнею
Тысячу дней и ночей.

Весь без вниманья ко внешнему
В сердце молитву слагал.
«Боже, будь милостив грешному», —
Старец смиренно шептал.

Хлеб и вода ключевая,
Каторжный труд среди гор...
«Скоро кончина святая», —
Слышится ангельский хор.

Тихо лампада мерцает,
В келье священной покой.
Радостно жизнь покидает
Старец-подвижник святой.

СВЯЩЕННИК-ИСПОВЕДНИК*

Цинготные, изъеденные вшами,
Сухарь изглоданный в руке...
Встаете вы суровыми рядами
И в русских святцах, и в моей тоске.
В бараках душных, на дорогах Коми,
На пристанях, под снегом и дождем,
Как люди, плакали о детях вы, о доме,
И падали, как люди, под крестом.
Вас хоронили запросто, без гроба,
В убогих рясах, так, как шли...
Вас хоронили наши страх и злоба
Да льдистый ветер северной земли.
Без имени, без чуда в смертной дрожи,
Оставлены в последний час...
Но палит сердце ваша смерть,
как пламень Божий,
И осуждает нас...
И когда в ночи молниевидной
Вспыхнет и настанет день,
Станет нестерпимо стыдно
За себя, за страх, за стыд, за лень.

* Имя его не названо, указано лишь, что он томился в ссылке еще в 1942 г. См.: Архиепископ Нафанаил. Беседы... 1992. С. 54–55.

И тогда поднимем в оправданье
Медный, мукой мира стертый крест,
Крест погибших в ссылках и изгнаниях,
Крест для Бога брошенных невест.
Крест детей без хлеба и без крова,
Нашей повседневной нищеты,
И того, кто светоч мира — Слово —
Нес в года великой немоты.
И того, кто в час последней муки,
Убиваемый врагом,
Покаянно сложит руки
На груди крестом.

**Игумен
ФИЛИМОН ВАЛААМЕЦ**

Света неземного блеском озаренные,
мы земным зарницам веры не даем
и, мечтой нездешней тайно вдохновленные,
от людских расчетов ничего не ждем.

Именем Христовым сильные и властные,
в Нем спасенье мира ищем и найдем!
веруем глубоко — минут дни ненастные,
просветленье близко! К свету мы идем!

1919

**Епископ Рязанский
ИУСТИН**

ЛАМПАДА

Гори ясней, моя лампада,
Молись теплей, душа моя,
Я раб страстей, стяжанье ада,
И вечных мук достоин я.

Смотрю в жизнь прошлую с боязнью,
В ней тщетно добрых дел ищу.
И, как преступник перед казнью,
Молюсь, страдаю, трепещу.

Хочу я пламенно молиться,
Хочу я плакать и рыдать,
Но сердце к миру лишь стремится,
И нет слезы в моих очах.

Душа моя охолодела —
Не внемлет истине святой,
Живая вера оскудела,
И с ней сокрылся мой покой.

Чертог Твой вижу обновленный —
Обитель дивную Твою.
И нет одежды драгоценней,
И я в преддверии стою.

Но Ты Всеблаг, перед Тобою
Спешу, колени преклоня,
Предстать, Спаситель мой, с мольбою:
Услышь, наставь, спаси меня!

О, утоли мои страданья,
Нечистоту грехов омой;
И дай мне слезы покаянья:
Они людей мирят с Тобой.

**Схиархимандрит ВАРСОНОФИЙ
(Плиханков)**

ВЕЛИЧИЕ БОГОМАТЕРИ

(Отрывок)

...И над этим царством света,
Царством мира и привета,
Царством чудных сил,
Бог вознес Отроковицу
И навеки, как Царице,
Царство то вручил.
И облек Ее в порфиру,
Превознес превыше мира
Ангельских умов.
И нам, грешным и гонимым,
От мятежных сил боримым,
Даровал в покров!

О, Заступница Благая!
Зришь Ты, Дева Пресвятая,
Скорбь моей души.
Даруй слезы умиления,
Сердцу — чувство сокрушенья
И страстей моих волненье,
Бурю утиши...

СВЯТИТЕЛЬ ФЕОДОСИЙ

*Преудобрен во архиереех, святителю Феодосие,
был еси светило своему стаду...*

*(Тропарь святителю Феодосию,
Черниговскому чудотворцу)*

В часы тревожного и смутного волненья
Встает в моей душе по временам,
Как дивный звук святого песнопенья,
Блаженное и чудное виденье.
Я вижу город и старинный храм,
И тополи вокруг него густые,
Сияющий алтарь, лампы золотые,
Ряды святых икон, молящийся народ,
Святителя с слезами умиленья,
Свершающего дивное служенье,
И купола, над ними звездный свод,
И чувств молитвенных исполненные лица...
Торжественно там высится гробница;
Духовный исполин и воин Божьей рати,
Исполненный даров небесной благодати,
Почит Феодосий в ней святой —
Безмездный врач и немощных целитель,
Скорбящих, плачущих духовный утешитель,
Могучий страж страны своей родной, —
И хор певцов гремит ему хвалой!..

НА БОГОМОЛЬЕ

*(Ко дню открытия мощей преподобного Серафима,
Саровского чудотворца, 19 июля 1903 года)*

Как в древности жезлом пророка Моисея
Господь творил в Египте чудеса,
И чрез святые кости Елисея
Воздвигнул к жизни мертвеца,
И воду источил из камени в пустыне, —
Так благодатию Всевышнего Творца
Его избранных святые тела
И кости их чудотворят донине,
Во всем величии их силы и святости.
Да смолкнут же безумных голоса
Глаголющих на истину гордыню,
Отвергшихся от Господа Христа, —
Да заградятся их уста.

ПАМЯТИ В БОЗЕ ПОЧИВШЕГО СТАРЦА ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ ИЕРОСХИМОНАХА О. АМВРОСИЯ

*Блажени раби тии, ихже пришед
Господь обрящет бдящих (Лк. 12: 37).*

Блажен, кто путь свершая тесный,
Кумирам тленным не служил,
В чьем чистом сердце Царь Небесный
Себе обитель сотворил.
Блажен, кто страсти победил
И чужд был суетных стремлений,

Кто средь житейских треволнений
Свой крест безропотно носил
И был утешитель скорбящим,
И перед миром, в зле лежащим,
Как раб, колен не преклонил!
Кто чужд был злобы и гордыни,
Смиренномудрие стяжал,
И вечной жизни, и святыни,
И высших подвигов искал
Как светоносной благостыни;
Кто всей душой своей сознал
Тщету и ложь плотской отрады,
И, невзирая на преграды
И обольщенья темных сил,
Как странник и пришелец жил
Средь слепотствующего мира,
Чуждался жизненного пира
И тучных брашен не вкусил.
Блажен, кто с юности презрел
Сей мир и суетный и ложный
С его гордынею тревожной
И всей пустыней его дел;
Кто к Богу ревностью горел
И жаждал вечного спасенья;
Не ведал злобы и сомненья,
И под покровом вышних сил,
И полный светлых упований,
Без малодушных колебаний,
В обитель иноком вступил...

Блажен, кто веру сохранил
В свое высокое призванье!
Кому за подвиг в воздаянье
Всевышний быть определил
Начатком будущих созданий
И, как наследнику небес,
Послал дар веденья высокий
Своей премудрости глубокой,
Своих таинственных чудес!
Блажен, кто среди бед и зол
Соблюл Евангельский глагол;
И плоть распял с ее страстями,
И свергнул беззаконный гнет,
И к свету вечному идет
Непреткновенными ногами,
И, чуждый дольней суеты,
Стремится в Вечную Обитель —
Обитель Вечной Красоты,
Где в славе царствует Спаситель
С Отцом и Духом, и пред Ними
Поют немолчно Херувимы,
И с ними лики горних сил
Невечереющих светил!

**Монах
СЕРАФИМ СВЯТОГОРЕЦ**

СВЯТАЯ ГОРА АФОН

Гора Афон, Гора Святая,
Не знаю я твоих красот,
И твоего земного рая,
И под тобой шумящих вод.

Я не видал твоей вершины,
Как шпиль твой впился в облака,
Какие на тебе картины,
Какой твой вид издалика.

Я не видал, Гора Святая,
Твоих стремнин, отвесных скал,
И как прекрасна даль морская,
Когда луч солнца догорал.

Я рисовать тебя не смею,
Об этих чудных красотах
Сложить я песню не умею:
Она замрет в моих устах.

Одно, одно лишь знаю верно
Я о тебе, Гора чудес,
Что ты таинственна, безмерна
И недалеко от Небес.

Я знаю, Кто тобой владеет,
Кому в удел досталась ты:
Тебя хранит, тебя лелеет
Царица горней высоты.

Царица дивная, Царица
Народов всех и всех племен;
Она, Царя Христа денница,
Разрушила твой темный плен.

Сквозь сумрак древности глубокой
Я вижу, грешный, как теперь:
Корабль несется одинокий, —
На нем царя-пророка Дщерь.

Несется он из Палестины,
На остров Кипр его полет;
Вдруг ветер, волнуются пучины,
Корабль к Афону пристаёт.

На вопль кумиров Аполлона
Спешат Марию все встречать,
И узнают толпы Афона
В Ней Бога Истинного Мать.

«Сия гора, — рекла Царица, —
Да будет жребием Моим.
Отсель прострет Моя десница
Всегдашний кров над местом сим.

Здесь благодать польется чудно
И милость Сына Моего.
Для жизни сей найдут нетрудно
Достаток нужного всего.

А там тебе, Афонский житель,
Слуга Мой верный, раб Христов,
Готова райская обитель,
Награда веры и трудов.

Сего Я места не забуду,
Всегда Заступница ему —
О нем ходатайствовать буду
Вовеки к Сыну Моему».

Обет Царицы сладкозвучный
Сбылся и зрится в чудесах:
Она с Афоном неразлучна,
Афон всегда в Ея очах.

И Лик Свой там Она являет,
Беседует к рабам Своим,
Сама судьбы их управляет
И бдит над бытом их земным.

Епископ ГЕРМОГЕН

СКОРБЬ МУЖА НА МОГИЛЕ ЖЕНЫ

Стонет сердце, замирает,
Слезы просятся из глаз;
Скука душу раздирает
Каждый день и каждый час!..
Не поверишь, друг мой милый,
Что за крест лежит на мне!
Днем как тень брожу, унылый;
Нет отрады и во сне...

УТЕШЕНИЕ ИЗ МОГИЛЫ

Что ты стонешь так ужасно,
Что вздыхаешь каждый час?
Твои слезы, верь, напрасно
Льются здесь из твоих глаз.

Можно ль плакать, что я скоро
В горний перешла чертог,
Что, преплыв житейско море,
Я пристала там, где Бог...

Ты молись же, друг, и помни,
Что есть Бог, есть мир другой,
Где ты завтра иль сегодня
Можешь встретиться со мной.

**Митрополит ВЛАДИМИР
(Сабодан)**

РОЖДЕСТВО

В яслях лежит Ребенок.
Матери нежен Лик.
Слышат волы спросонок
Слабенький детский крик.

А где-то в белых Афинах
Философы среди колонн
Спорят о первопричинах,
Обсуждают новый закон.

И толпы в театрах Рима,
Стеснившись по ступеням,
Рукоплещут неутомимо
Гладиаторам и слонам.

Придет Он не в блеске грома,
Не в славе побед земных,
Он трости не переломит
И голосом будет тих.

Не царей назовет друзьями,
Не князей призовет в совет —
С галилейскими рыбаками
Образует Новый Завет.

Никого не отдаст на муки,
В оковы не закует,
Но Сам, распростерши руки,
В смертельной муке умрет.

И могучим победным звоном
Легионов не дрогнет строй.
К мироносицам, тихим женам,
Победитель придет зарей.

Со властью непостижимой
Протянет руку, один,
И рухнет гордыня Рима,
Растает мудрость Афин.

В яслях лежит Ребенок.
Матери кроток лик.
Слышат волы спросонок
Слабенький детский крик.

МОЛИТВА

К Тебе, Пречистая, подъямлю руки
С надеждою и трепетной мольбой,
К Твоим стопам несу я сердца муки,
Я истомлен житейскою борьбой.

Ты мрак души моей, о Матерь Света,
Своим святым сияньем озари;

Плащом грехов она всегда одета.
Грехи мои увидеть умудри!

Тобой Любовь сошла с Небес на землю,
Пусть на меня сойдут ее лучи,
Пусть благодать их мой дух больной объемлет
И недуг мой греховный облегчит.

ПОДОРОЖНИКИ

Днем, пылясь все лето у дороги,
В долгие и знойные деньки,
Подстиляет людям он под ноги
Мягкие зеленые листки.

Это ими, в детстве нашем раннем,
Бабушки, шепча: «Господь с тобой»,
Приложив листок прохладный к ране,
Нам, бывало, облегчали боль.

Подорожник — неприметный вроде
Спутник всех проселочных дорог,
Скольким он, коль посчитать, в народе
За века бесхитростно помог!

Он не блещет красотой победно,
Внешность неказиста и проста.
Как она скромна и неприметна —
Подлинная в мире доброта!

**Монах ПЕТР
(Михайлов)**

О, ДИВНЫЙ ОСТРОВ ВАЛААМ!

О, дивный остров Валаам!
Рука Божественной судьбы
Воздвигла здесь Обитель рая,
Обитель высшей чистоты,

Обитель чудную, святую,
Жилище избранных людей,
Обитель, сердцу дорогую,
Обитель мира от страстей.

Богоизбранная Обитель!
Пречудный остров Валаам!
Тебя дерзнул воспеть твой житель,
Прими его ничтожный дар!

Не знаю, как воспеть сумею
Твои долины и поля,
Твои леса, твои заливы,
Твои священные места.

Я о тебе сказать не смею:
Ты так величием полна!
Сложить я песни не умею:
Перед тобой она бледна.

Одно скажу лишь я: без меры
Ты в жертву Богу принесла
Всю чистоту Святыя Веры
И плод священного труда.

Какое место ты избрала!
Какой воздвигнула Алтарь!
И как прилежно воспевала
В нем Бога Истинного тварь!

Но было здесь иное время;
Стояло капище богов,
И жизнь греховная кипела
Под оком бдительных жрецов.

Не знаю я, как долго длилась
Та служба мерзостным богам;
Но милость Божия явилась
На сей гранитный Валаам:

Андрей Апостол — есть преданье —
Крестом рассеял мрак грехов,
Предрекши Веры процветанье,
Поста, молитвы и трудов.

Сбылося Божье слово верно:
Тот крест прогнал врагов Христа;
И ныне зрим, как ты священна,
Обитель Вышняго Царя.

Тебя подвижники Святыя
Сергий и Герман основали,
Здесь же и мощи их честныя
Своим нетленьем просияли;

А души их там — в Небесах,
В чертогах Божиих витают.
На всех нас грешных — в чудесах
Щедроты Божии являют.

Хвала тебе, Обитель славы!
Ты блещешь в юной чистоте,
Храня все строгие уставы
В своем монашеском житье.

Мне перечесть не хватит силы
Святых подвижников твоих,
Но их поросшие могилы
Легко напомнить могут стих.

Одно, одно лишь знаю верно:
Ты много вынесла скорбей.
Терпела много искушений
От злых, завистливых людей.

Тебя не раз опустошала
Толпа неистовых врагов;
Но ты лишь мужество являла
Средь всех лишений и тревог.

И после долгих испытаний,
Опустошений и борьбы,
Как властелин своих желаний,
Во всей красе явилась ты! —

Смиранных иноков Обитель!
Приют трудящихся рабов,
В духовный мир путеводитель,
От силы вражией покров!

Могу ли я узреть твердыню,
На коей выстроилась ты?
Могу ль воспеть твою Святыню
И понести твои труды?!

Свое бессилие созная,
Чтоб величать тебя в стихах,
Я дальше продолжать не стану:
Сама Обитель на глазах!..

Одной желаю лишь отрады, —
О сем с надеждой я молюсь, —
Прожить в стенах твоей ограды,
Пока за гроб переселюсь!..

Взыграйте, горы Валаама,
Под сенью милости Творца,
От нас хвала Ему и слава
Да будет вечно без конца!

Схиигумен САВВА

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Обитель Святая — Печеры,
Предмет моей сладкой мечты,
Где Храмы, пещеры и горы —
Все дивной святой красоты!

Кресты в небе золотом блещут,
А главы, как стражи, стоят;
И чья здесь душа не трепещет?
И чьи здесь сердца не горят?
Стоишь ты, как остров средь моря,
И светишь, как в бурю маяк:
Звезда ты в небесном просторе,
Ты — радость, надежда моя!

Пред Матерью Чудной, Небесной,
В молитве Корнилий Святой
Всем просит нам жизни безгрешной,
Нам просит душевный покой.
Как мать, нас встречаешь, родная,
Как друг, провожаешь домой,
Невзгоды с тобой забываем,
Душой воскресаем с тобой!

Красуйся ж, Обитель Святая,
Под солнцем вечернего дня;
Пусть вера в нас вечно живая
Тобою спасет и меня!

**Монахиня АНАСТАСИЯ
(Шерешевская)**

У ПОДНОЖЬЯ ТВОЕЙ ИКОНЫ

*На водах Свислочи явилася еси,
Пренепорочная Отроковице,
От Царьграда и Киева,
Богоспасаемому граду Минску
Милость показав...*

*(Из Тропаря Минской Чудотворной
Иконе Божией Матери)*

У подножья Твоей Иконы
Я кладу, что сердцу сказали
Колокольни Церковной звоны,
Все, что голуби надышали.

Не поэт я и не искала
Стихотворных модных созвучий.
Не на дне ли греховном слыхала
Твой, Царица, голос певучий?

И блаженною дымкою стало
Покрываться во мне все бывшее,
Годы, дни, что считать уставала
Без Тебя той глухою порою.

Я так часто Тебя огорчаю,
Милосердная Минская Матерь,

И к Тебе подходить дерзаю,
Чувства все в суете истратив.

Мы бездумно Тебя забываем,
Наша Радость и наша Надежда,
И тогда лишь, когда страдаем,
В покаяньи к Тебе притекаем.

Как Ты щедро Любовь источаешь
Всем скорбящим, убогим и нищим.
Павших, немощных исцеляешь
И питаешь духовной пищей.

И живет Твоей милостью город,
Пятьсотлетие скоро минет.
И в грядущие, верим, годы
Чудный Лик Твой нас не покинет.

...Не поэт я и не искала
Тут стихов вековые законы.
О, прости мне! Я так алкала
У подножья Твоей Иконы.

Пресвятая Богородице, помогай нам!

Я забыла стихи ваши, Анна,
И поэзию вашу, Марина.

Слава Богу! — пою «Осанну»,
Недостойная, Божию Сыну.

И если в памяти покопаться,
Я Ахматовой вспомню лишь фразу:
«Нам бы только до взморья добраться...»
Мне б до Храма, — возникнет сразу.

В ту последнюю ночь пред кончиной
Вы Евангелие вспоминали. —
То поведала друг ваш Нина.
Что еще вы в тот миг пожелали?

Одному лишь Богу известно.
Знаю только, что лучшим местом
На земле вы Лавру считали
И в Святых местах вы бывали.

Вот и все, что во мне осталось
От стихов моих бывших кумиров.
Просто в День Крещенский попались
Книги их. Боже, дай мне мира.

**Архимандрит
МАКАРИЙ (Глухарев)**

ПЕСНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ

Сердце мое
Ищет Тебя,
Благо свое
Алчно любя.
Совесьть во мне
Днем и во сне
Шепчет, гласит:
Бог тебя зрит.
Хвалит вся тварь,
Вечный мой Царь,
Славу Твою,
Радость мою.
Благословен
В вышних мой Бог.
Кто быть блажен
Вне Тебя мог?
Благодарим
Даром Твоим.
Свят, Свят, Пресвят,
Призри на чад.
О, исцели,
Чтобы мы шли
Правой стезей
Воли Твоей.

Священник
ПАВЕЛ ПОКРОВСКИЙ

МОЛИТВА «ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ!»

Из всех молитв, какие знаю,
Пою в душе иль вслух читаю,
Какою дышит дивной силой
Молитва «Господи, помилуй!»

Одно прошение в ней — не много!
Прошу лишь милости у Бога,
Чтоб спас меня Своею силой,
Взываю: «Господи, помилуй!»

И горе таяло, и радость
Мне приносила вдвое сладость,
И все то было дивной силой
Молитвы «Господи, помилуй!»

Когда лились от горя слезы
Иль страстные смущали грезы,
Тогда с особой сердца силой
Твердил я: «Господи, помилуй!»

Уж близок я к последней грани,
Но все ж с горячими слезами,
Хотя с увядшей тела силой,
Молюся: «Господи, помилуй!»

Душа! Окончив жизнь земную,
Молитву эту, не иную,
Тверди и там ты, за могилой,
С надеждой: «Господи, помилуй!»

**Священник
ВЛАДИМИР ВВЕДЕНСКИЙ**

Душа моя ты грешная,
Погрязшая в грехах,
Несчастливая и бедная,
Смирись пред Богом в прах!

Ты чистою и светлою
Была сотворена,
Но жизнь твою греховною
Теперь омрачена.

Какой ответ ты Господу
Отдашь в своих делах?
Ты жизнь твою безпечную,
Не каялась в грехах.

Ты добрых дел не делала,
И в лени жила,
И в зависти, и в гордости
Всю жизнь твою вела.

Проснись же, душа грешная,
От лени и сна,
Пока еще ты Господом
На суд не позвана.

И слезы покаяния
Тебе Богу принеси,
Омой грехи рыданием,
Прощенья испроси.

Священник
АНАТОЛИЙ ЖУРАКОВСКИЙ

Россия, моя Россия,
Страна несказанных мук,
Целую язвы страстные
Твоих пригвожденных рук.

Ведь в эти руки когда-то
Ты приняла Христа,
А теперь сама распята
На высоте того Креста.

Я с тобой, на руках моих — раны,
И из них сочится кровь,
Но в сердце звучит «Осанна»,
И сильнее смерти любовь.

Впереди я вижу своды
Все тех же тюремных стен,
Одиночку, разлуки годы
И суровый лагерный плен.

Но я все, все принимаю
И святыням твоим отдаю,
До конца, до самого края,
Всю жизнь и душу мою.

Много нас, подними свои взоры,
Погляди, родная, окрест:
Мы идем от твоих просторов,
Поднимаем твой тяжкий крест.

Мы пришли с тобой на распятье
Разделить твой последний час.
О, раскрой же свои объятия
И прости, и прими всех нас.

1932

Священник ДИМИТРИЙ ДУДКО

ВЕЛИКАЯ ЕКТЕНИЯ

Молимся, Боже, мы, странники горькие,
По своим землям жестоко гонимые.
Слишком у нас дни скитания долгие,
Слишком страдания неутолимые.

Господи, Боже, помилуй ны!

Молимся, Боже, о семьях оставленных,
Как они плачут, тоскуют, родимые.
Молимся, Боже, о всех обесславленных,
Что нам сочувствуют, неустрашимые.

Господи, Боже, помилуй их!

Молимся, Боже, Тебе о расстрелянных,
О всех на тяжких работах замученных:
В шахтах, болотах, каналах рассеянных,
Верных Тебе или верить наученных.

Господи, Ты упокой их!

Молимся, Боже, Тебе о гонителях,
Все им прости, ведь они ослепленные.
Дай лишь, чтоб не было больше мучителей
И отдохнули давно утомленные.

Господи, Боже, помилуй ны!

Яко десница Твоя всеблагая,
Яко держава Твоя всемогущая,
Дай, чтоб воскресла Россия Святая,
Жизнь наступила для странников лучшая.

Слава и ныне и присно. Аминь.

МОЯ ВЕРА

Я верю в Бога. Да и почему
Не верить мне? Что посмеется кто-то,
Кто доверяется блудливому уму
И у кого житейская забота
Все вырвала святое из груди,
Толкнула на большие преступления?
Я не согласен вместе с ним брести
По пропастям, средь пустоты сомненья.
Пусть современный мир и возмутил
Умы людей, кидая грязь в святыню.
А я спокоен, он совсем без сил
И не столкнет предвечную твердыню.
И верю я не модной верой тех,
Кто убеждения легко меняет.
Я верю, как церковный человек,
Всему, чему лишь Церковь научает.
Не может веры возмутить моей
Ни лицемерие людей, ни развращенье.
Я верить должен тем еще сильнее,
Ведь это вражеские искушенья.
Божественная Истина всегда
Хранится в Ней, Она — столп утвержденья.
Я верю несомненно во Христа —
Мое из мертвых воскресенье.
Я верю в Бога, Он в моей груди,
Кто опровергнет это утвержденье?
Он на тернистом жизненном пути
Мне явно посылает подкрепленье.

И в этом сомневаться я ль могу?
Ведь это значит в жизни сомневаться!
Я эту веру свято берегу,
И никогда мне с нею не расстаться.
И с верою на все идти готов,
Меня не утратить ничем безбожью.
И все я почитаю страшной ложью,
И правду там ищу, где ум Христов.
Я верю в Бога и благодарю
Его за этот дар, мое спасенье.
За это в тьме смертельной просветленье,
За эту жизни ясную зарю.
Я верю в Бога — торжество небес
Сначала здесь и после там... Меж нами
Ведь Он светил небесными лучами,
Когда из мертвых в третий день воскрес.
Вознесся, одесную сел Отца
И нам готовит место для блаженства.
Я верю в Бога — наше Совершенство,
Я верю в Бога — Радость без конца.

Не на Вечери я, а как пес у окна
Вою, горницу охраняя.
Чтоб никто не прошел. Чтоб в душе тишина
Была тайной спасительной рая.
Днесь на Вечерю Бог собирая людей,
Завещает любить нам друг друга.
Но лежит злоба, скорчившись, все ж у дверей —
Недугующих сердцем услуга.

Путь из горницы крестный. Как пес, потянусь
Я облизовать раны Господни.
И, упав пред Крестом, обо всех помолюсь,
Кто страдает от злобы сегодня.
Совершается тайна спасения днесь,
Воссияет она с Воскресеньем.
Слава Богу за все — все, что было и есть!
За все горе, тоску, за мученья.

1980, Лефортово

Молитва — не слов биенье
В глухую стену судьбы.
Молитва вскрывает гробы
Заступом Воскресенья.
И где бы ты ни был — молись,
Молитва неудержима.
Все пробегает мимо,
Одна остается высь.
И с выси той смотришь на землю,
И видишь, что гроб здесь пуст.
Вонми из запекшихся уст,
Господь, моему моленью.

1980, Лефортово

— Не тюрьма здесь, а монастырь, —
Мне с улыбкой понятной сказали.

Посадили молиться за мир,
За обиды его и печали.
— Келья — камера. Разве не так?
— Да, все так. Остается молиться.
Слезы сами, вскипая в очах,
Заставляют пред Богом склониться:
«Пощади и друзей, и врагов,
Пощади и помилуй нас, грешных...»
А за мной всё глядят из глазков:
— А за нас не забыл, друг сердечный?
Помолюсь и за вас, и за тех,
Кто над вами, пред вами, под вами.
Не молиться в тюрьме — страшный грех.
Облегчается сердце слезами.

1980, Лефортово

День прибавляется, ночь убавляется,
Что-то приходит, что-то уходит.
Свет прибавляется иль убавляется,
Или по-прежнему сумерки бродят.

Стало все в жизни невероятно,
И ничего разглядеть невозможно.
Были на солнце когда-то лишь пятна,
Ныне само оно что-то тревожно.

То ли не светит, то ли не греет,
То ли погаснуть совсем собирается.

День прибавляется, ночь убавляется,
Но уж значенья ничто не имеет.

Кто объяснит нам, что это все значит,
Никто не решается, лишь кто-то судачит
Все о реформах, а что они значат,
Если природа в бессилии плачет.

1998 (?)

Священник
НИКОЛАЙ УВАРОВ

СВЕТЕ ТИХИЙ

«Свете тихий святых славы,
Безначального Бога Отца...»
Обнови во утробе дух правый,
Благодать ниспосли нам в сердца.

Мы живем среди мира и терний
И встречаем с зарею восход,
Видим с радостью свет Твой вечерний
И на западе солнца заход.

Только милостью Бога Живого
Благодать нам, убогим, дана,
Отца, Сына и Духа Святого
Мы восхвалим во все времена.

Пред Всевышнего Троичным Ликом,
Вечной жизни не зная конца,
Горний мир в славословье великом
Величает вселенной Творца.

Всюду зреет Господнее семя,
Торжествует творения цвет...
Мы споем с преподобными всеми
И прославим Христа Тихий Свет.

ПРЕЧИСТОЙ ДЕВЫ РОЖДЕСТВО

В святом и незабвенном граде,
Где неземная красота,
Крест поношенья Бога ради
Несла бездетная чета.

Семье несчастье досталось:
В их доме не было детей —
Позором горе то считалось
Для мнимо праведных людей.

Супруги, веря Божьей силе,
Молились часто день и ночь,
С надеждой пламенной просили
Творца Всевышнего помочь.

По благодати, свыше данной,
Немного времени спустя,
Послал Бог Иоакиму с Анной
Благословенное Дитя.

Не только радостью семейной —
Всемирным стало торжество,
И славится во всей вселенной
Пречистой Девы Рождество.

Священник
ВЛАДИМИР СИДОРОВ

Когда, на волю Провиденья
Покинув бренный свой оплот,
Душа тропюю сновиденья —
Тропюю тайною — пойдет,
Тотчас же путницу обстанут
Толпы загадочных теней:
То в бездну жадную потянут,
То вместе с нею к небу прянут...
О, как в ту пору трудно ей!
Внезапным светом озарится —
И снова морока полна:
И радуется, и томится,
И негодует, и боится...
Подруга нежная — одна
Ты — и одною лишь любовью —
Покой ей можешь возвратить:
Поправить тихо изголовье
И спящего благословить.

1993

Иеромонах РОМАН

Земля от света повернет во тьму,
И ветер северный сменяется на южный.
Я ничего с собою не возьму,
И потому мне ничего не нужно.
Что было прежде, будет и потом.
Что было сотворенным, сотворится.
Сегодня смех, веселья полон дом,
А завтра всплачет тот, кто веселится.
Моря из рек, текут потоки вод,
Чтоб облаками возвратиться в реки.
Проходит род и вновь приходит род,
И только Ты господствуешь во веки.
Заходит солнце и взойдет опять,
Чтоб воссиять по-новому над тьмою.
Мне ничего не страшно потерять.
Будь только Ты, Царю Царей, со мною.
Всею под небесами свой черед.
Своя пора и время всякой вещи.
Блажен, кто эту истину поймет,
Но преблаженнее обретший вечность.
Людская память — вешняя вода,
Она умрет, как город осажденный.
Блажен, кто никого не осуждал,
Но преблаженнее за правду осужденный.

Безумию под солнцем нет конца,
И мир на Бога возвеличил слово.
Восстала тварь на своего Творца,
И это тоже на земле не ново.
Нечестию живущих нет границ,
И люди жить и умирать устали.
О, семя любодеев и блудниц,
Когда б вы знали, на Кого восстали.
Не возноситесь, Судия воздаст.
И это будет бедствием из бедствий.
Святы твои слова, Екклесиаст:
Все, что без Бога, — суета суетствий.
Но верю я, что Истина Сама
Вовек восторжествует над землею.
И будет свет, и посрамится тьма,
И сокрушится всяк, творящий злое.

Сон мне приснился,
Очень странный сон.
Будто я слышу
Погребальный звон.

Тихо иду
В белой рубахе по полю,
И журавли —
Словно кресты колоколен.

Ноги босые,
За плечом сума.

Люди косятся,
Мол, сошел с ума.

Тело устало,
Ноет от вериг.
Где-то под сердцем
Шевелится крик.

Виделась в черном
Моя Родина.
Виделось диво —
Я юродивый.

Тихо иду
В белой рубаше по полю,
И журавли —
Словно кресты колоколен.

1978

Вся Россия стала полем Куликовым.
Ополчился враг. Быть нам иль не быть?
Но не слышно клича Дмитрия Донского,
Некому Отчизну нашу защитить.

И зовут к покаянью перед вражьем мечом
словоблуды,
И в князя норовят, кто в холопах седины стяжах.
Да разыдется тьма! Умолчите, иуды!
Бог не в силе, а в правде, правда в верных сердцах.

На земле родимой — Родина в опале.
Разгулялась погань — и просвета нет.
Где ты, Старче Божий, Сергие Всехвальне?
Под твоей десницей каждый — Пересвет.

Так подыдем хоругви, помолясь крепко Богу.
И за Веру, за Русь станем все как один.
Нет ни Сергия ныне, ни князя Донского,
Только образ Пречистой да Спас впереди.

28 июня 1994

Нас куда-то несет в непроглядную темь,
И погибельным вехам не видно конца.
Ложь и Смута окрест. Обратитесь в детей!
Обратитесь в детей, и услышите голос Отца.

И зовут купола к неземной красоте,
Но толпе по нутру больше злато тельца.
И коснется ль кого? Обратитесь в детей,
Обратитесь в детей, и услышите голос Отца.

Так доколе себя хоронить в суете?
Пусть несут мертвецы своего мертвеца.
Заклинаю живых: обратитесь в детей,
Обратитесь в детей, и услышите голос Отца.

6 июля 1994

Блажен, кто, наполняясь тишиной
И внемля ей благоговейным слухом,
В обыденном постигнет мир иной —
Дыханье Созидающего Духа.

В любой букашке и любом листе,
В мерцанье звезд и на земле унылой,
Куда ни глянь — повсюду и везде
Таится Оживляющая Сила.

Царю Небесный, Душе Всеблагий!
Тобой живится всякое творенье!
Пошли, да не похвалятся враги,
Лицу России Воду Обновленья.

22 декабря 1994, Скит Ветрово

Кто хвалится, что бесов изгоняет
И обладает даром исцелений,
Тот ничего об Истине не знает,
И явно не к добру его теченье.

Пусть лучше добродетель собирает,
Последует подвижничеству брата,
Быть вписанным на Небесах желает,
Вот это — нержавеющее золото.

Вы помните, как некие гласили:
— О, Господи, Тобою бесов гнали,
Твоим Пречистым Именем целили...
И что же чудотворцы услышали?

— Не знаю вас! Вы не Меня искали!
Подите, беззаконные, далече...
Душа моя! Те бесов изгоняли!
А нам и вовсе оправдаться нечем.

2004

Не верь, что нынче подвигам не место,
Не уташай благие устремленья.
Душа осталась прежнею невестой,
Какая свадьба без приготовления?

Самой природе тошно от желанья
Короновать нечистоту фатою.
Земля и та пред белым одеяньем
Осенней умывается водою.

2004

Священник
АНДРЕЙ ЛОГВИНОВ

Людам, разуверившимся прежде,
Сколько б ни исполнилось им лет,
Я преподаю предмет «Надежда» —
В школе жизни есть такой предмет.

Но и сам беру уроки веры:
У меня здесь далеко не «пять»,
Я решаю вновь и вновь примеры,
Горы верой как переставлять.

Перемолот жизни жерновами,
Сдам ее экзамен, может быть,
Если за красивыми словами
Научусь действительно любить.

2001

Благодать Божия
И на меня положена.
Миром помазан —
Богу обязан.
Церковь стоит —
Молиться велит:
И я тоже
Раб Божий.

Истлеет прах.
Но не исчезнет дух.
Он, облеченный,
Как в твердыню,
В слово, —
Свечою трепетною
Вспыхнет снова
Из вечности
Поверх земных разрух.

2002

Без Христа —
 закончится Европа,
И звездой
 погаснет Новый Свет.
И беде
 геенского потопа
Без Христа —
 альтернативы нет...

2003

**Инок ВСЕВОЛОД
(Филиппев)**

СЛАВЯНЕ

В наших венах — тихие реки,
а в очах — бескрайние степи,
а на сердце — псалом Давида,
а в руках — свеча да кадило.
Мы — славяне, мы славим Бога.
Как луч солнца, наша дорога.

ПЕСНЬ УТЕШЕНИЯ

Нам бы свое сохранить
и от Креста не отречься,
а отступившихся судить
будем беречься.

Нам бы средь бурь устоять,
нам бы Христа не предать,
а если врагов Он спросит, —
нам ли судить?

Нам бы в любви Его жить,
ближним и дальним служить.
А если Бог мир обновит, —
нам ли тужить?

Не стоит, братья, печалиться.
Мы ведь — Божьи рабы.
Его радостью будем радоваться,
не прося наград за труды.

Суды Твои благи, Господи,
И правы Твои пути.

1997

К ФРИДРИХУ НИЦШЕ

Ты сказал,
что любишь читать только то,
что написано собственной кровью.
Что могу предложить тебе я?
Что кровь моя? —
Грязная жижа, не более...
Ты напрасно отверг Христианство:
в нем тайна спасения
явно
открывается каждой душе,
изучившей Книгу Святую,
написанную
Богочеловеческой Кровию
Спасителя.

1997

РУССКИЕ ИНОКИ

Монашеский подвиг — тайна,
но тайну ведают дети.
По первой траве, на рассвете,
проходят иноки-воины.
Молитва — оружие воинов,
любовь — их святая скрижаль.
Вы смеетесь над ними, но
не знаете, что от жала
диавола мир закрывают
кроткие черноризцы.
Костры сатанинской тризны
слезами они уташают.
Идут они к вышней отчизне,
их поступь воздушно-легка.
Спасает тысячи жизней
подвиг русского инок,
возлюбившего скорбь Креста.

1998

**Диакон
АНАТОЛИЙ ТРОХИН**

Глаза закрою — чувствует рука
Горячую шероховатость края:
Тысячелетий два материка
Качаются, друг друга задевая.

Один из них уходит из-под ног,
И, связан силой с ним нерасторжимой,
Как дерево, упавшее в поток,
Я новый берег трогаю вершиной.

Там светится уже иная Русь,
И новый век доносится до слуха,
Но я, как прежде, верен остаюсь
Домам отцов и брошенным старухам.

Земля моя, — недолго до тепла,
Возьмем терпенья из суммы мытарской,
Я знаю, что опять звезда взошла
И есть Спаситель в темноте январской.

Шум народа радостней и ближе,
Господи, мне страшно оттого,

Что смотрю и ничего не вижу,
Слушаю — не слышу ничего.

Ты идешь средь грешников и нищих
По земле Российской в смутный час,
Сам для нас и истина и пища,
Жизнь непреходящая для нас.

Острием изъязвленные ноги
По ветвям ступают и камням...
Боже Правый, вот я, — при дороге,
Если хочешь — исцели меня!

Утруди разнеженное тело,
Покаяньем развяжи уста,
Сердце, что во мне окаменело,
Размягчи любовьию Креста.

1995

Диакон
ВЛАДИМИР НЕЖДАНОВ

МОНОЛОГ ЗВОНАРЯ

Среди неба,
Среди великого,
Чистым звонам Твоим поклонюсь,
С колокольни Ивана Великого
Вижу всю Православную Русь!
Там, где небо, — ей мало простора,
Там, где бездна, — и бездны ей нет...
Продолжение Божьего взора —
Свет единственный,
Солнечный свет!

И под сводами этого звона,
Будто в храме небесном, стою.
Вместо солнца
Сияет икона
И на Родину смотрит мою.

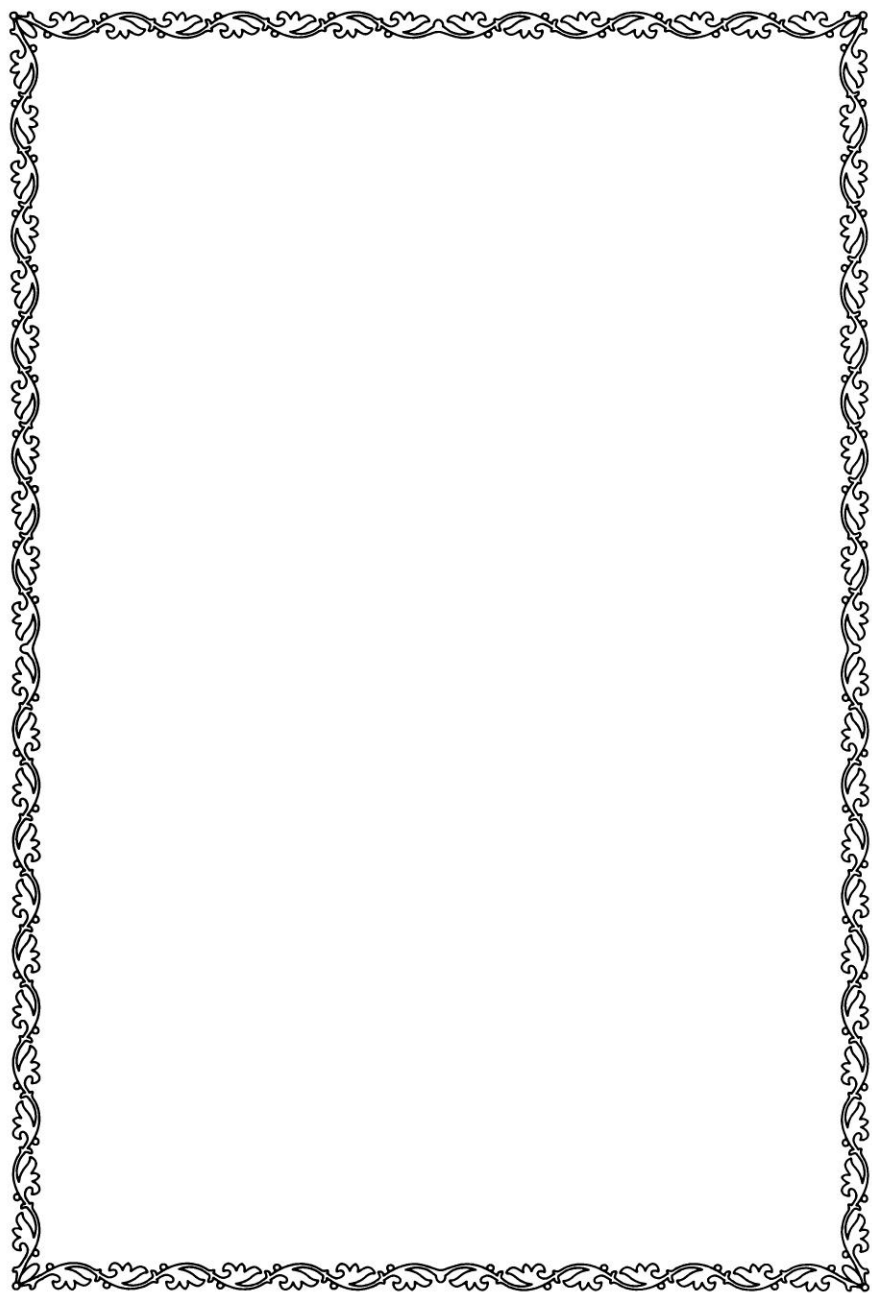
СВЯТАЯ СЕРБИЯ

Святая Сербия,
Святая Русь...
За вас, родные, помолюсь,
Родные сестры —
Не было родней...

И вздох молитвы
Тише и больней.
И может быть,
Меня услышит Бог —
И не молитву даже,
Только вздох...

ТЕБЕ ПОЕМ,
ТЕБЕ БЛАГОСЛОВИМ:
христианская традиция
в русской словесности

Неизвестный автор XVII века

**НАГРОБОК ОТЦУ АФАНАСИЮ ФИЛИПОВИЧУ,
ИГУМЕНУ БЕРЕСТЕЙСКОМУ,
В РОКУ 1648 ЗЕШЛОМУ**

О, Матко моя, Церкви Православна,
В которой правдиве мешкает Бог здавна.
Тебе помогал речью и словами
Я, Афанасий, и всеми силами.
А найвенцей в том своего стараня
З Бозскогом власне чинил росказаня,
Абы не была унея проклятая
Тут, только ты одна, Церкви Святая.
Теперь мусилем юж так уступить
О кривду твою, будучи забитый
От рук шляхетских под час козаччизни
В Берестю Литовском, на своей отчизни.
Пред се ты, Церкви, туши добре себе,
Бог еще будет Сам помочен тебе:
Найзрит в Своеи святои столици
До тебе, бедной скажоной винници.
Хто в сердцу имя Христово мети буде,
Того Он в Царствии Своем не забуде.
Он ми дал, жем стал в Вилни законником,
Тут игуменом, а впрод священником.
Тот же ми козал и теперь знать давати,
Же юж пришол час Сион ратовати.

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

БУДЕТЕ ЯКО БОЗИ

Враг человека в раи лукаво прелщаше:
— «Будете яко бози», — Еве глаголаше.
Ругася он в то время, но сам есть прелщенный,
ибо человек по том Бог есть сотворенный.
Не по существу убо, но по благодати,
и возможе демона ногами попрасти.
И тако в нем же хоте род наш посрамить,
тем же делом заслужи сам посмеян быти.

ГОНЕНИЕ

Кремень, аще железом ударен бывает,
светлыя огня искры из себе пушает.
Христиан гонения всегда егда припирают,
огнь любве ко Господу тогда проявляют:
ибо вся скорби терпят, богатства вергают
и главы си радостно под мечы ставляют.
Воляще от телес си разлучен быти,
нежели неверствием от Бога отити.

НАДЕЖДА И СТРАХ

На двою крюку небо все ся обращает,
двема добродетелма жизнь наша бывает

твердостна: надеждою и страхом спасенным,
истинныя мудрости в сердцах изводственным.
Надежда ум возносит, да ся не отчаем.
Страх же смиряет, да не в себе уповаем.

ПРИЛОГ К ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ ЕФРОСИНИИ

Ты паки мати, о Ефросиние,
Жителей града всих удобрение,
Яже потщася икону святую
Внести из далны в страну Полотскую.
Из Царяграда, камо из Ефесе
Царь благоверный всечестно принесе.
Твоего ради много прошения,
Российских дея стран украшения.
Припади к стопам Небесного Цара,
Да не лишай нас толикого дара.
Умоли паки возвращенной быти,
Иконе святей Полотск украсить.
Отчинный град твой, в нем же ты трудися.
Христу Жениху ты уневестися.
Ибо толико град наш украшает
Девы образ и везде вславляет,
Елико небо солнцем украшенно,
Светлыми звезды дивно упещренно.
Полотску граду бе утверждение,
Столп, стена, помощь и ограждение.
Ныне без него како нам прибыти,
Аки без слонца не удобно жити.

Убо, о мати, припади за нами
К Господу Богу твоими рабами,
Да возвратит нам икону святую,
Просвети землю белорусийскую.
Моли прилежно и Деву Марию,
Да проявит нам милость Свою сию,
Да не небрежет отчинна ти града
И не оставит правоверна стада.
Удобно тебе мощно умолити,
Изволи токмо ходатайца быти.
Моли за нами, о святая мати,
Храни ны в твоей выну благодати,
Ея же аще ты ны не лишиши,
Вся на похвалу твою обратиши.
По вся дни тебе будем величати,
Венец похвалы песней соплетати.

СТИХИ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

1

Слава во вышних Богу, же человеком станет.
На земли мир всим людем, иж Богом бывает.
Человек, чого Адам през овощ набыти
Хотел, теды смертию мусел заплатити.
Смерть през Адама в свете, а жытие маем
През Бога-человека, Которого знаем,
Без матеры прежде веки от Отца рожденна,
З Матьки дивне без отца в часе воплощенна.

Он ныне плачет, абы мы се веселили,
Алчет абы насыщени, жаждет абы пили
От источника жизни, в пеленах повиты
Невинности шатаю бы не смогл открыти.
В подлом лежит вертепе, бы были на небе.
Всим Себя оферует, бы привлекл до Себе.
Тому до ног с поклоном смиренно падаймы,
Слава во вышних Богу з аггелы спеваймы.

4

Весела радость, вдячная новина:
Царица неба породила Сына,
Которы взял плоть человека к воли,
Бы высвободил з египетской неволи,
Як Мойсей правый, и в обетованну
В землю впровадил, и дал з неба манну.
З пустыни грехов, з фараона власти
Подземна вывел от лютых напасти.
Прето ся слушне веселити маем,
Втора Мойсея, кгда их оглядаем.
Бо близко время, же Египет скарает
Для Израйля, кторого трымаєт
В неволи тяжкой и затопит в моры
Черном крови Своей всих врагов воскори.

5

Потоп греховный весь свет заливаєт,
Корабль церковный тылко нас спасаєт.
Над всеми гори волнуются валы,
Немаш той скалы, где б ся разбивалы.

Страх и в кораблю, бо немаш погоды,—
Без конца грехов прибывают воды.
Аж се ужалил Сам Бог Милостивы,
Зрячы на упад Свых людей плачливы,
Выводит слонце правды як з облоку
Христа з Марией пречистого боку,
Абы усушило незмерные воды
Лучами свыми без корабля шкоды.
Положил облок Марию Девицу,
На Нью спозревшы, бы встрымал правицу
От такой казни, з чого се радуйте,
В кораблю Церкви часто се знайдуйте.

12

Архиерею новонарожденный,
Никон от тебе нам есть поставленный,
Найвышы пастырь, блюди ж честна, здрава
На лета многа да ти будет слава
Им возсылана; и Калиста блюди,
Пастыра по ним, и милостив буди.
Дажд свышше силу пасти твое стада
Честно Полоцка и Витебска града,
Прочие при тым по ним всему клеру
Дажд всегда зрети безкровну оферу.
Княжей, бояров всю палату, вси
Блюди, да славят вси тя раби твои.
Заступи, спаси и вся христианы.
Подажд им враги в крепость и поганы,
Нехай тя славят правоверны люде,
Поки свет слонце окружати буде.

**МИХАИЛ
ЛОМОНОСОВ**

**УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ
О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ**

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И Божия дела открыло.
Мой дух, с веселием внемли,
Чудяся ясным столь лучам,
Представь, каков Зиждитель Сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющихся множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

Сия ужасная громада —
Как искра пред Тобой одна.

О коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что Ты творить нам повелел!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполнены Твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
«Велик Зиждитель наш, Господь!»

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор Твой в бездну проникает,
Не зная никаких предел.
От светлости Твоих очей
Лится радость твари всей.

Творец! Покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, Бессмертный Царь.

1743 (?)

**ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ
О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ
ПРИ СЛУЧАЕ
ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ**

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла влажна ночь,
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне — дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне, —
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы Божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?

Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се холодный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрой зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав!
Вам путь известен всех планет;
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч,
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорят жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блещут,
Склонясь сквозь воздух нам густой;
Иль тучных гор верхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон наш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших далей звезд?

Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик Творец?

1743

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 1

Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным в след ступать
И с тем, кто в пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать.

Но волю токмо подвергает
Закону Божию во всем
И сердцем оный наблюдает
Во всем течении своем.

Как древо, он распространится,
Что близ текущих вод растет,
Плодом своим обогатится,
И лист его не отпадет.

Он узрит следствия поспешны
В незлобивых своих делах;
Но пагубой смятутся грешны,
Как вихрем восхищенный прах.

И так злодеи не восстанут
Пред Вышнего Творца на суд,
И праведны не вспомянут
В своем соборе их отнюд.

Господь на праведных взирает
И их в пути Своем хранит;
От грешных взор Свой отвращает
И злобный путь их погубит.

Между 1743 и 1751

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 26

Господь Спаситель мне и свет,
Кого я убоюсь?
Господь Сам жизнь мою блюдет,
Кого я устрашусь?

Во злобе плоть мою пожрать
Противны устремились;
Но злой совет хотя начать,
Упадши, сокрушились.

Хоть полк против меня восстань,
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнут брань,
На Бога полагаюсь.

Я только от Творца прошу,
Чтоб в Храм Его вселиться;
И больше в свете не ищу,
Как в оном веселиться.

В Селении Своем покрыл
Меня Он в день печали,

И неподвижно укрепил,
Как злые окружали.

Возвысил Он мою главу
Над всех врагов ужасных;
Я, жертву принося, зову
Ему в псалмах согласных.

Услыши, Господи, мой глас,
Когда к Тебе взываю,
И сохрани на всякий час:
К Тебе я прибегаю.

Ко свету Твоего Лица
Вперяю взор душевный
И от Всещедрого Творца
Приемлю луч всedневный.

От грешного меня, раба,
Творец, не отвратися;
Да взыдет пред Тебя мольба,
И в гневе укротися.

Меня оставил мой отец
И мать еще в младенстве;
Но восприял меня Творец
И дал жить в благоденстве.

Настави, Господи, на путь
Святым Твоим Законом,

Чтоб враг не мог поколебнуть
Крепящегося в оном.

Меня в сей жизни не отдай
Душам людей безбожных,
Твоей десницею покрывай
От клеветаний ложных.

Я чаю видеть на земли
Всевышнего щедроты
И не лишиться николи
Владычния доброты.

Ты, сердце, Духом укрепишь,
О Господе мужайся,
И бедствием не колебись,
На Бога полагайся.

Между 1743 и 1751

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 103

Да хвалит дух мой и язык
Всесильного Творца державу,
Великолепие и славу.
О Боже мой, коль Ты велик!

Одеян чудной красотой,
Зарей божественного света,
Ты звезды распростер без счета
Шатру подобно пред Собой.

Покрыв водами высоты,
На легких облаках восходишь,
Крылами ветров шум наводишь,
Когда на них летаешь Ты.

И воли Твоя послы,
Как устремления воздушны,
Всесильным маниям послушны,
Текут, горят, не знают мглы.

Ты землю твердо основал
И для надежные окрепы
Недвижны положил заклепы
И вечно непреклонность дал.

Ты бездною ея облек,
Ты повелел водам парами
Всходить, сгущаясь над нами,
Где дождь рождается и снег.

Их воля — Твой единый взгляд,
От запрещения мутятся
И в тучи, устрашась, теснятся;
Лишь грянет гром Твой, вниз шумят.

Восходят горы в высоту;
Крутые ставишь Ты стремнины
И стелешь злачные долины,
Угрюмством множа красоту.

Предел верхам их положил,
Чтоб землю скрыть не обратились,
Ничем бы вниз не преклонились,
Кроме Твоих безмерных сил.

Из гор в долины льешь ключи
И прохлаждаешь тем от зноя:
Журчат для сладкого покоя,
Между горами текучи.

И напоят всех зверей,
Что окрест сел себя питают;
Онагры ждут, как в жажде тают,
Отрады от руки Твоей.

Слетаясь, тамо птицы в тень
Возносят пение и свисты,
Живят вертепы каменисты
И тем проводят жаркой день.

Ты свыше влагу льешь горам,
Плодами землю насаждаешь
И все народы насыщаешь,
Свидетелей Твоим делам.

Растишь в полях траву для стад;
Нам разны зелия в потребу
Обильно прилагаешь к хлебу,
Щедрою ко всем богат.

Хлеб силой нашу грудь крепит,
Нам масло члены умягчает,
Вино в печали утешает
И сердце радостью живит.

Древам даешь обильный тук,
Поля венчаешь ими, Щедрый!
Насаждены в Ливане кедры
Могуществом всеильных рук.

1749

**АЛЕКСАНДР
СУМАРΟΚОВ**

ИЗ 3 ГЛАВЫ СИРАХА

Колико будешь вознесен,
Толико буди ты смирен;
Бог души горды ненавидит
И, зря с небесной высоты
На нашу жизнь и суеты,
Все действо здешне ясно видит.

Хотя б ты выше всех восшел
И судиею мира сел,
Всея вселенной на престоле,
Не помня жизни сей конца,
И щедро б разгневил Творца,
Тебя Бог свержет и оттоле.

То помни, что твой краток век,
Что ты и славясь, человек,
Что, наг пришедший из утробы
И насыщаясь здешних благ,
Опять отсель отъидешь наг;
Богатства не берут во гробы.

Тогда погибнет та хвала,
Котору грубо леств плела,
И плоть червям отдастся в пищу.

Взносися; только не забудь,
Что всем необходим сей путь,
Царю, рабу, богату, нищу.

1755

НА СУЕТУ ЧЕЛОВЕКА

Суетен будешь
Ты, человек,
Если забудешь
Краткий свой век.
Время проходит,
Время летит:
Время проводит
Все, что ни льстит.
Счастье, забава,
Светлость корон,
Пышность и слава —
Все только сон.
Как ударяет
Колокол час,
Он повторяет
Звоном сей глас:
«Смертный, будь ниже
В жизни ты сей!
Стал ты поближе
К смерти своей!»

**МИХАИЛ
ХЕРАСКОВ**

[ИЗ ПРЕМУДРОСТЕЙ СОЛОМОНОВЫХ]

Глава 1

Любите истину, любите,
О вы, земные Судии!
Коль Господа взыскать хотите,
Смиряйте вы сердца свои.

Кто Бога искушати чает,
Или не верит кто Ему,
Себя от света отлучает,
Безумства погружен во тьму.

Не внидет мудрость в душу злую,
Ни в грешном теле не живет:
Строптиву мужу, льстиву, бую,
Не вразумится Божий свет.

Святыня убегает лести,
Уходит помышлений злых:
Кто правде враг и недруг чести,
Не озаряет таковых.

Всем сердцем любит человека
Премудрости Господний Дух

И к смертным от начала века
Склоняет взор, лице и слух.

Он всю вселенную объемлет,
Свидетель наших мыслей есть;
Слова из уст летящи внемлет
И тайну сокровенну весть.

Неправду в сердце кто помыслит
И злое слово изречет:
Господь глаголы те исчислит
И беззакония сочтет.

Языкам воли не давайте,
Не преклоняйтесь к клеветам,
Неправдой душ не убивайте:
Господь Судьею будет нам.

Погибель телу навлекает
Развратным духом человек;
И к горькой смерти приступает,
Пороком оскверняя век.

Не создал смерти Бог во свете,
Ниже погибели живым;
Спасенье положил в завете
И муки не назначил им.

Неправда в мире умирает,
А правда, царствуя, живет:

Но грешник вечность презирает,
Устами смерть к себе зовет.

Своим пороком ослепленны
Заветы положили с ней;
Сдружились — и стали тленны,
Достойны страшной доли сей.

1779

КОЛЬ СЛАВЕН

Коль славен наш Господь в Сионе,
Не может изъяснить язык.
Велик Он в небесах на троне,
В былинках на земле велик.
Везде, Господь, везде, Ты, славен,
Во дни, в ночи сияньем равен!

Тебя Твой Агнец златорунный
В Себе изображает нам;
Псалтирю мы десятиструнной
Тебе приносим фимиам...
Прими от нас благодаренье,
Как благовонное куренье.

Ты солнцем смертных озаряешь
И любишь, Боже, нас, как чад,
Ты нас трапезой насыщаешь
И зиждешь нам в Сионе град.

Ты грешных, Боже, посещаешь
И Плотию Своей питаешь.

О Боже, во Твое селенье
Да внидут наши голоса,
Да взыдет наше умиление
К Тебе, как утрення роса.
Тебе в сердцах Алтарь мы ставим,
Тебя, Господь, поем и славим.

ГАВРИИЛ ДЕРЖАВИН

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал Всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един Царем земли!

БОГ

О Ты, пространством Бесконечный
Живый в движенъи вещества,
Теченьем времени Превечный,
Без лиц, в Трех Лицах Божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все Собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог.

Измерить океан глубокий,
Сочечь пески, лучи планет,
Хотя числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света Твоего рожденны,
Исследовать судеб Твоих:
Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает, —

В Твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн Ты вечности воззвал,
А вечность прежде век рожденну
В Себе Самом Ты основал:
Себя Собою составляя,
Собою из Себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый все единым Словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек!

Ты цепь существ в Себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют, —
Так звезды в безднах под Тобой.

Свегил возжженных миллионы
В неизмеримости текут.
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,

Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед Тобой — как ночь пред днем.

Как капля в море опущенна,
Вся твердь перед Тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед Тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, — и то,
Когда дерзну сравнить с Тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед Тобой — ничто.

Ничто! Но Ты во мне сияешь
Величеством Твоих доброт;
Во мне Себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебе душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и Ты!

Ты есть! — природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,

Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайняя степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я Бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое создание я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие Твое.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображения бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почитать,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

1784

ВЕЛИЧЕСТВО БОЖИЕ

Благослови, душа моя,
Всесильного Творца и Бога!
Коль Он велик! Коль мудрость многа
В твореньях, Господи, Твоя!

Ты светом, славой, красотой,
Как будто ризой облачился;
И, как шатром, Ты осенился
Небес лазурной высотой.

Ты звездну твердь из вод сложил
И по зарям ее ступаешь:
На крыльях ветреных летаешь
Во сонме светоносных сил.

Послами Ангелов творишь,
Повелеваешь Ты духами;
Послушными Себе слугами
Огню и бурям быть велишь.

Поставил землю на зыбях:
Вовек тверда она собою:
Объяты бездной, как пленою,
Стоят в ней воды на горах.

Среди хранилища сего
Оне грозы Твоей боятся:
Речешь — ревут, бегут, стремятся,
От гласа грома Твоего;

Как горы, всходят к облакам;
Как доли, вниз клонясь, ложатся;
Как степи, разлиясь, струятся
К показанным Тобой местам.

Предел Ты начертал им Твой,
И из него оне не выдут,
Не обратятся и не придут
Покрыть лице земли волной;

Велишь внутрь гор ключом им быть;
Из дебрей реки проливаешь,
Зверям, онаграм посылаешь
Повсюду жажду утолить.

А там, по синеве небес,
Виясь, пернатые летают,
Из облак гласы испускают
И свищут на ветвях деревьев.

Ты дождь с превыспренных стремишь,
Как перлы, росы рассыпаешь,
Туманом холмы осребряешь,
И плодоносными творишь.

Из недр земных траву скотам
Произращаешь в насыщенье;
На разное употребленье
Различный злак изводишь нам, —

На хлеб, чтоб укреплять сердца,
И на вино, чтоб ободряться,
И на елей, чтоб усладиться
И умащать красу лица.

Твоя рука повсюду льет
Древам питательные соки;
Ливанских кедров сад высокий
Тобою насажден, цветет.

Ты мелких птичек умудрил
Свои вить сокровенно гнезда;
Эродий же свое под звезды
Чтобы на соснах возносил.

По высотам крутых холмов
Ты прядать научил еленей,
А зайцам средь кустов и теней
Ты дал защиту и покров.

И бледная луна Тобой
Своею чередой сияет,
И лучезарно солнце знает
Во благо время запад свой.

Как день Ты удалишь, и ночь
Покров свой расстилает черный, —
Лесные звери и дубровны,
И скимн выходит яр и тощ.

Выходят, рыщут и рычат,
И от Тебя все пищи просят;
Что Ты даруешь им — уносят,
И свой тем утоляют глад.

Но лишь прострет свой солнце взгляд,
Они собираются стадами,
И идут врозь между лесами,
И в мрачных логовищах спят.

Путру человек встает,
Идет на труд, на земледелье,
И солнечное захожденье
Ему спокойствие дает.

Но коль дела Твои, Творец,
Бесчисленны и неизмерны!
Премудрости Твоей суть бездны,
Полна земля Твоих чудес!

Сии моря, сей водный сонм,
Обширны хляби и бездонны
Больших и малых тварей полны
И чуд, бесчисленных числом.

Там кит, там челн стремят свой бег,
И насмеваются над бездной;
И все сие, о Царь вселенной,
Себе Ты создал для утех!

К Тебе всех смертных очи зрят,
И на Тебя все уповают;
К Тебе все руки простирают
И милостей Твоих хотят.

Даруешь им — и соберут:
Разверзнешь длань и рассыпаешь
Щедроту всем; Ты всех питаешь,
И все они Тобой живут.

Но если отворишь Свой зрак —
Их всюду ужасы смущают;
Отымешь душу — исчезают
И превращаются во прах.

А если Дух пошлешь Ты Свой —
Мгновенно вновь все сотворится;
Лицо земное обновится,
Из тьмы восстанет свет другой.

И будет слава средь небес
Твоя, Создатель, продолжаться,
Ты вечно будешь утешаться
Творением Твоих чудес!

О Ты, трясет Чей землю взгляд,
Коснешься ли горам — дымятся;
Дохнешь ли на моря — холмятся:
В руке держащий смерть и ад!

Тебя, Всесильный мой Творец,
Я вечно славословить стану
И петь Тебя не перестану
По самый дней моих конец.

Моя беседа пред Тобой
И песнь угодны да явятся;
Тобой я буду восхищаться,
Дышать и жить, о Боже мой!

Но грешных племя и язык
Да истребит десница строга! —
Хвали, душа моя, ты Бога:
Сколь Он премудр и сколь велик!

ПОМОЩЬ БОЖΙΑ

(Псалом 120)

Возвел я мысленные взоры
В небесны, лучезарны горы, —
И помощь мне оттоль пришла.
Я помощь сильную приемлю
От Сотворившего всю землю
И в небе звезды без числа.

Ноги моей в поползновение,
Ниже в малейшее смятение,
Он не допустит и хранит.
Хранит меня и не воздремлет,
И всем моим Он нуждам внемлет,
И свыше на меня глядит.

Господь, Господь — мой покровитель,
Помощник, жезл и подкрепитель,
И щит Он на груди моей:
Ни солнце в день не опаляет,
Ни лунный свет не ужасает
Меня в тьме бледностью своей.

Везде со мною пребывает,
Сопутствует, остерегает
От всякого меня Он зла;
Блюдет мой вход и исхождение;
Предупреждает искушение,
Чтоб злость вредить мне не могла.

ПСАЛОМ 127

Блажен, кто Господа боится
И по путям Его идет!
Своим достатком насладится
И в благоденстве проживет.

В дому его нет ссор, разврата;
Но мир, покой и тишина:
Как маслина плодом, богата
Красой и нравами жена.

Как розы, кисти винограда
Румянцем веселят своим:
Его благословенны чада
Так милы вкрут трапезы с ним.

Так счастлив, так благополучен
И так блажен тот человек,
Кто с честью, правдой неразлучен,
И в Божьем страхе вел свой век.

Благословится от Сиона,
Благая снидут вся тому,
Кто слез виновником и стона
В сей жизни не был никому.

Кто не вредит и не обидит
И злом не воздает за зло:

Сыны сынов своих увидит
И в жизни всякое добро.

Мир в жизни сей и мир в дни оны,
В обители избранных душ,
Тебе, чувствительный, незлобный,
Благочестивый, добрый муж!

ИППОЛИТ БОГДАНОВИЧ

ПСАЛОМ 45

О Боже! Наше Ты прибежище и сила,
Защита крепкая и помощь нам в бедах;
Когда бы нас Твоя десница не хранила,
Давно бы зрели нас враги в своих сетях.

От гласа Вышняго вселенна потрясется.
Смутятся и падут противные пред Ним;
Но имя праведных тем паче вознесется,
И не прикоснется никакая злоба им.

Величество и власть Творца все твари славят,
Хвалу Ему гласят земля и небеса;
Когда б забыли мы, то горы нам представят
Бесчисленны Его преславны чудеса.

Он луки и щиты злодейски сокрушает;
Свергает в ярости взнесенный гордых рог;
Но праведных всегда щедротой утешает:
О злость! Сомкни уста, защита правым — Бог.

ПСАЛОМ 148

Хвалите Господа небес,
Хвалите, все Небесны Силы;

Хвалите, все Его светилы,
Исполнены Его чудес.

Да хвалят свет Его и день;
Земля и воздух, огонь и воды;
Да хвалят рыб различные роды,
Пучины, бездны, мрак и тень.

Да хвалят холмы и древа;
Да хвалят звери, горы, птицы,
Цари, владыки, сильных лица
И всяка плоть, что Им жива,

Да хвалят своего Творца;
Да хвалит всякое дыханье;
Он милует Свое создание,
И нет щедрот Его конца.

**ИВАН
ДМИТРИЕВ**

**РАЗМЫШЛЕНИЕ
ПО СЛУЧАЮ ГРОМА**

Гремит! Благоговей, сын персти!
Се Ветхий деньми с небеси
Из кроткой, благотворной длани
Перуны сеет по земли!
Всесильный! С трепетом младенца
Целую я священный край
Твоей молниеносной ризы
И — исчезаю пред Тобой!
Что человек? Парит ли к солнцу,
Смиренно ль идет по земли:
Увы! Там ум его блуждает,
А здесь стопы его скользят.
Под мраком, в океане жизни,
Пловец на утлой ладии,
Отдавши руль слепому року,
Ты дыхнешь — двигнешь океаны!
Речешь — и вспять они текут!
А мы!.. одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Пред тайной вечностью Твоей
Едва минутное мечтанье,
Луч бледной утренней зари!

ПОДРАЖАНИЕ 136 ПСАЛМУ

На чуждых берегах, где властвует тиран,
В плену мы слезы проливали
И, глядя на Евфрат, тебя вспоминали,
Родимый Иордан!

На лозах бледных ив, склонившихся к реке,
Качались томно наши лиры;
Увы, а мы от них, безмолвные и сиры,
Сидели вдалеке!

«Рабы! — вкруг нас ревел свирепый стражи глас, —
В неволе пользы нет от стога;
Воспряньте духом вы и песнию Сиона
Прольете радость в нас!»

Ах! Нам ли песни петь среди своих врагов?
Они с отчизной разлучили,
Где наша колыбель, где сладость жизни пили,
Где наших персть отцов!

Прилипни навсегда, язык, к устам моим,
Замри, рука моя, на лире,
Когда забуду я тебя, древнейший в мире,
Святой Иерусалим!

Напомни, Господи, Эдомовым сынам
Ужасный день, когда их злоба
Вопила: «Смерть им, смерть и пламень вместо гроба;
Рушь все: престол и храм!»

Но горе, горе злым: наш Мститель в небесах.
Содрогнись, чадо Вавилона!
Он близок, Он гремит, низвергнися со трона,
Пади пред Ним во прах.

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН

ПЕСНЬ БОЖЕСТВУ

*(сочиненная на тот случай, как безумец Дюмон
сказал во французском Конвенте: «Нет Бога!»)*

Господь Природы — бесконечный,
Миров бесчисленных Творец,
Источник бытия всевечный,
Отец чувствительных сердец —

Всего, что жизнь в себе питает,
Что видит славу, блеск небес,
Улыбкой радость изъясняет
И в скорби льет потоки слез!

От века Сам в Себе живущий,
Держащий все в руках Своих;
Нигде не зримый, всюду Сущий —
В странах эфирных и земных!

Блаженство, свет, душа вселенной,
Святой, премудрый, дивный Бог!
Кто — сердцем, чувством одаренный —
Тебя назвать мечтою мог?

Тебя?.. И страшным громом неба
Сей изверг в прах не обращен?

Огнем пылающего Феба
Сей злобный смертный не сожжен?

Но Ты велик! Но Ты не знаешь,
Как мстить, наказывать врагов:
Они ничто — Ты их прощаешь;
Ты зришь в врагах — Своих сынов

И льешь на них дары благие;
Щадишь безумцев жалких кровь.
Исчезнет тьма в умах, и злые
Твою почувствуют любовь.

Любовь!.. И с кротким удивленьем —
В минуту славы, торжества, —
С живым сердечным восхищеньем
Падут пред троном Божества;

Обнимут руку всеблагую,
Отцем простертую к сынам;
Восхвалят Милость Пресвятую —
Рекут: «Есть Бог! Мир — Божий храм!»

1793

(...МЫСЛИ, ВЫБРАННЫЕ ИЗ ЕККЛЕСИАСТА)

<...>

К чему нам служит власть, когда, ее имея,
Не властны мы себя счастливыми творить,

И, сердца своего покоить не умея,
Возможем ли другим спокойствие дарить?

В чертогах кедровых, среди садов прекрасных,
В объятиях сирен, ко мне любовью страстных,
Томился и скучал я жизнью своей;
Нет счастья для души, когда оно не в ней.

Уныние мое казалось непонятно
Наперсникам, рабам: я вкус свой притупил,
Излишней негою все чувства изнурил —
Ненужное для нас бывает ли приятно?

<...>

Нам всё употреблять для счастья возможно,
Во зло употреблять не должно ничего;
Спокойно разбирай, что истинно, что ложно:
Спокойствие души зависит от сего.

Сам Бог тебе велит приятным наслаждаться,
Но помнить своего великого Творца:
Он нежный вам Отец, о нежные сердца!
Как сладостно Ему во всем повиноваться!

Как сладостно пред Ним и плакать, и вздыхать!
Он любит в горести несчастных утешать
И солнечным лучом их слезы осушает,
Прохладным ветерком их сердце освежает.

1796

**ИВАН
КРЫЛОВ**

**ОДА ШЕСТАЯ, ВЫБРАННАЯ
ИЗ ПСАЛМА 93-го**

Бог, отмщений Господь.

Снесись на вихрях, мщений Царь!
Воссядь на громах — тучах черных,
Судить строптивых и упорных;
Ступи на выи непокорных
И в гордых молнией ударь.

Доколь вздымать им грудь надменну
И подпирать пороков трон,
Правдивых гнать из света вон?
Доколь Твой презирать закон
И осквернять собой вселенну?

Куда ни обращусь, внемля,
Везде их меч, везде угрозы.
Там на невинности железы,
Там льются сирых кровь и слезы;
Злодейством их грузна земля.

Так, проливая крови реки,
Заграбя мир себе в удел,

Твердят они на грудах тел:
Господь не видит наших дел
И не познает их вовеки.

Безумец! Где твой ум и слух?
Страхни невежество глубоко;
Скажи, хоть раз взнесясь высоко:
Ужели слеп Создавший око
И Сотворивший ухо — глух?

Скажи, оставя мудрость лживу,
Без света ли Творец светил?
Бессилен ли Создатель сил?
Безумен ли Кто ум в нас влил?
И мертв ли Давший душу живу?

Блажен, о Боже, в ком Твой свет:
Он соблюдется цел Тобою,
Тогда как, окруженный мглою,
В изрытый ров своей рукою
Злодей со скрежетом падет.

Кто? Кто с мечом? Со мною рядом
Кто мне поборник на убийц?
Кто на гонителей вдовиц?
Никто — всех взоры пали ниц,
И всех сердца страх облил хладом.

Никто — но Бог; Сам Бог со мной;
Сам Бог приемлет грозны стрелы,

Вселенной двигнет Он пределы,
Разрушит замыслы их смелы
И с тверди их сопхнет земной.

1794–1795

**ОДА ВОСЬМАЯ,
ВЫБРАННАЯ ИЗ ПСАЛМА 87-го**

Господи Боже спасения моего.

О Боже! Царь щедрот, спасений,
Внемли! — К Тебе моих молений
Свидетель — ночи все и дни.
Я в ночь свой одр мочу слезами,
И в день иссякшими глазами
Встречаю мраки лишь одни.
Да пройдет вопль мой пред Тобою
Шумящей, пламенной рекою:
Воззри — и слух ко мне склони.

В груди моей все скорби люты;
Нет дня отрадна; нет минуты;
Теснится в сердце мук собор.
Уже, к веселью неспособен,
Я бледен, мертвецам подобен;
Уже ко гробу шаг мой скор;
Уже в моих я равен силах
С забвенными давно в могилах,
От коих отвратил Ты взор.

Все гнева Твоего удары,
Как моря гневна волны яры,
Навел Ты на мою главу.
Тесним от ближних, обесславлен,
Друзьями презрен и оставлен,
Средь кровных чуждым я живу.
В одре, как в гробе, истлеваю;
Но руки к небу воздеваю:
К Тебе и день и ночь зову.

Увы! Иль стон живых беспрочен?
Или для мертвых столь Ты мочен?
Они ль певцы Твоих чудес?
Но кто воспел Тебя во гробе?
Кто возгласил в земной утробе
Твой суд иль блеск Твоих небес?
Кто имя Божье славословил?
И кто в стране забвенья пролил
Хоть каплю благодарных слез?

А я, едва заря настанет,
Едва светило дня проглянет,
Огнем живым к Тебе дышу —
И вместе с хором оперенным
Твое величие глашу.
Куда ни двинуся ногою,
Как сердце я свое, с собою
Хвалу чудес Твоих ношу.

Почто же, Бог мой, презираешь,
Не внемлешь Ты и отреваешь
Вопль страждущей души моей?
Средь нужды, нищеты и горя,
Как средь бунтующего моря,
Я взрос от самых юных дней —
И днесь от бедства не избавлен,
Как лист иссохший, я оставлен
Среди ярящихся огней.

1794–1795

**ИВАН
КОЗЛОВ**

МОЯ МОЛИТВА

О Ты, Кого хвалить не смею,
Творец всего, Создатель мой;
Но Ты, к Кому я пламенею
Моим всем сердцем, всей душой!
Кто по Своей небесной воле
Грехи любовью превозмог,
Приник к страдальцев бедной доле,
Как друг и брат, Отец и Бог;

Кто солнца яркими лучами
Сияет мне в красе денной
И огнезвездными зарями
Всегда горит в тиши ночной;
Крушитель зла, Судья верховный,
Кто нас спасает от сетей
И ставит против тьмы греховной
Всю бездну благодати Своей! —

Услышь, Христос, мое моленье,
Мой дух Собою озари
И сердца бурного волненье,
Как зыбь морскую, умири;
Прими меня в Свою обитель, —
Я блудный сын, — Ты Отче мой;

И, как над Лазарем, Спаситель,
О, прослезися надо мной!

Меня не крест мой ужасает, —
Страданье верою цветет,
Сам Бог кресты нам посылает,
А крест наш Бога нам дает;
Тебе вослед идти готовый,
Молю, чтоб дух мой подкрепил,
Хочу носить венец терновый, —
Ты Сам, Христос, его носил.

Но в мрачном, горестном уделе,
Хоть я без ног и без очей, —
Еще горит в убитом теле
Пожар бунтующих страстей;
В Тебе одном моя надежда,
Ты радость, свет и тишина;
Да будет брачная одежда
Рабу строптивому дана.

Тревожной совести угрозы,
О Милосердный, успокой;
Ты видишь покаянья слезы, —
Молю, не вниди в суд со мной.
Ты всемогущ, а я бессильный,
Ты Царь миров, а я убог,
Бессмертен Ты — я прах могильный,
Я быстрый миг — Ты вечный Бог!

О дай, чтоб верою святою
Рассеял я туман страстей
И чтоб безоблачной душою
Прощал врагам, любил друзей;
Чтоб луч отрадный упования
Всегда мне в сердце проникал,
Чтоб помнил я благодетель,
Чтоб оскорбленья забывал!

И на Тебя я уповаю;
Как сладко мне любить Тебя!
Твоей я благости вверяю
Жену, детей, всего себя!
О, искупя невинной Кровью
Винный, грешный мир земной, —
Пребуди Божественной любовью
Везде, всегда — во мне, со мной!

1833

МОЛИТВА

Прости мне, Боже, прегрешенья
И дух мой томный obnovи!
Дай мне терпеть мои мученья
В надежде, вере и любви!

Не страшны мне мои страданья:
Они — залог любви святой;
Но дай, чтоб пламенной душой
Я мог лить слезы покаянья!

Взгляни на сердца нищету:
Дай Магдалины жар священный,

Дай Иоанна чистоту;
Дай мне донести венец мой тленный,
Под игом тяжкого креста,
К ногам Спасителя-Христа!

1839

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Т.С. Водяной

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я с ним, навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон.

1827

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ

ВСЕМОГУЩЕСТВО БОЖИЕ

Господь, Господь! В беде моей жестокой
На небеса Твои с надеждой, с верой,
В тоске, в слезах я душу посылаю!
Всесилен Ты — тончайшей паутине
Тебе легко дать крепость твердой стали;
Всесилен Ты — тройным железным узам
Тебе легко дать брэнность паутины;
Ты дивный Бог, с Тобой слепец Сампсон
И в слабости могущество низринул;
Тебя призвав, он столп переломил —
И на врага упали своды храма.

САВА НА ДОРОГЕ В ДАМАСК

На ланитах рдеет краска,
Грозный взор, суровый вид...
Савл разгневанный спешит
К стенам ближнего Дамаска.

Всем живущим о Христе —
Всем готовит он гоненье,
Бичеванье, поношенье,
Ужас смерти на кресте...

Но, лелея неустанно
В сердце гибель христиан,
На пути он был неожиданно
Дивным светом осиян!

И упал он, ослепленный,
И слышался над ним
Глас Господень: «Савле, Савле!
Я за что тобой гоним?»

Трепет чувствуя чудесный,
Отвечал он: «Кто же Ты?»
«Иисус — Кого ты гонишь!» —
Прозвучало с высоты.

«Что мне делать?» — спросил он,
Вещим ужасом объят.
И ответ раздался свыше:
«Встань! Гряди в ближайший град!

Там получишь ты прозрение,
Там познаешь ты Христа,
Изрекут Ему моления
Богохульные уста...»

И свершилось! И гонитель
Неустанный христиан
Стал ревнителем Христовым,
Светом правды осиян.

Умер Савл: Апостол Павел
Появился меж людей
И Всевышнего прославил
Всею жизнью своей.

СТАВАТ МАТЕР*

Горько плача и рыдая,
Предстояла в сокрушенье
Матерь Сыну на Кресте;
Душу, полную любви,
Сожаленья, сострадания,
Растерзал Ей острый меч.
Как печально, как прискорбно
Ты смотрела, Пресвятая
Богоматерь, на Христа!
Как молилась, как рыдала,
Как терзалась, видя муки
Сына — Бога Твоего!

Кто из нас не возрыдает,
Зря Святую Матерь Бога
В сокрушении таком?
Кто души в слезах не выльет,
Видя, как над Богом-сыном
Безотрадно плачет Мать;
Видя, как за нас Спаситель
Отдает Себя на муку,
На позор, на казнь, на смерть;

* Стояла мать (лат.)

Видя, как в тоске последней
Он,хладея, умирая,
Дух Свой Богу предает?
О Святая! Мать Любви!
Влей мне в душу силу скорби,
Чтоб с Тобой я плакать мог!
Дай, чтоб я горел любовью —
Весь проникнут верой сладкой —
К Искупившему меня;
Дай, чтоб в сердце смерть Христову,
И позор Его, и муки
Неизменно я носил;
Чтоб, во дни земной печали,
Под крестом моим утешен
Был любовью ко Христу;
Чтоб кончину мирно встретил,
Чтоб душе моей Спаситель
Славу рая отворил!

ПОЛНОЧЬ

Полночь било. В добрый час
Спите, Бог не спит за нас!

Пускай темно на высоте;
Сияют звезды в темноте —
То свет родимой стороны,
Про нас они там зажжены.

Полночь било. В добрый час
Спите, Бог не спит за нас!

Сияют звезды с вышины —
То свет родимой стороны;
Туда через могилу путь —
В могиле ж только отдохнуть.

Полночь било. В добрый час
Спите, Бог не спит за нас!

Еще лежит на небе тень,
Еще далеко светлый день;
Но жив Господь: Он знает срок,
Он вышлет утро на восток.

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Куда мне голову склонить?
Покинут я и сир!
Хотел бы весело хоть раз
Взглянуть на Божий мир.

И я в семье моих родных
Когда-то счастлив был!
Но горе спутник мой с тех пор,
Как я их схоронил.

Сады веселых богачей
И нивы их кругом...

Моя ж дорога мимо их
С заботой и трудом.

Но я счастливых не дичусь;
Моя печаль в тиши;
Я всем веселым рад сказать
«Бог помочь!» от души.

О Щедрый Бог! Не вовсе ж я
Тобою позабыт!
Источник милости Твоей
Для всех равно открыт.

В селеньи каждом есть Твой храм
С сияющим крестом,
С молитвой сладкой и с Твоим
Доступным алтарем.

Мне светит солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовест, с Тобой,
Создатель, говорю.

И знаю: будет добрым пир
В небесной стороне, —
Там буду праздновать и я!
Там место есть и мне!

**ФЕДОР
ГЛИНКА**

ВЕРА

Когда кипят морей раскаты,
И под грозой сгорают небеса,
И вихри с кораблей сдирают паруса,
И треснули могучие канаты,
Ты в челноке будь Верой тверд!
И Бог, увидя без сомненья,
Тебя чрез грозное волненье
На тонкой нитке проведет...

1826

ВЕНЕЦ ВРЕМЕН

(Из пророка Исаии)

Пророк! Внимай Моим словам
И воструби их в слух народам:
Да слышат небо и земля
Мои священные глаголы
О таинстве Моих судеб.
Пройдут, пройдут печальны веки,
Исчезнет плен Моих людей;
Я сокрушу пороков силу
И смерть, и тленье изгоню!
Я Сам созижду град вам новый
И освещу его Собой...

Там будет день, не вечера,
Как жизнь бессмертная, гореть!
Не будет там ни звездной ночи,
Ни вашей бледная луны;
И ваше солнце не посмеет
Там показать свое лицо:
Оно темно пред светом славы,
Которой вечные лучи
Оденут пышно град покоя...

**КАНУН
ПЕРЕД СВ. ПРИЧАСТИЕМ**

Завтра, завтра в дом Закхея,
Гость таинственный придет,
И, бледнее и немее,
Перед Ним Закхей падет.

Мытарь смутен, беспокоен,
Вскликнет в сретенье Его:
«Недостоин, недостоин
Посещения Твоего!..

Гость чудесный, Гость Небесный!
Ты так светел и лучист!
А сердечный дом мой тесный
И не прибран, и не чист!

Где же Гостя посажу я?
Тут и там сидел пророк:

Тут и там, где ни гляжу я,
Вижу все себе упрек!

Чем же Гостя угощу я?
Добрых дел в прошедших днях
Все ищу и не сыщу я:
Весь я в ранах и грехах!»

Был ответ: «Не угощенья,
Не здоровых я ищу:
Завтра к Чаше исцеленья
Я болящих допущу.

Завтра Собственную Кровью,
Благодатию Отца,
Духом мира и любовью
Весь войду Я к вам в сердца!

И душа, хоть вся б истлела
В знойном воздухе грехов,
Моего вкусивши Тела,
Возродится к жизни вновь!»

Так, — надеждой в душу вея, —
Кто-то будто говорит:
«Завтра, завтра Гость Закхей
И тебя же посетит!»

О, приди ж, наш Гость Священный,
С Чашей жизненной Своей:

Ждет грехами отягченный,
Новый ждет Тебя Закхей!

АГНЕЦ БОЖИЙ

И было то, было в Вифаре —
Креститель под пальмой стоял.
И желтый поток Иордана
Кипел, и шумел, и сиял.

Собралось много народу:
И отрок, и старец седой
Стремилась, желая спасенья,
Живою креститься водой.

Из дальних пустынь на верблюде,
Из ближних на статном коне
И раб, и свободные люди
Спешат к Иорданской волне.

Поспешно снимая одежды,
Всяк сердце хотел обнажать,
А голос Крестителя громко
Сердцам возвещал благодать.

Как многое тут пробудилось!
Все тайны раскрылись сердец:
То мытарь бледнел и молился,
То в латах смирялся боец.

И слезы текли по ланитам,
И вздохи кипели в устах,
И все торопились омыться
В святых Иорданских волнах.

Но вдруг вдохновенный Креститель
Вскричал громогласно при всех:
«Глядите! Се Агнец Господень,
От мира взимающий грех!»

И взоры всех ищут Кого-то,
Как будто видение снов,
Глядят, вопрошают с заботой:
«Где ж дивный Взиматель грехов?»

И Путник вдали показался
Величествен, тих, сановит.
И шел Он, как Божия дума,
Высокою тайной покрыт!

Так ходят алмазные звезды
По синим своим высотам,
Сияньем земных обливая,
Не данствуя их суетам.

И вспыхнули разные чувства
На лицах людей и в очах:
То вера боролась с неверьем,
То с робкой надеждою — страх,

Пытливость лукаво глядела,
И кротость смиренно ждала,
Что скажет Неведомый Путник,
Какие приявит дела?

От Путника веяло жизнью,
Зане Он — и Жизнь и Любовь.
И будет так веять — доколе
Сияет лампада миров.

ПОРЫВ И ЗАМЕДЛЕНИЕ

«Пойду, Учитель, за Тобой! —
Сказал Святому путник встречный, —
Я с жизнью выдержал уж бой,
Хочу найти покой сердечный...
Ты так учил, — в словах Твоих
Так много было неба... сладость
Лилась из уст Твоих святых.
А я в пустынях жизни младость
Растратил в суетах земных...
И вот, ища вознагражденья
За дни житейских зол и бед,
Я жажду, жажду возрожденья,
Хочу идти Тебе вослед...
Но ворочусь я ненадолго,
Чтоб уж всегда с Тобой ходить,
Домашним я обязан долгом:
Хочу отца похоронить». —

«Оставь! — сказал ему Великий, —
Оставь им, мертвым, мертвеца;
Оставь их возгласы и клики,
И плач, смущающий сердца...
У Бога смерти нет! — В том свете
Все жизнь и вечной жизни свет:
В любвеобильном, теплом лете
Ни холода, ни растленья нет.
Итак, обряд свой погребальный
Пусть справит за тебя иной,
А Я сниму покров буквальный
С загадки жизни сей земной
Для тех, кто вслед пойдет за Мной:
Я дам им жизненного хлеба,
Бессмертья покажу зарю,
И расскажу про тайны неба,
И смертных с смертью помирю!..»

ХРИСТОС ТЯ УПОКОИТ

Христос тебя да упокоит,
Отверзет райские врата
И жить в том Царстве удостоит,
Где жизнь и вечна, и свята!
Он всепрощением покроет
Грехи земного живота,
Тебя поставит одесную
За то, что в жизнь свою земную
Любил ты Господа Христа.

КОНСТАНТИН БАТЮШКОВ

НАДЕЖДА

Мой дух! Доверенность к Творцу!
Мужайся; будь в терпеньи камень.
Не Он ли к лучшему концу
Меня провел сквозь бранный пламень?
На поле смерти Чья рука
Меня таинственно спасала
И жадный крови меч врага,
И град свинцовый отражала?
Кто, Кто мне силу дал сносить
Труды и глад, и непогоду,
И силу — в бедстве сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру стезею потаенной
И в буре пламенных страстей
Мой был Вожатый неизменный?

Он! Он! Его все дар благой!
Он нам источник чувств высоких,
Любви к изящному прямой
И мыслей чистых и глубоких!
Все дар Его, и краше всех
Даров — надежда лучшей жизни!

Когда ж узрю спокойный брег,
Страну желанную Отчизны?
Когда струей небесных благ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?

1815

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ПАЛЕСТИНА

(Отрывок)

Эпопеи священной
Древний мир здесь разверст:
Свиток сей неизменный
Начертал Божий перст.
На Израиль с Заветом
Здесь сошла Божья сень;
Воссиял здесь рассветом
Человечества день.

Край святой Палестины,
Край чудес искони!
Горы, дебри, равнины,
Дни и ночи твои,
Внешний мир, мир подспудный,
Все, что было, что есть, —
Все поэзии чудной
Благодатная весть.

И, в ответ на призыванье,
Жизнь, горé возлетев,
Жизнь — одно созерцанье
И молитвы напев.

Отблеск светлых видений
На душе не угас;
Дни святых впечатлений,
Позабуду ли вас?

1850

ИЕРУСАЛИМ

Куда ни обращаешь взоры,
Повсюду грустные места:
Нагая степь, нагие горы
И диких дебрей простота.

И посреди сей мертвой нивы
И скорбью освященных мест
Печально город молчаливый
Стоит, как на кладбище крест.

Но эта бедная картина
Превыше кисти и пера:
Здесь Гефсиманская долина,
Там Элеонская гора!

1850

ЦЕРКОВНАЯ МОЛИТВА

Вот мирная семья смиренных поселян
На благовест любви, сзывающий мирян,
Толпой сберется в день воскресный,
И молятся они, чтобы Отец Небесный

Послал им свышний мир, чтобы за их труды
Им принесла земля обильные плоды;
Чтоб день был совершен, свят, мирен и безгрешен;
Чтоб исцелел больной, чтоб скорбный был утешен;
Живущим верою, хранящим Божий страх,
Трудящимся в молитве и слезах,
Всем странствующим, всем далече в море сущим
Господь послал Свой мир, любовь и благодать;
Чтоб в покаянье им дни прочие скончать,
Чтоб Ангел мирный, душ их и телес хранитель,
Берег и стадо их, и поле, и обитель, —
Чтоб помянул Господь во Царствии Своем
Отцов и братию, почивших смертным сном.

МОЛИТВА АНГЕЛУ ХРАНИТЕЛЮ

Научи меня молиться,
Добрый Ангел, научи!
Уст твоих благоуханьем
Чувства черствые смягчи!
Да во глубь души проникнут
Солнца вечного лучи,
Да в груди моей забьются
Благодатных слез ключи!
Дай моей молитве крылья,
Дай полет мне в высоту;
Дай мне веры безусловной
Высоту и теплоту!
Неповинных, безответных
Дай младенцев простоту

И высокую, святую
Нищих духом чистоту!
Дай стряхнуть земные узы
С прахом страннических ног,
Дай во мне угаснуть шуму
Битв житейских и тревог!
Да откроется тобою
Мне молитвенный чертог,
Да в одну сольются думу
Смерть, бессмертие и Бог.

ЧЕРТОГ ТВОЙ

Чертог Твой вижу, Спасе мой,
Он блещет славою Твоею, —
Но я войти в него не смею,
Но я одежды не имею,
Дабы предстать мне пред Тобой.
О, Светодавче, просвети
Ты рубище души убогой,
Я нищим шел земной дорогой:
Любовью и щедротой многой
Меня к слугам Своим причти.

УТЕШЕНИЕ

Перед Господом Богом я грешен.
И кто же не грешен пред Ним?
Но тем я хоть мало утешен,
Что брат я всем братьям моим,

Что слезы мне все симпатичны,
Что с плачущим плачу и я,
Что в сердце есть отзыв привычный
На каждую скорбь бытия,
Что дух мой окреп под ненастьем,
Что в язвах созрела душа,
Что жизнь мне не блеском, не счастьем,
А тайной тоской хороша;
Что в мир и его обаянья
Не долго вдаваться я мог,
Но все его понял страдания
И чувство для них уберег;
Что тайная есть мне отрада
Внезапно войти в Божий дом —
И там, где мерцает лампада,
С молитвой поникнуть челом;
Что дня не проходит и часу,
Чтоб внутренним слухом не внял
Я смерти призывному гласу
И слух от него уклонял;
Что в самой житейской тревоге
Сей голос не чужд для меня,
И с мыслью стою на пороге
Последнего страшного дня.

**ВИЛЬГЕЛЬМ
КЮХЕЛЬБЕКЕР**

НАДГРОБИЕ

Сажень земли мое стяжанье,
Мне отведен смиренный дом:
Здесь спят надежда и желанье,
Окован страх железным сном,
Заснули горесть и веселье —
Безмолвно все в подземной келье.

И я когда-то знал печали,
И я был счастлив и скорбел,
Любовью перси трепетали,
Уста смеялись, взор светлел;
Но взор и сердце охладели:
Растут над мертвым пеплом ели.

И уж никто моей гробницы
Из милых мне не посетит;
Их не разбудит блеск денницы:
Их прах в сырой земле зарыт;
А разве путник утруженный
Взор бросит на мой гроб забвенный.

А разве сладостной весною,
Гонясь за пестрым мотыльком,
Дитя бессильною рукою

Столкнет мой каменный шлем,
Покатит, взглянет и оставит
И вдаль беспечный бег направит.

1815

К БОГУ

Воздвигся на мою главу
Злодеев сонм ожесточенный:
Их жадным воплем оглушенный,
К Тебе, о Боже, воззову!
Во гласе чистых песнопений
Прославив в радостях Тебя,
Тебя прославлю средь гонений:
Вручаю Господу себя.
Какой вместился мир чудесный
В мою растерзанную грудь!
Незапно светлостью небесной
Оделся мой житейский путь...
Восстал Господь! Бог мещет громы
На нечестивые толпы.
На вихрях яростных несомый,
Грозой подъялся Царь судьбы.
Летят пред Ним Его рабы,
Летят, облачены в перуны,
Повиты молнией и мглой:
Одни златые движут струны,
Другие мощною рукой
Из облак, бурей окрыленных,
Погибель мещут на надменных.

Нет! Не покинет Он меня:
Исчезнет скорбь, промчится горе;
Благой десницей осеня,
Бог зрит меня в кипящем море.
Теките ж, гневные валы,
Разите, хляби, отовсюду:
Вы встретите отпор скалы;
К Нему зываю; тверд пребуду!

1824

БРАТУ

Повсюду вижу Бога моего:
Он чад Своих Отец и не покинет,
Нет! Не отвергнет никогда того,
В ком вера в Милосердного не стынет.

Господь — мой Бог на суше и в водах,
И в шумном множестве, в мирском волненьи,
И в хижине, и в пышных теремах,
И в пристани души — в уединеньи.

Нет места, коего лучом Своим
Не озарял бы Он, Повсюдусущий;
Нет мрака, нет затмения перед Ним:
Всею близок Благостный и Всемогуший.

Он близок: я уже Его узнал
И здесь, в глухих стенах моей темницы,

И здесь, среди седых, утрюмых скал,
Меня покрыла сень Его десницы.

Он близок, близок и тебе, мой друг!
К Нему лети на крыльях упования;
Его услышишь в самом гласе вьюг
И узришь в льдинах твоего изгнания!

1831

НОВЫЙ ГОД

(Отрывок)

*Господи, прибежище был еси
нам в род и род...(Псалом 89)*

<...>

Пред Богом тысяча веков
Не боле срока часового,
Что среди сумрака немого
Стоит на страже у шатров.

И что же? Каждый день и час
Непостижимый Вседержитель,
Защитник наш, Покров, Спаситель,
Блюдет и зрит, и слышит нас.

О Дивный в благодати Своей!
О милостью Повсюдусущий!
Будь близок нам и в день грядущий!
Отец, храни Своих детей!

Все молча примем, что бы нам
Судьбы Твои ни даровали:
Твое ж посланье и печали;
Ты жизни силу дал слезам.

Избавь нас только от грехов
И влей нам в перси дух смиренья, —
И громким гласом песнопенья
Тебя прославим, Бог богов!

1 января 1832

МОЛИТВА ВОИНА

Бог — мой Хранитель и Вождь!
Блещут в туманах ревущие жерла;
Брань надо мной свои тучи простерла,
В воющем мраке, сквозь огненный дождь
Бог — мой Хранитель и Вождь!

Грозен волнуется бой:
Что мне готовится в рдеющем поле?
Боже, Твоей отдаю себя воле!
К славе ли? К гробу ли? Смело с Тобой!
Твой, о мой Отче, я — Твой!

Вождь мой! Взываю к Тебе!
Ангел ли смерти пожнет мои силы,
Кровью ли днесь изойдут мои жилы,
Вождь мой, води: я в последней борьбе
Глас свой воздвигну к Тебе!

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний Ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угля, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.

Как труп, в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

1826

АНГЕЛ

В дверях Эдема Ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон, мрачный и мятежный,
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости, — он рек, — тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не все я в небе ненавидел,
Не все я в мире презирал».

1827

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,

Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

1836

(ПОДРАЖАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ)

Как с дерева сорвался предатель-ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лице
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.

1836

Напрасно я бегу к Сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

1836

**МИХАИЛ
ПОГОДИН**

**«ОСТАВИ НАМ
ДОЛГИ НАША...»**

О наш всеобщий Примиритель!
Спаси, прости моих врагов;
И мне будь грешному Спаситель,
Не помяни моих долгов.
Никто со мной в грехах не ровен —
Безмерно, Боже, я виновен!

НИКОЛАЙ ЯЗЫКОВ

МОЛИТВА

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам!

[ВЕЛИК ГОСПОДЬ]

Хор, петый в Московском благородном собрании
по случаю прекращения холеры в Москве

Велик Господь! Земля и неба своды —
Свершители судеб Его святых!
Благословен, когда казнит народы,
Благословен, когда спасает их.

Пославший нам годину искушенья
Не до конца рабов Своих карал —
Нам воссиял желанный день спасенья,
День Милости Господней воссиял.

Велик Господь! К Нему сердца и руки!
Ему хвалу гласи тимпана звон!
Ему хвалу играйте песен звуки!
Велик Господь! И свят Его закон!

1830

**ФЕДОР
ТЮТЧЕВ**

НАШ ВЕК

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит.

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

1851

В ХРАМЕ

Сумерки, тени, лампы мерцание,
Запах горящих свечей,
Лики святые ласкает сияние
Их быстрокрылых лучей.

Слово молитвы, церковное пение,
Дым в алтаре голубой.
В сердце смущение, в сердце волнение,
Очи покрыты слезой.

В храме я вижу молитву народную;
Крепнет здесь вера моя.
Жизни осмысленной цель благородную
Здесь обретаю вновь я.

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так ты — жилища двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растление душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

1857

ДВА ЕДИНСТВА

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! —
Славянский мир, сомкнись тесней...

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

Сентябрь 1870

День Православного Востока,
Святись, святись, Великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень!

Но и Святой Руси пределом
Его призыва не стесняй:
Пусть слышен будет в мире целом,
Пускай он льется через край,

Своею дальнею волною
И ту долину захватая,
Где бьется с немощию злою
Мое родимое дитя, —

Тот светлый край, куда в изгнанье
Она судьбой увлечена,
Где неба южного дыханье
Как врачество лишь пьет она...

О, дай болящей исцеленье,
Отрадой в душу ей повеи,
Чтобы в Христово Воскресенье
Всецело жизнь воскресла в ней...

16 апреля 1872

**АЛЕКСЕЙ
ХОМЯКОВ**

В ЭТУ НОЧЬ

В эту ночь Земля была в волненьи:
Блеск большой диковинной звезды
Ослепил вдрут горы и селенья,
Города, пустыни и сады.

А в пустыне наблюдали львицы,
Как, дарами дивными полны,
Двигались бесшумно колесницы,
Важно шли верблюды и слоны.

И в челе большого каравана,
Устремивши взоры в небосклон,
Три царя в затейливых тюрбанах
Ехали к кому-то на поклон.

А в пещере, где всю ночь не гасли
Факелы, мигая и чадя,
Там ягнята увидали в яслях
Спящее прекрасное Дитя.

В эту ночь вся тварь была в волненьи,
Пели птицы в полуночной мгле,
Возвещая всем благоволенью,
Наступленье мира на земле.

РОССИИ

(Отрывок)

<...>

Твое все то, чем дух святится,
В чем сердцу слышен глас небес,
В чем жизнь грядущих дней таится,
Начало славы и чудес!..
О, вспомни свой удел высокий,
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты Духа жизни допроси!
Внимай Ему — и, все народы
Обняв любовью своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!
И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный —
Прозрачный Вышнего покров!

1839

«Мы род избранный, — говорили
Сиона дети в старину. —
Нам Божьи громы осушили
Морей волнистых глубину.

Для нас Синай оделся в пламя,
Дрожала гор кремнистых грудь,

И дым, и огонь, как Божье знамя,
В пустынях нам казали путь.

Нам камень лил воды потоки,
Дождили манной небеса,
Для нас закон, у нас пророки,
В нас Божьей силы чудеса!»

Не терпит Бог людской гордыни;
Не с теми Он, кто говорит:
«Мы соль земли, мы столб святыни,
Мы Божий меч, мы Божий щит!»

Не с теми Он, кто звуки слова
Лепечет рабским языком
И, мертвенный сосуд живого,
Душою мертв и спит умом.

Но с теми Бог, в ком Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия.

Он с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиром не творил.

Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиам;

Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в Господень храм!

1851

Подвиг есть и в сражении,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпении,
Любви и мольбе.

Если сердце заняло
Перед злобой людской
Иль насилье схватило
Тебя цепью стальной;
Если скорби земные
Жалом в душу впились, —
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись.
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилия
Выше мраков земных,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской.

1859

КРЕМЛЕВСКАЯ ЗАУТРЕНЯ НА ПАСХУ

В безмолвии, под ризою ночною,
Москва ждала; и час святой настал:
И мощный звон промчался над землею,
И воздух весь, гудя, затрепетал.
Певучие, серебряные громы
Сказали весть святого торжества;
И, слыша глас, ее душе знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Все тот же Он: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественных забот
Не знает Он, и, вестник искупленья,
Он с высоты нам песнь одну поет, —
Победы песнь, песнь конченного плена.
Мы слушаем; но как внимаем мы?
Сгибаются ль упрямые колена?
Смиряются ль кичливые умы?
Откроем ли радушные объятия
Для страждущих, для меньшей братии всей?
Хоть вспомним ли, что это слово — братья —
Всех слов земных дороже и святей?

1850

**АЛЕКСАНДР
ПОЛЕЖАЕВ**

АТЕИСТУ

Не оглушайте вы меня
Ни вашим карканьем, ни свистом
Против начала бытия!
Смотря внимательно на вас,
Я не могу быть атеистом:
Вы без души, ума и глаз!

1834

БОЖИЙ СУД

Есть духи зла — неистовые чада
Благословенного Отца;
Удел их — грусть, отчаянье — отрада,
А жизнь — мученье без конца!

В великий час рождения вселенной,
Когда извлек Всевышний перст
Из тьмы веков эфир одушевленный
Для хора солнцев, лун и звезд;

Когда Творец торжественное слово,
В премудрой благости, изрек:
«Да будет прах величия основой!» —
И встал из праха человек, —

Тогда ему, светлы, необозримы
Хвалу воспели небеса,
И юный мир, как сын Его любимый,
Был весь — волшебная краса...

И ярче звезд и солнца золотого,
Как Иорданские струи,
Вокруг Его, Властителя Святого,
Вились Архангелов рои!

И пышный сонм небесных легионов
Был ясен, свят перед Творцом,
И на скрижаль Божественных законов
Взирал с потупленным челом.

Но чистый огонь невинности покорной
В сынах бессмертия потух —
И грозно пал, с гордынею упорной,
Высокий ум, высокий дух.

Свершился суд!.. Могучая десница
Подъяла молнию и гром —
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содом!..

И плач, и стон, и вопль ожесточенья
Убили прелесть бытия,
И отказал в надежде примиренья
Ему Правдивый Судия.

С тех пор враги прекрасного создания
Таятся горестно во мгле, —
И мучит их, и жжет без сострадания
Печать проклятья на челе.

Напрасно ждут преступные свободы:
Они противны небесам,
Не долетит в объятия природы
Их недостойный фимиам!

1834

БАЛТАСАР

Подражание V главе пророка Даниила

Царь на троне сидит;
Перед ним и за ним
С раболепством немым
Ряд сатрапов стоит.
Драгоценный чертог
И блесит и горит,
И земной полубог
Пир устроить велит.
Золотая волна
Дорогого вина
Нежит чувства и кровь;
Звуки лир, юных дев
Сладострастный напев
Возжигают любовь.
Упоен, восхищен,
Царь на троне сидит —

И торжественный трон
И блестит и горит...
Вдруг неведомый страх
У царя на челе,
И унынье в очах,
Обращенных к стене.
Умолкает звук лир
И веселых речей,
И расстроенный пир
Видит (ужас очей!):
Огневая рука
Исполинским перстом
На стене пред царем
Начертала слова!..
И никто из мужей,
И царевых гостей,
И искусных волхвов
Силы огненных слов
Изъяснить не возмог.
И земной полубог
Омрачился тоской...
И еврей молодой
К Валтасару предстал
И слова прочитал:
«Мани, фекел, фарес!» —
Вот слова на стене:
Волю Бога небес
Возвещают оне.
Мани значит: монарх,
Кончил царствовать ты!

Град у персов в руках —
Смысл средней черты;
Фарес — третье — гласит:
Ныне будешь убит!..»
Рек — исчез... Изумлен,
Царь не верит мечте,
Но чертог окружен,
И... он мертв на щите!..

1826–1828

**ВЛАДИМИР
БЕНЕДИКТОВ**

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

(К картине Боровиковского)

Кто сей юный? — В ризе света
Он небесно возблистал
И сияющий предстал
Кроткой Деве Назарета;
Дышит радостью чело;
Веют благовестью речи;
Кудри сыплются на плечи,
За плечом дрожит крыло.

Кто Сия? — Покров лилейный
Осняет ясный лик,
Долу взор благоговейный
Под ресницами поник;
Скрещены на персях руки;
В персях сдержан тихий вздох;
Робкий слух приемлет звуки:
«Дева! Сын Твой будет Бог!»

Этот юноша крылатый, —
Искупления глашатай,
Ангел, вестник торжества,
Вестник тайны воплощенья;

А пред ним — полна смиренья —
Дева — Матерь Божества!

1842–1850

ВЕРЮ

Верю я и верить буду,
Что от сих до оных мест
Божество разлито всюду —
От былинки вплоть до звезд.

Не Оно ль горит звездами
И у солнца из очей
С неба падает снопами
Ослепительных лучей?

В бездне тихой, черной ночи,
В безпредельной глубине
Не Оно ли перед очи
Ставит прямо вечность мне?

Не Его ль необычайный
Духу, сердцу внятный зов
Обаятельною тайной
Веет в сумраке лесов?

Не Оно ль в стихийном споре
Блещет пламенем грозы,
Отражая лик Свой в море
И в жемчужине слезы?

Сквозь миры, сквозь неба крышу
Углубляюсь в естество,
И сдается — вижу, слышу,
Чую сердцем Божество.

1857

ВОЗМУТИТЕЛЬ

Они себе спокойно жили.
И в теплоте грехов своих,
Тучнея телом, не тужили,
Что духа правды мало в них.

Они средь общего недуга
И развращения своего
Взаимно берегли друг друга,
Не выдавая никого.

И мнилось — счастья дождь перловый
Там всех во мраке орошал,
Но к ним собрат явился новый
И мирно жить им помешал.

Душою честной, сердцем правым
Он, возлюбив не мрак, но свет,
Не шел на сборище к лукавым
И к нечестивым на совет.

Он против зла восстал с уликой,
Вступая за правду и закон,

Восстал — и тем соблазн великий
Распространил повсюду он, —

И отшатнулся каждый житель
Тех мест нечистых от него,
И все кричат: «Он — возмутитель!
Схватить! Связать! Изгнать его!»

А помните — народом чтима,
Средь Богом избранных земель,
На торжище Ерусалима
Была заветная купель;

И с каждой срочною денницей
То место некто посещал
И чудотворною десницей
В купели воду возмущал;

И тот, кто первый погружался
В те возмущенные струи, —
От злых недугов исцелялся
И силы обновлял свои.

Тот благодатный посетитель...
Скажите, люди: кто он был?
И он был также возмутитель, —
Он воду грешников мутил.

И были дни тогда иные,
И на целителя того

Там не кричали те больные:
«Схватить! Связать! Изгнать его!»

1859 или 1860

И НЫНЕ

Над нами те ж, как древле, небеса,
И так же льют нам благ своих потоки,
И в наши дни творятся чудеса,
И в наши дни являются пророки.

Бог не устал, — Бог шествует вперед;
Мир борется с враждебной силой змия.
Там — зрит слепой, там — мертвый восстает;
Исайя жив, и жив Иеремия.

Не истощил Господь Своих даров,
Не оскудел верховной благодатью, —
Он все творит — и Библия миров
Не замкнута последнею печатью.

Кто духом жив, в ком вера не мертва,
Кто сознает всю животворность Слова,
Тот всюду зрит наитье Божества
И слышит всё, что говорит Егова.

И, разогнав кудесничества чад,
В природе он усмотрит святость чуда,
И не *распнет* он Слово, как Пилат,
И не предаст он Слово, как Иуда,

И брата он, как Каин, не сразит,
Гонимого с радушной лаской примет,
Смирением надменных пристыдит
И слабого и падшего подымет.

Не унывай, о малодушный род!
Не падайте, о племена земные!
Бог не устал, — Бог шествует вперед;
Мир борется с враждебной силой змия.

1859 или январь 1860

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

«Свет да будет!» — Божья сила
Изрекла — и мрак исчез.
И для всех зажглись светила
В беспредельности небес.
И с тех пор, нас одевая
Дня блестящего в парчу,
Ровно светит вековая
Солнца лампа огневая
Бедняку и богачу.
Ни пред кем тот свет не скрытен,
Всем доступен горний луч —
Тем, кто слаб и беззащитен,
И тому, кто так могуч.
А потом, как мгла ночная
Упадет на грешный мир, —
Пусть иной летит на пир,
Где сверкает пыль земная,

Где поддельный блеск велик,
А иной — зажжет лучину,
Осветит тоску-кручину
Иль затеплит свой ночник!

Но еще есть Свет верховный,
Свет не солнца и планет,
Но чистейший Свет духовный,
Свет науки, Божий Свет,
И без этого сиянья
Тщетно б шел за веком век, —
Светом нравственного знания
Человек есть «Человек».
Кто не хочет, чтоб доступен
Свет тот был для всех людей,
Тот — недобрый муж, преступен
Он пред совестью своей,
И, с ночным злодеем схожий,
Встав на брата своего,
Он срывает образ Божий
Святотатственно с него.
Сам Христос — Учитель братства —
Тот, Кем наша жизнь крепка,
От духовного богатства
Не отторгнул бедняка.
Не лишил его ученья
И святых Своих чудес —
Он, что умер средь мученья
И на третий день воскрес.

Воскресеньем Он прославил
Свой всецарственный престол,
Он воскрес, а нам оставил
Слово, грамоту, глагол,
И Воскресшего глаголы —
Вечной жизни в нас залог,
Он — глава воскресной школы,
Он — всеграмотности Бог!
Будь же грамотность родная
Делом Веры и Любви!
Восклицаем, начиная:
«Царь Небес! Благослови!»

Январь 1861

АЛЕКСЕЙ КОЛЬЦОВ

БОЖИЙ МИР

Отец света — вечность;
Сын вечности — сила;
Дух силы — есть жизнь:
Мир жизнью кипит.
Везде Троиный,
Воззавший все к жизни!
Нет века Ему,
Нет места Ему!
С величества трона,
С престола чудес
Божий образ — солнце
К нам с неба глядит
И днем поверяет
Всемирную жизнь.
В другом месте неба
Оно отразилось, —
И месяцем землю
Всю ночь сторожит.
Тьма, на лоне ночи
И живой прохлады,
Все стихии мира
Сном благословляет.
Свет дает им силу,
Возрождает душу.

В Царстве Божьей воли,
В переливах жизни,
Нет бессильной смерти,
Нет бездушной жизни!

1837

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ МУДРОСТЬ

Что ты значишь в этом мире,
Дух премудрый человека?
Как ты можешь кликнуть солнцу:
«Слушай, солнце! Стань, ни с места!
Чтоб ты в небе не ходило!
Чтоб на землю не светило!»
Выдь на берег, глянь на море —
Что ты можешь сделать морю,
Чтоб вода в нем охладела,
Чтобы камнем затвердела?
Чем, какою тайной силой
Шар вселенной остановишь,
Чтоб не шел он, не кружился?..
Перестрой же всю природу!
Мир прекрасен... Ты не хочешь...
Нет, премудрый, ты не можешь!
Да, не можешь, раб пространства,
Лет и времени невольник.
Будь ты бездна сил, идей,
Сам собой наполни небо,
Будь ты *все*, один и всюду,
Будь ты Бог — и слово-дело!..

Но когда уж это все,
Бесконечно и одно,
Есть пред нами в ризе света, —
То другой уж власти нет...
Все, что есть, — все это Божье;
И премудрость наша — Божья.

1837

ДВЕ ЖИЗНИ

(Дума)

Две жизни в мире есть.
Одна светла, горит она, как солнце;
В ее очах небесный тихий день;
В сиянии — святая мысль и чувство;
Ее живая сила так роскошно
Звучит свободной и разумной речью.
И это — жизнь земного духа;
Долга она, как Божья вечность...

Другая жизнь темна;
В ее очах — земная грусть и ночь;
И спит она сном крепким и мятежным,
Таится мысль в ее цветистых формах,
Но не звучит свободной речью;
Наклоннее во тьме она к молчанью.
И это — жизнь земного праха;
Кратка она, как блеск звезды падучей...

1837

ПЕРЕД ОБРАЗОМ СПАСИТЕЛЯ

Пред Тобою, мой Бог,
Я свечу погасил,
Премудрую книгу —
Пред Тобою закрыл.

Твой небесный огонь
Негасимо горит;
Безконечный Твой мир
Пред очами раскрыт;

Я с любовью к Тебе
Погружаюсь в нем;
Со слезами стою
Перед светлым Лицом.

И напрасно весь мир
На Тебя восставал,
И напрасно на смерть
Он Тебя осуждал:

На кресте, под венцом,
И спокоен, и тих,
До конца Ты молил
За злодеев Своих!

1839

ЕВДОКИЯ РОСТОПЧИНА

ВОЗГЛАС

*«De profundis clamavi ad te,
Domine!..»**

Учитель! Ты скорбел Божественной душой,
Предвидя муки час, на Вечери святой...
Учитель! Ты страдал, в истоме ожидания,
И Элеонский холм внимал Твои стенанья...
Но, покорясь Отцу, уста не отвертил
От чаши горькой Ты, — до дна ее испил,
И смертью совершил вселенной покаянье,
И Крест Твой не слышал ни пеней, ни роптанья, —
О! Выучи меня страдать!..

Учитель! Милостив и кроток до конца,
Ты за мучителей Своих молил Отца...
Учитель! Ты простил врагам ожесточенным,
И лжесвидетелям, и палачам презренным...
«Не знают, что творят они, — остави им!» —
Ты говорил Отцу с смиреньем неземным,
Ты грех их выкупил Своей священной Кровью,
Проклятьям и хулам отвечал любовью...
О! Выучи меня прощать!..

Москва, 30-го сентября 1849

* «Из глубины я воззвал к Тебе, Господи!..»

МОНАСТЫРЬ

Обитель древняя, убежище святыни,
Как стало мне легко в стенах твоих!
Как живо чувствую я ныне
Всю суетность надежд и радостей земных!
Здесь, здесь меня отрада ожидала,
Здесь утешение спустилось свыше мне;
Моление теплое на время оторвало
Печаль, таимую в сердечной глубине:
На Лик Святой Небесной Девы
Я в умилении гляжу
И с чистой верою твержу
Ей приносимые напевы.
Ее глубоко-ясный взор
Мне льет кручины злой забвенью;
Покой чела Ее — укор
Мне за безумное волненье.
Свеча горит перед Святой
И свет неяркий проливает,
Но свет сей сердце озаряет
И тушит в нем огонь земной.

МОЛИТВЫ ДАР

Молитвы дар — дар чудный, дар безценный,
Замена всех непрочных благ земных;
Блажен, кому дано душою умиленной
Изведать таинство святых отрад твоих!

Блажен, кто молится в минуту счастья,
Кто с Богом сердце так сумел сдружить,
Что Божья мысль святит в нем радости и страсти
И может их порыв безумный укротить.

Блажен, кто молится в тоске и муке,
Под ношею тяжелого креста,
Кто, горем посещен, возносит к небу руки,
Твердя: «Ты Свят, Господь, и власть Твоя свята!»

Блажен, кто битвой жизни испытуем,
Смиренно верует, смиренно ждет,
И вышний Промысел хвалебным аллилуем,
Как отроки в пещи, все славит и поет.

В СТРАСТНУЮ ПЯТНИЦУ

Я был в твоих стенах, о древний храм!
В торжественные дни, когда святой владыка
Чин совершал Литургии великой;
И был ты весь — сияние... величье... фимиам.
И видел я тебя, когда перед небесной
Земная власть склонялась в прах и пепел:
Тот праздник был так радостен, так светел,
Что мира лучшего, казалось, он прообраз был
чудесный!

Но нынче... Я вхожу — и траур алтарей,
И запристольный крест, в креп черный
облеченный,

И храм, торжественно в потемки погруженный,
Без пенья, без кадил, без таинств, без огней —
Молчанье, ужас, мрак... Все о борьбе

Христовой,

Все о Распятом здесь так сильно говорит,
Что дух трепещет мой, душа моя скорбит:
Во гроб заключено — Источник жизни всей —
Божественное Слово.

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

МОЛИТВА

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей Твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далёко от Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К Тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь.

Не угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор.
От страшной жажды песнопенья
Пуškai, Творец, освобожусь,

Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращаюсь.

1829

АНГЕЛ

По небу полуночи Ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге Великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез.
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

1831

МОЛИТВА

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием.

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного, —
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой Заступнице мира холодного.

Окружи счастьем душу достойную,
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную.
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего Ангела душу прекрасную.

1837

ВЕТКА ПАЛЕСТИНЫ

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали
Иль пели песни старины,
Когда листы твои сплетали
Салима бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Все так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы?..

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?

Иль, Божьей рати лучший воин,
Он был с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и Божеством?..

Заботой тайною хранима,
Перед иконой золотой,
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!

Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой...
Всё полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.

1837

МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

1839

АЛЕКСЕЙ К. ТОЛСТОЙ

ХРИСТОС

Любовью к ближним пламенея,
Народ смиренью Он учил.
Он все законы Моисея
Любви закону подчинил.
Не терпит гнева Он, ни мщенья,
Он проповедует прощенье,
Велит за зло платить добром,
Есть неземная сила в Нем:
Слепым Он возвращает зренье,
Дарит и крепость и движенье
Тому, кто был и слаб, и хром.
Ему признания не надо:
Сердец мышленье отперто,
Его пытающего взгляда
Еще не выдержал никто.
Целя недуг, врачуя муку,
Везде Спасителем Он был,
И всем простер благуя руку,
И никого не осудил.

БЛАГОВЕСТ

Среди дубравы
Блестит крестами

Храм пятиглавый
С колоколами.
Их звон призывный
Через могилы
Гудит так дивно
И так уныло!
К себе он тянет
Неодолимо,
Зовет и манит
Он в край родимый,
В край благодатный,
Забывтый мною, —
И, непонятной
Томим тоскою,
Молюсь и каюсь я,
И плачу снова,
И отрекаюсь я
От дела злого;
Далеко странствуя
Мечтой чудесною,
Через пространства я
Лечу небесные,
И сердце радостно
Дрожит и тает,
Пока звон благостный
Не замирает...

1840-е

Господь, меня готовя к бою,
Любовь и гнев вложил мне в грудь,
И мне десницею святою
Он указал правдивый путь,
Одушевил могучим словом,
Вдохнул мне в сердце много сил,
Но непреклонным и суровым
Меня Господь не сотворил.
И гнев я свой истратил даром,
Любовь не выдержал свою,
Удар напрасно за ударом
Я, отбивая, устаю.
Навстречу их враждебной выюги
Я вышел в поле без кольчуги
И гибну, раненный в бою.

1857

Я вас узнал, святые убежденья,
Вы спутники моих минувших дней,
Когда, за беглой не гоняясь тенью,
И думал я, и чувствовал верней,
И юною душою ясно видел
Всё, что любил, и всё, что ненавидел!

Средь мира лжи, средь мира мне чужого,
Не навсегда моя остыла кровь;

Пришла пора — и вы воскресли снова,
Мой прежний гнев и прежняя любовь!
Рассеялся туман, и, слава Богу,
Я выхожу на старую дорогу.

По-прежнему сияет правды сила,
Ее сомненья боле не затмят;
Неровный круг планета совершила
И к солнцу снова катится назад.
Зима прошла, природа зеленеет,
Луга цветут, весной душистой веет!

1858

Горними тихо летела душа небесами,
Грустные долу она опускала ресницы;
Слезы, в пространство от них упадая звездами,
Светлой и длинной вилися за ней вереницей.

Встречные тихо ее вопрошали светила:
«Что ты грустна? И о чем эти слезы во взоре?»
Им отвечала она: «Я земли не забыла,
Много оставила там я страданья и горя.

Здесь я лишь ликам блаженства и радости внемлю,
Праведных души не знают ни скорби, ни злобы —
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было б о ком пожалеть и утешить кого бы!»

1858

Меня, во мраке и в пыли
Земли влачившего оковы,
Порывы духа вознесли
В отчизну пламени и Слова.
И просветлел мой темный взор,
И стал мне видим мир незримый,
И слышит ухо с этих пор,
Что для других неуловимо.
И с горней выси я сошел,
Проникнут весь ее лучами,
И на волнующийся дол
Взираю новыми очами.
И слышу я, как разговор
Немолчный всюду раздается,
Как сердце каменное гор
С любовью в темных недрах бьется.
С любовью в тверди голубой
Клубятся медленные тучи,
И под древесною корой,
Весною свежей и пахучей,
С любовью в листья сок живой
Струей подымается певучей.
И вещим духом понял я,
Что все рожденное от Слова,
Лучи любви кругом лия,
К Нему вернуться жаждет снова;
И в жизни каждая струя,
Любви покорная закону,

Стремится силой бытия
Неудержимо к Божью лону;
И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно Начало,
И ничего на свете нет,
Что бы любовью не дышало...

1852 (?)

**ИВАН
ТУРГЕНЕВ**

Грустно мне, но не приходят слезы,
Молча я поникнул головой;
Смутные в душе проходят грезы,
Силы нет владеть больной душой.
Смотрит месяц в окна, как виденье,
Долгие бегут от окон тени;
Грустно мне — в тоске немного мленья
Пал я на дрожащие колени.
Бог мой, Бог! Коснись перстом творящим
До груди разрозненной моей,
Каплю влаги дай глазам палящим,
Удели мне тишины Твоей.
И Тобой, Творец, благословленный,
Бледное чело я подыму —
Всей душой, душой освобожденной,
Набожно и радостно вздохну.
Первый звук из уст моих дрожащих,
Первый зов души моей молящей
Будет песнь, какая б ни была, —
Песнь души, веселый гимн творенья,
Полный звук — как песни соловья.

1838

Христос Воскрес! А если бы не так,
Все светлое давно б окутал мрак,
И солнца Правды не узнали б мы,
И не было бы выхода из тьмы.

И если б Он из гроба не восстал,
Нам чужд бы был высокий идеал.
И даже мыслью мы бы не могли
Подняться над растлением земли.

Христос живет! А если б Он не жил,
То мир давно б уже похоронил
Живое все, что есть в душе у нас, —
Пытался сделать это он не раз.

Весть о Христе прошла чрез грань веков,
Через границы всех материков.
Ни варварство, как видим, ни прогресс
Не заглушили весть —
Христос Воскрес!

ХРИСТОС

Я видел себя юношей, почти мальчиком, в низкой деревенской церкви. Красными пятнышками теплились перед старинными образами восковые тонкие свечи.

Радужный венчик окружал каждое маленькое пламя. Темно и тускло было в церкви... Но народу стояло передо мною много.

Все русые крестьянские головы. От времени до времени они начинали колыхаться, падать, подниматься снова, словно зрелые колосья, когда по ним медленной волной пробегает летний ветер.

Вдруг какой-то человек подошел сзади и стал со мною рядом.

Я не обернулся к нему — но тотчас почувствовал, что этот человек — Христос.

Умиление, любопытство, страх разом овладели мною. Я сделал над собою усилие... и посмотрел на своего соседа.

Лицо, как у всех, — лицо, похожее на все человеческие лица. Глаза глядят немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя губа как бы покоится на нижней. Небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на Нем как на всех.

«Какой же это Христос! — подумалось мне. — Такой простой, простой человек! Быть не может!»

Я отвернулся прочь. Но не успел я отвести взор от Того простого человека, как мне опять почувдилось, что это именно Христос стоял со мною рядом.

Я опять сделал над собою усилие... И опять увидел то же лицо, похожее на все человеческие лица, те же обычные, хотя и незнакомые черты.

И мне вдруг стало жутко — и я пришел в себя. Только тогда я понял, что именно такое лицо — лицо, похожее на все человеческие лица, — оно и есть лицо Христа.

Декабрь, 1878

ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ

МОЛИТВА

Отче наш! Сына моленью внимли!
Все проникающую,
Все созидющую
Братскую дай нам любовь на земли!
Сыне! Распятый во имя любви!
Ожесточаемое,
Оскудеваемое
Сердце Ты в нас освежи, обнови!
Дух Святый! Правды Источник живой!
Силы дай страждущему:
Разуму жаждущему
Ты вожделенные тайны открой!
Боже! Спаси Ты от всяких цепей
Душу проснувшуюся
И ужаснувшуюся
Мрака, и зла, и неправды людей!
Вставших на глас Твой услыши мольбу!
И цепенеющую,
В лени коснеющую
Жизнь разбуди на святую борьбу!

НА МОГИЛЕ

Сто лет пройдет, сто лет; забытая могила
Вчера зарытая, травой порастет,
И плут пройдет по ней, и прах, давно остывший,
Могущественный дуб корнями обовьет —

Он гордо зашумит вершиною густою;
Под тень его любовники придут
И сядут отдыхать вечернею порою,
Посмотрят вдаль, поникнув головою,
И темных листьев шум, задулавшись, поймут.

1842

О, ПОДНИМИ СВОЕ ЧЕЛО!

О, подними свое чело!
Не верь тяжелым сновиденьям;
Не предавайся сожаленьям
О том, что было и прошло,
О том, что спит в сырых могилах,
Чего мы воротить не в силах.
Зачем так рано погребать
Невозможные надежды
И, с простодушием невежды,
Во всеуслышанье роптать?
Чтоб жизнь была тебе понятна —
Иди вперед и невозвратно.
Не бойся душу предавать
Потоку чувств и мыслей новых,

Своим стремлением готовых
Тебя невольно увлекать
Туда, где впереди так много
Сокровищ спрятано у Бога!
Для созерцающих очей
И для внимающего слуха
Доступен тайный образ Духа
И внятен смысл Его речей —
Глагол, в пустыне вопиющий,
Неумолкаемо зовущий.

МИХАИЛ РОЗЕНГЕЙМ

6-го АПРЕЛЯ 885–1885 г.

Сегодня, братья, день великой годовщины,
Тысячелетия апостолов славян,
День преподобного Мефодия кончины,
День приснопамятный для всех славянских стран.
Когда средь западных славян, во время оно,
Христовым именем прикрыв насилья гнет,
Тяжелая рука враждебного Тевтона
Духовно придушить пыталась там народ, —
Тогда в страну славян, по изволению Божью,
Явились они, апостолы Креста,
И им поведали, еще латинской ложью
Не искаженное, учение Христа,
И не чужой язык, а наш глагол славянский
Служил апостолам для проповеди той,
И чтобы тот хранился между нами
И в той же чистоте прошел сквозь тьму времен,
Он был славянскими начертан письменами,
На связь духовную для наших всех племен.
Но не сумел народ сберечь свое единство:
В среду славянскую, как тать ночной порой,
Ворвался гордый Рим. Лукавое латинство
Внесло в нее разлад с духовною враждой, —
И разделилось славянство на два стана,
И навек Рим сковал отпавших племена!..

И с верой их отцов, не устыдясь обмана,
Он подменил язык и выкрал имена,
И огласились славянские амвоны
Там Словом Божиим на языке чужом,
И в храмах раздались латинские каноны,
И вторить пенью стал органов зычный гром.
И вот в день памяти Мефодья и Кирилла
Им нечем помянуть учителей своих;
Как сгинула между них Мефодия могила,
Так и заветы все апостолов святых.

Явление скорбное! На праздник примиренья,
На светлый праздник наш легла разлада тень...
Печалит нас она, но камень осужденья
Мы в братьев западных не бросим в этот день.
У них история, у нас была — другая;
Там церковь бранная, воинствующий клир, —
Для власти ни пред чем они, не отступая,
Стремятся покорить под эту власть весь мир;

У нас же Церковь — мать, твердыня Православья,
Христовой правдою и кротостью сильна,
Не знает похотей земного суеславья
И властолюбия не ведает она.
У нас святители, душою безгранично
С народом слитые, печальники о нем,
Смиренные в своем величии владычном, —
Великие в святом смирении своем, —
Они и самый сан свой в подвиг обращали
Служенья страдного земле своей родной, —

В години грозные, в дни скорби и печали
Ей путеводною являлися звездой.
Мы, чада Церкви той, мы, Сербы и Болгары,
Как любящую мать, ее мы берегли,
Ни сила мусульман, ни папства злые чары
Нас с нею разлучить доныне не смогли.
И Церковь та средь нас спасла и сохранила,
Во все невзгодные былые времена,
Наследие святых Мефодья и Кирилла:
Их веру правую, язык и письмена.
Та Церковь наш народ могучий воспитала,
Который все за Русь и вынес, и стерпел,
Та Церковь в нем жила, та Церковь с ним страдала.
И с нею только он в семье славян сумел
Держать славянский стяг и честно, и высоко,
Повсюду и всегда, под шумом бурь и гроз,
И имя и язык славянские далеко
По свету Божьему победами разнес —
От моря льдистого до грани Гималая,
И от Карпатских гор до тех далеких стран,
Где берег, бурными волнами омывая,
Широко охватил Восточный океан.
И вот, сегодня, в день великой годовщины,
Тысячелетия апостолов славян,
В день преподобного Мефодия кончины,
В день приснопамятный для всех славянских стран, —
Вся эта даль и ширь громадного пространства,
Где только русский есть, где речь его слышна,
Повсюду чествуют апостолов славянства
И славословят их святые имена.

Зачем же в этот день не все славянство в сборе?
Здесь Серб, Болгарин, Чех... Зачем же нет других,
Чтоб в мире и любви, в едином братском хоре,
Достойно помянуть учителей своих?..
Мы нетерпимости не знаем исповедной, —
И в этот светлый день, на наш духовный пир
Зовем мы всех славян с любовью беззаветной.
Да будет он, наш пир, на весь славянский мир!..

НЕ ОСУЖДАЙ

Не осуждай... Чтоб ближних быть судьбою,
Спроси у совести, ты сам-то лучше ль их?
О брат, кто точно чист душою,
Тот благ к погрешностям других!

Не осуждай... Ведь слову нет возврата!
Смотри, что — как сказал Спаситель —
неравно

Увидишь спицу в глазе брата,
А проглядишь в своем бревно.

Не осуждай — затем, чтоб обличеньем
Не пал бы на тебя тот камень с высоты,
Тяжелый камень осужденья,
Которым в брата бросишь ты.

Не осуждай!.. Не люди злы душою,
А жизнь людей бывает часто зла;

Сперва узнай, какою их стезею
Она к погибели вела.

Не осуждай! Дерзнешь ли поручиться,
Что ты пристрастием не будешь увлечен?
Не осуждай! Ты можешь ошибиться.
Не осуждай! Не будешь осужден!

НЕ УНЫВАЙ

Когда придет пора невзгоды и страдания
И над твоей главой обрушится гроза, —
Не унывай, мой друг. В минуту испытанья
Пусть пред Господом падет твоя слеза.

Не горьким ропотом, а теплою мольбою;
Строптивой жалобы порывы воздержи,
Но, сердцем веруя, что бдит Он над Тобою,
С надеждой на Него печали возложи.

И, в трудный час борьбы твоей житейской,
Он вовремя придет тебя спасти,
И будет Сам тебе Он Симон Киринейский
И тяжкий жизни крест поможет донести.

ВЕЧЕРНЕЙ СВЕЖЕСТЬЮ ПАХНУЛО

Вечерней свежестью пахнуло, знойный день
Зарей багряною на небе догорает,

Прозрачным сумраком нисходит ночи тень
И словно дымкою мир Божий покрывает.

Несносный шум дневной умолкнул. Тишина
В природе и в душе. Как будто все заснуло,
Чем жизнь тревожная обеих так полна,
Как будто все в волнах забвенья потонуло,

Что сердце мучило, что раздражало ум, —
Печали прошлого, грядущего заботы,
Желаний смутный рой и гнет тяжелых дум,
Все с жизнью и с людьми вопросы и расчеты.

Душа становится светла, как Божий храм,
Храм примирения на месте прежней битвы;
Сменил дым пороха — кадильный фимиам,
И клики бранные — напев святой молитвы.

**АФАНАСИЙ
ФЕТ**

Не тем, Господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознанием,
Что в звездный день Твой светлый Серафим
Громадный шар зажег над мирозданием

И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти Твои законы,
Все пробуждать живительным лучом,
Храня свой пыл столетий миллионы.

Нет, Ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный Серафим,
Огонь, сильнее и ярче всей вселенной.

Меж тем как я — добыча суеты,
Игралище ее непостоянства, —
Во мне он вечен, вездесущ, как Ты,
Ни времени не знает, ни пространства.

1879

Чем доле я живу, чем больше пережил,
Чем повелительней стесняю сердца пыл, —
Тем для меня ясней, что не было от века
Слов, озаряющих светлее человека:
Всеобщий наш Отец, Который в небесах.
Да свято имя мы Твое блюдем в сердцах,
Да придет Царствие Твое, да будет воля
Твоя, как в небесах, так и в земной юдоли.
Пошли и ныне хлеб насущный от трудов,
Прости нам долг, — и мы прощаем должников,
И не введи Ты нас, бессильных, в искушенье,
И от лукавого избави самомненья.

1874–1886

Ночь тиха... По тверди зыбкой
Звезды южные дрожат.
Очи Матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.

Ни ушей, ни взоров лишних.
Вот пропели петухи,
И за Ангелами в вышних
Славят Бога пастухи.

Ясли тихо светят взору,
Озарен Марии Лик...

Звездный хор к иному хору
Слухом трепетным приник.

И над Ним горит высоко
Та звезда далеких стран:
С ней несут цари востока
Злато, смирну и ливан.

1842–1843

Когда Божественный бежал людских речей
И празднословной их гордыни
И голод забывал и жажду многих дней,
Внимая голосу пустыни,

Его, взалкавшего, на темя серых скал
Князь мира вынес величавый.
«Вот здесь, у ног Твоих, все царства, — он сказал, —
С их обаянием и славой.

Признай лишь явное, пади к моим ногам,
Сдержи на миг порыв духовный —
И эту всю красу, всю власть Тебе отдам
И покорюсь в борьбе неровной».

Но Он отвечивал: «Писанию внимли,
Пред Богом Господом лишь преклоняй колени!»
И сатана исчез, и Ангелы пришли
В пустыне ждать Его велений.

1876

1 МАРТА 1881 ГОДА

День искупительного чуда,
Час освящения Креста:
Голгофе передал Иуда
Окровавленного Христа.

Но Сердцеведец безмятежный
Давно, смиряся, постиг,
Что не простит любви безбрежной
Ему коварный ученик.

Перед безмолвной жертвой злобы,
Завидя праведную кровь,
Померкло солнце, вскрылись гробы,
Но разгорелась любовь.

Она сияет правдой новой, —
Благословив ее зарю,
Он Крест и Свой венец терновый
Земному передал царю.

Бессильны козни фарисейства:
Что было кровь, то стало храм,
И место страшного злодейства —
Святыней вековой нам.

1881

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ

АНГЕЛ СМЕРТИ

Придет пора преображенья,
Конец житейского пути,
Предсмертной муки приближенье
Заслышу в ноющей груди,
И снидет Ангел к изголовью,
Крестом трикраты осеня,
С неизъяснимою любовью
И грустью взглянет на меня;
Опустит очи и чуть внятно,
Тоскливо скажет: «Решено!
Под солнцем жизнь не беззакатна,
Чрез час ты — мира не звено.
Молись!» — и буду я молиться,
И горько плакать буду я,
И сам со мною прослезится
Он, состраданья не тая.
Меня учить он будет звукам
Доступных Господу молитв,
И сердце, преданное мукам,
В груди их глухо повторит.
Назначит смертную минуту
Он, грустно голову склоня,
И робко спрашивать я буду:
«Господь простит ли там меня?»

Вдруг хлад по жилам заструится,
Он скажет шепотом: сейчас!
Святое таинство свершится,
Воскликнут ближние: уга!
Вдруг... он с мольбой закроет очи,
Слезой зажжет пустую грудь
И в вечный свет иль к вечной ночи
Душе укажет тайный путь...

1839

ТИШИНА

(Отрывок)

Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слыхали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой

Святое бремя приносил —
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...

Я внял... Я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом.
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, Бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

1856–1857

РЫЦАРЬ НА ЧАС

(Отрывок)

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой.
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,

И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! Я вижу тебя, Божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околотке больной,
Он при них встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит — бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит Бога о ведреном дне.

1862

ПРОРОК

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»

Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал Бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

1874

ЧАС МОЛИТВЫ

Когда взойдет денница золотая
На небосвод
И, красотой торжественно сияя,
Мрак разнесет,
Когда звонят, к молитве созывая,
И в храм идут,
И в нем стоят, моление совершая,
И гимн поют, —

Тогда и я, с душою умиленной,
Меж всех стою
И Богу гимн, коленопреклоненный,
Тогда пою.
Когда царь дня, в волнах купаясь чистых,
Течет к концу
И запоет хор птичек голосистых
Хвалу Творцу, —
И я пою, и я Ему молюся,
И в час мольбы
Спокоен я душой и не боюсь
Угроз судьбы.
Мольба всегда усладу мне приносит,
Мой дух свежа,
Но никогда молитвы так не просит
Моя душа,
Как в грозный час кипучей непогоды;
Слова мои
Тогда солью я с голосом природы
И, чужд земли,
Пошлю к Творцу усердную молитву,
И — внемля ей,
Он усмирит враждующую битву
Моих страстей...

1839

АПОЛЛОН МАЙКОВ

АНГЕЛ И ДЕМОН

Подъемлют спор за человека
Два духа мощные: один —
Эдемской двери властелин
И вечный страж ее от века;
Другой — во всем величьи зла,
Владыка сумрачного мира:
Над огненной его порфирой
Горят два огненных крыла.

Но торжество кому ж уступит
В пыли рожденный человек?
Венец ли вечных пальм он купит
Иль чашу временную нег?
Господень Ангел тих и ясен:
Его живет смиренья луч;
Но гордый демон так прекрасен,
Так лучезарен и могуч!

1841

В ХРАМЕ

Дорог мне, перед иконой
В светлой ризе золотой,

Этот яркий воск, возженный
Чьей неведомо рукой.
Знаю я: свеча пылает,
Клир торжественно поет —
Чье-то горе утихает,
Кто-то слезы тихо льет;
Светлый Ангел упования
Пролетает над толпой...
Этих свеч знаменованье
Чую трепетной душой:
Это — медный грош вдовицы,
Это — лепта бедняка,
Это... может быть... убийцы
Покаянная тоска...
Это — светлое мгновенье
В диком мраке и глуши,
Память слез и умиленья
В вечность глянувшей души...

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Повсюду благовест гудит,
Из всех церквей народ валит.
Заря глядит уже с небес...
Христос Воскрес! Христос Воскрес!

С полей уж снят покров снегов,
И реки рвутся из оков,
И зеленеет ближний лес...
Христос Воскрес! Христос Воскрес!

Вот просыпается земля,
И одеваются поля,
Весна идет, полна чудес!
Христос Воскрес! Христос Воскрес!

АНГЕЛ

У ног Спасителя вселенной
Его Святая Мать стоит,
И Ангел, светом озаренный,
На Искупителя глядит.

Всех Херувимов он прекрасней
И всех Архангелов светлей;
Венец его блестит всех ярче
Сияньем солнечных лучей.

Но он безмолвен... Песнь святую
В небесном хоре он поет,
И Богу трепетной рукою
Златую чашу подает.

В той чаше слезы покаянья
Всех согрешивших на земле,
Но сохранивших упование
В измученной душе своей.

«Прощенье» — имя Серафима,
Он слезы грешников хранит
И с чашей той у ног Христовых
Безмолвно день и ночь стоит.

Дух века — ваш кумир; а век ваш — краткий миг.
Кумиры валятся в забвенье, в бесконечность...
Безумные! Ужель ваш разум не постиг,
Что выше всех веков — есть Вечность!..

1877

ПУСТЫННИК

И Ангел мне сказал: «Иди, оставь их грады;
В пустыню скройся ты, чтоб там огонь лампы,
Тебе поверенной, до срока уберечь;
Дабы, как нищету сует они познают,
Возжаждут истины и света пожелают,
Им было б чем светильники возжечь».

1883

**АЛЕКСЕЙ
ЖЕМЧУЖНИКОВ**

**ВОСТОРГОМ
СВЯТЫМ ПЛАМЕНЕЯ...**

Восторгом святым пламенея,
На все, что свершается в мире,
Порой я взираю яснее
И мыслю свободней и шире;

Я брат на земле всем живущим
И в жизнь отошедшим иную,
И, полон мгновеньем бегущим,
Присутствие вечности чую;

И слышны мне Ангелов хоры,
И стону людскому я внемлю,
И к небу возносятся взоры,
И падают слезы на землю...

1857

НА КЛАДБИЩЕ

Сквозь деревья освещаются гробницы,
По плитам скользит узорчатая тень,
В знойном воздухе поют и реют птицы,
Над усопшими ликует красный день.

Разрослись деревья, преизбытком силы
Дышит в каждой жилке влажного листа,
И кругом, куда ни взглянешь на могилы,
И цветы нарядны, и трава густа.

И сидел я долго на плите гробницы...
От ветвей узором колебалась тень,
Воздух знойный пеньем оглашали птицы,
Над могилами сиял веселый день.

И, мгновенной жизнью пользуясь беспечно,
Проходили люди шумною толпой;
А во храме пели радость жизни вечной,
Грустно пели: «Со святыми упокой».

У ВСЕНОЩНОЙ НА СТРАСТНОЙ НЕДЕЛЕ

На улице шумной — вечерняя служба во храме.
Вхожу в этот тихий, манящий к раздумью приют,
Лампады и свечи мерцают в седом фимиаме,
И певчие в сумраке грустным напевом поют:

«Чертог Твой я вижу в лучах красоты и сиянья,
Одежды же нет у меня, чтобы в оный войти...
Убогое, темное грешной души одеянье,
О Ты, Светодатель, молюсь я Тебе: просвети!»

НИКОЛАЙ ЩЕРБИНА

ИСТИНА МОЛИТВЫ

Когда, обольщенный земными соблазнами,
Волнением крови, желаньями праздными,
К Тебе возношусь я в мольбе, —
Не внемли ей... Слава Тебе!
Когда на тернистом пути испытания
Я крест свой тяжелый несу без роптания
И чужд я корыстной мольбе, —
Услышь меня... Слава Тебе!

1847

ЧЕЛОВЕКУ

Как высоко твое, о человек, призванье —
От Лика Божия на землю павший свет!
Есть всё в твоей душе, чем полно мирозданье,
В ней всё нашло себе созвучье и ответ.
В гармонию миров прозрел ты мысли оком
И все согрел своим ты внутренним огнем,
Исполненный, как мир, ничтожным и высоким,
Ты гордо примирил их в существе своем.
И собираешь ты разбросанные знания,
И мудро связь даешь законам естества,
И все твои могучие созданья
Просветлены участием Божества...

Но отчего, скажи, семье твоих собратий
Чужда гармония, объемлющая мир?
Средь разногласия желаний и проклятий
Свой жизненный вы празднуете пир...
И прочных нет у вас законов и свободы,
И вы враждуете, смиряя океан,
И, целость находя в безбрежии природы,
Свой разбиваете общественный орган.
За мысль незрелую или за призрак счастья
Вы расточительно пролить готовы кровь,
Твердя, что ко всему исполнены сострастья
И что произвела всё сущее Любовь...

Смотри, как на небе течет порядок вечный,
Неизменяемо идет за веком век,
Единство царствует в природе бесконечной, —
В одной твоей семье смятенье, человек!

1847

ЛЕВ МЕЙ

СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

И сотворил Бог человека:
По Божью образу его Он сотворил.
И сотворил их — мужа и жену.
Благословил их Бог, глаголя:
«Растите, множитесь и наполняйте землю;
Господствуйте над всей землею
И обладайте рыбами морскими
И птицами небесными, зверями,
Скотами, всей землей и гадами земли».
И рек Господь: «Даю вам всякую траву,
Поверх земли растущую, и семя,
И древо всякое с плодами семенными —
И будут вам они во снедь.
И всем зверям земным, и птицам всем небесным,
И гадам всем, ползущим по земле,
И всем, имеющим в себе дух жизни,
Во снедь трава». И было так.
И видел Бог все созданное Им —
И было все великое добро.
И вечер был и утро, день шестый.
Созидились и небо, и земля,
И все их украшение создалось.
И, в день шестый дела Свои свершивши,
В седьмый день Бог от дел Своих почил.

**НЕ ВЕРЮ, ГОСПОДИ,
ЧТОБ ТЫ МЕНЯ ЗАБЫЛ...**

Не верю, Господи, чтоб Ты меня забыл,
Не верю, Господи, чтоб Ты меня отринул:
Я Твой талант в душе лукаво не зарыл,
И хищный тать его из недр моих не вынул.

Нет! В лоне у Тебя, Художника-Творца,
Почиет Красота и ныне и от века,
И Ты простишь грехи раба и человека
За песни Красоте свободного певца.

1857

НАД ГРОБОМ

Не может быть, чтоб этот труп
Был всё... Не может быть: иначе
Юдольный рок наш был бы груб
И жизнь не стоила задачи...

Пусть все не вечно на земле;
Но это все, что духом жило, —
К нему у трупа на челе
Печать бессмертья приложило.

Усопший! Я твой бранный лоб
Лобзаю с верой, что когда-то,
Как брат, ты сам мне вскроешь гроб
И воскресишь лобзаньем брата!

1859

ОТРОКОВИЦА

...И собрались к Нему все власти града вскоре,
И говорил Он им и всем ученикам
С святою кротостью, но с пламенем во взоре:
«Аминь, аминь, глаголю вам:
Кто верует — с зерно горчичное, тот сам
Речет горе: «восстань и кинься прямо в море!»
И будет так!..»

Еще Он говорил...

К начальнику поместной синагоги
Приходит некто со словами: «Ты
Не утруждай Учителя! Тревоги
Не возбуждай в беседе... Но... ведь — вот
Дочь у тебя скончалась... У ворот
Стопился уж испуганный народ...
Ступай скорей домой!»

Но Иисус: «Постойте:

Во имя Божие, в ваш дом Мне дверь откройте...
Не бойся, Иаир!.. Верь: дочь твоя жива!..»
Вошли; глядят...

В фиалках голова;

Весь стройный стан под пеленою белой...
Бесценный плод любви, хотя и не поспелый:
Не опускалася еще до пят коса;
Не переглядывались с ней ни полночь, ни денница,
Ни молния, ни вешняя зарница,
И в очи страстно ей не брызгала роса...
«Спит!» — Он вещал... Кругом все улыбнулись,
Шепча: «Не слыхано, чтоб мертвые проснулись!»

Но над покойною простер тогда Он длань.
Взял за руку и рек:

«Отроковица, встань!..»

И встала...

С ужасом народ весь разбежался,
Крича: «Не слыхано, чтоб мертвый просыпался!..»
Тысячелетняя моя отроковица!
На севере своем ты также обмерла,
Да Божьей волею, тебя уж подняла
Благословенно-мощная десница...

1861

**ИВАН
АКСАКОВ**

[ВСЕНОЩНАЯ В ДЕРЕВНЕ]

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!
Звонят ко всенощной,
К молитве благостной.

И звон смиряющий
Всем в душу просится,
Окрест сзывающий,
В полях разносится!

В Холмах, селе большом,
Есть церковь новая;
Воздвигла Божий Дом
Сума торговая;

И службы Божии
Богато справлены,
Икон подножия
Свечьми уставлены.

И стар и млад войдет —
Сперва помолится,
Поклон земной кладет,
Крутом поклонится;

И стройно клирное
Несется пение,
И дьякон мирное
Твердит глашение:

О благодарственном
Труде молящихся,
О граде царственном,
О всех трудящихся,

О тех, кому в удел
Страданье задано...
А в церкви дым висел,
Густой от ладана,

И заходящими
Лучами сильными,
И вкось блестящими
Столбами пыльными —

От солнца — Божий Храм
Горит и светится...

.....

Звонят ко всенощной,
К молитве благостной...

ИВАН НИКИТИН

Присутствие непостижимой силы
Таинственно скрывается во всем:
Есть мысль и жизнь в безмолвии ночном,
И в блеске дня, и в тишине могилы,
В движении бесчисленных миров,
В торжественном покое океана,
И в сумраке задумчивых лесов,
И в ужасе степного урагана,
В дыхании прохладном ветерка,
И в шелесте листов перед зарею,
И в красоте пустынного цветка,
И в ручейке, текущем под горою.

1849

ПРОТИВ СОМНЕНИЯ

Я чужд бесплодного сомненья.
Я верю истине святой,
Святым глаголам откровенья
О нашей жизни неземной.

И сладко мне в часы страданья
Припоминать порой в тиши
Загробное существованье
Неумирающей души.

МОЛИТВА ДИТЯТИ

Молись, дитя: сомненья камень
Твоей груди не тяготит,
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовью горит.

Молись, дитя: тебе внимает
Творец бесчисленных миров,
И капли слез твоих считает,
И отвечать тебе готов.

Быть может, Ангел, твой хранитель,
Все эти слезы соберет
И их в надзвездную обитель
К престолу Бога отнесет.

Молись, дитя, мужай с годами!
И дай Бог в пору поздних лет
Таковыми ж светлыми очами
Тебе глядеть на Божий свет!

Но если жизнь тебя измучит
И ум и сердце возмутит,
Но если жизнь роптать научит,
Любовь и веру погасит —

Приникни с жаркими слезами,
Креста подножье обойми:

Ты примиришься с небесами,
С самым собою и с людьми.

И вновь тогда из райской сени
Хранитель — Ангел твой — сойдет
И за тебя, склонив колени,
Молитву к Богу вознесет.

1853

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Измученный жизнью суровой,
Не раз я себе находил
В глаголах Предвечного Слова
Источник покоя и сил.
Как дышат святые их звуки
Божественным чувством любви,
И сердца тревожного муки
Как скоро смиряют они!..
Здесь все в чудно сжатой картине
Представлено Духом Святым:
И мир, существующий ныне,
И Бог, управляющий им,
И сущего в мире значение,
Причина, и цель, и конец,
И Вечного Сына рожденье,
И Крест, и терновый венец.
Как сладко читать эти строки,
Читая, молиться в тиши,

И плакать, и черпать уроки
Из них для ума и души!

1853

СЛАДОСТЬ МОЛИТВЫ

Бывают минуты, — тоскою убитый,
На ложе до утра без сна я сижу,
И нет на устах моих теплой молитвы,
И с грустью на образ святой я гляжу.

Вокруг меня в комнате тихо, безмолвно...
Лампада в углу одиноко горит,
И кажется мне, что святая икона
Мне в очи с укором и строго глядит.

И дума за думой на ум мне приходит,
И жар непонятный по жилам течет,
И сердце отрады ни в чем не находит,
И волос от тайного страха встает.

И вспомню тогда я тревогу желаний
И жгучие слезы тяжелых утрат,
Неверность надежды и горечь страданий,
И скрытый под маской глубокий разврат;

Всю бедность и суетность нашего века,
Все мелочи жалких, ничтожных забот,
Все зло в этом мире, всю скорбь человека,
И грозную вечность, и с жизнью расчет;

И вспомню я Крест на Голгофе позорной,
Облитого кровью Страдальца на нем,
При шуме и кликах насмешки народной,
Поникшего тихо покорным челом...

И страшно мне станет от этих видений,
И с ложа невольно тогда я сойду,
Склоню пред иконой святою колени
И с жаркой молитвою ниц упаду.

И мнится мне, слышу я шепот невнятный,
И кто-то со мной в полумраке стоит:
Быть может, незримо, в тот миг благодатный
Мой Ангел Хранитель молитву творит.

И в душу прольется мне светлая радость,
И смело на образ тогда я взгляну,
И, чувствуя в сердце какую-то сладость,
На ложе я лягу и крепко засну.

**ЮЛИЯ
ЖАДОВСКАЯ**

**МИРА ЗАСТУПНИЦА,
МАТЕРЬ ВСЕПЕТАЯ**

Мира Заступница, Матерь Всепетая!
Я пред Тобою с мольбой:
Бедную грешницу, мраком одетую,
Ты благодатью прикрой!
Если постигнут меня испытания,
Скорби, утраты, враги, —
В трудный час жизни, в минуту страдания
Ты мне, молю, помоги!
Радость духовную, жажду спасения
В сердце мое положи;
В Царство Небесное, в мир утешения
Путь мне прямой укажи!

ПОСЕВ

Сеятель вышел с кошицею в поле,
Семя бросает направо, налево —
Тучная пашня его принимает;
Падают зерна куда ни попало:
Много их пало на добрую землю,
Много в глубокие борозды пало,
Многие ветер отнес на дорогу,
Много под глыбы заброшено было.

Сеятель, труд свой окончив, оставил
Поле, и ждал изобильной он жатвы.
Зерна почуяли жизнь и стремленье;
Быстро явились зеленые всходы,
К солнцу тянулись гибкие стебли
И достигали назначенной цели —
Плод принести и обильный, и зрелый.
Те же, что в борозды, иль на дорогу,
Или под глыбы заброшены были,
Тщетно стремятся к назначенной цели,
Сгибли, завяли в борьбе безысходной...
Солнце и влага им были не в пользу!
Жатва меж тем налилась и созрела;
Жатели вышли веселой толпою,
Сноп за снопом набирают ретиво;
Радостно смотрит хозяин на ниву,
Видит созревшие в меру колосья
И золотистые, полные зерна;
Тех же, что пали в бесплодную землю,
Тех, что увяли в тяжелой истоме,
Он и не ведает, он и не помнит!..

АЛЕКСЕЙ ПЛЕЩЕЕВ

МОЛИТВА

О Боже мой, восстанови
Мой падший дух, мой дух унылый:
Я жажду веры и любви,
Для новых битв я жажду силы.

Запутан мраком ночи я,
И в нем я ощупью блуждаю;
Ищу в светильник свой огня,
Но где обрести его, не знаю.

В изнеможенья скорбный час
Простри спасительные руки,
Да упадет завеса с глаз,
Да прочь идут сомненья муки.

Внезапным светом озарен,
От лжи мой ум да отрешится
И вместе с сердцем да стремится
Постигнуть истины закон.

Услышь, о Боже, голос мой!
Да возлюбив всем сердцем брата,
Во тьме затерянной тропой
Пойду я вновь — и без возврата!

1857

[УЧИТЕЛЬ]

Он шел безропотно тернистою дорогой,
Он встретил радостно и гибель, и позор;
Уста, вещавшие ученье правды строгой,
Не изрекли толпе глумящейся укор.

Он шел безропотно и, на Кресте распятый,
Народам завещал и братство, и любовь;
За этот грешный мир, порока тьмой объятый,
За ближнего лилась Его святая Кровь.

О, дети слабые скептического века!
Иль вам не говорит могучий Образ Тот
О назначении великом человека
И волю спящую на подвиг не зовет?

О, нет! Не верю я. Не вовсе заглушили
В нас голос истины корысть и суета;
Еще настанет день... Вдохнет и жизнь, и силу
В наш обветшалый мир учение Христа!

1858

МОЛЬБА

И к небу взор поднявши свой,
Они — исполнены печали —
Из глубины души больной,
Души измученной зывали:

«У нас на подвиг нету сил!
Исходит сердце наше кровью,
Неравный бой нас истомил,
Взгляни, взгляни на нас с любовью!

С глаголом мира на устах
Мы шли навстречу наших братьей;
Откуда ж их внезапный страх,
Откуда этот вопль проклятий?
Услышав нашу речь, они
Мечи хватали и каменья
И судьям в диком озлобленьи
Кричали бешено: «Распни!»

Ужель вражду и злобу мы
В сердцах людей воспламенили
Лишь тем, что больше зла и тьмы
Добро и свет мы возлюбили?
Что призывали богачей,
И сильных мира, и свободных
Не гнать от трапезы своей
Нагих, и сирых, и голодных?

И вот, отвержены людьми,
Изнемогли мы в долгой битве.
О Боже истины! Вонми
Гонимых чад Твоих молитве!

Сердца озлобленных смягчи,
Открой слепым и спящим очи,
И пусть хоть бледные лучи
Блеснут в глубоком мраке ночи!»

1861

АЖЕУЧИТЕЛЯМ

Жрецы греха, пророки тьмы!
Напрасно вы постыдной ложью
Затмить хотите правду Божью,
Сердца опутать и умы!
Бессильны злобы ухищренья,
Бессильно жало клеветы:
Свободы пылкие мечты,
Ко благу честные стремленья
Вам не убить! Года пройдут,
И лжи замрет бесследно голос;
Зерно добра даст пышный колос,
А ваши плевелы сгниют!
Иль ослепленным вашим взорам
Заря иная не ясна?
Вам дела нет, что племена,
Покончив с вековым раздором,
Друг другу руки подают;
Что столько свергнуто кумиров
И что сильнее всех сильных мира
Стал мысли животворный труд!
Вам дела нет! Но час настанет,
Жрецы греха, пророки тьмы,

И человек, как от чумы,
От вас с проклятием отпрянет!
И вы, с позором на челе,
Пойдете, ужасом объаты,
Как древле брат, убивший брата,
Искать приюта на земле!

1862

КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ

ДВЕ МОЛИТВЫ

Молитва ариев древней других. Она,
Тончайшей плотью слов облечена,
Дошла до нас. В ней просит человек,
Чтоб солнце в засуху не выпивало рек,
Чтоб умножались приплодами стада,
Чтоб червь не подточил созревшего плода,
Чтобы огонь не пожирал жилищ,

Чтоб не был человек болезнен, слаб и нищ!
Какая детская в молитве простота!
Когда сравнишь ее с молитвою Христа,
Поймешь: как много зла на жизненном пути
По человечеству должно было взрасти,
Чтобы оно могло понять и оценить —
Божественную мысль, мысль новую... простить!

В чудесный день высь неба голубая
Была светла;
Звучали с церкви, башню потрясая,
Колокола...

И что ни звук, то новые виденья
Бесплотных сил...

Они свершали на землю схождение
Поверх перил.

Они, к земле спустившись, отдыхали
Вблизи, вдали...

И незаметно, тихо погасали
В тених земли...

И я не знал под обаяньем звона:
Что звук, что свет?
Для многих чувств нет меры, нет закона
И прозвищ нет!..

Животворящий блеск весны
Взглянул на землю с вышины;
Из-под разрыхленных снегов
Зеленый тронулся покров.

Сквозь голубые полыньи
Вдохнули волны и струи,
И день намного стал длинней,
И небо дальнее синей...

И первый виден мотылек,
И первый беленький цветок,
И полон первых песен лес,
И солнце... и «Христос воскрес!»

АЛЕКСЕЙ АПУХТИН

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

В саду Гефсиманском стоял Он один,
Предсмертною мукой томимый.
Отцу Всеблагому в тоске нестерпимой
Молился страдающий Сын.
«Когда то возможно,
Пусть, Отче, минует Мя чаша сия,
Однако да сбудется воля Твоя...»
И шел Он к апостолам с думой тревожной,
Но, скованы тяжелой дремой,
Апостолы спали под тенью оливы,
И тихо сказал Он им: «Как не могли вы
Единогo часа побдети со Мною?
Молитесь! Плоть немощна ваша!..»
И шел Он молиться опять:
«Но если не может Меня миновать —
Не пить чтоб ее — эта чаша,
Пусть будет, как хочешь Ты, Отче!» И вновь
Объял Его ужас смертельный,
И пот Его падал на землю, как кровь,
И ждал Он в тоске беспредельной.
И снова к апостолам Он подходил,
Но спали апостолы сном непробудным,
И те же слова Он Отцу говорил,
И пал на лицо, и скорбел, и тужил,
Смущаясь в борении трудном!..

О, если б я мог
В саду Гефсиманском явиться с мольбами,
И видеть следы от Божественных ног,
И жгучими плакать слезами!
О, если б я мог
Упасть на холодный песок
И землю лобзать ту святую,
Где так одиноко страдала Любовь,
Где пот от лица Его падал, как кровь,
Где чашу Он ждал роковую!
О, если б в ту ночь кто-нибудь,
В ту страшную ночь искупленья,
Страдальцу в изнывшую грудь
Влил слово одно утешенья!

Но было все тихо во мраке ночном,
Но спали апостолы тягостным сном,
Забыв, что грозит им невзгода;
И в сад Гефсиманский с дреколем, с мечом,
Влекомы Иудой, входили тайком
Несметные сонмы народа!

1868

ГОЛГОФА

Распятый на Кресте нечистыми руками,
Меж двух разбойников Сын Божий умирал.
Кругом мучители нестройными толпами,
У ног рыдала Мать; девятый час настал:
Он предал дух Отцу. И тьма объяла землю.

И гром гремел, и, гласу гнева внемля,
Евреи в страхе пали ниц...
И дрогнула земля, разверзлась тьма гробниц,
И мертвые, восстав, явились живыми...

А между тем в далеком Риме
Надменный временщик безумно пировал,
Стяжанием неправедным богатый,
И у ворот его палаты
Голодный нищий умирал.

А между тем софист, на догматы ученья
Все доводы ума напрасно истощив,
Под бременем неправд, под игом заблужденья,
Являлся в сонмищах уныл и молчалив.

Народ блуждал во тьме порока,
Несли стенания с земли.
Все ждало истины...

И скоро от Востока
Пришельцы новое ученье принесли.
И, старцы разумом и юные душою,
С молитвой пламенной, с крестом на раменах,
Они пришли — и пали в прах
Слепые мудрецы пред речию святою.

И нищий жизнь благословил,
И в запустении богатого обитель,
И в прахе идолы, а в храмах Бога Сил
Сияет на Кресте Голгофский Искупитель!

17 апреля 1855

ГОД В МОНАСТЫРЕ

(Отрывок)

О, наконец! Из вражеского стана
Я убежал, израненный боец...
Из мира лжи, измены и обмана,
Полуживой, я спасся наконец!
В моей душе ни злобы нет, ни мщенья,
На подвиги и жертвы я готов...
Обитель мира, смерти и забвенья,
Прими меня под твой смиренный кров!
<...>

АПОЛЛОН КОРИНФСКИЙ

Искал я Бога Истины Святой,
Искал — не находил... Мне близко до заката,
А Истины все нет, все нет передо мной,
И до сих пор открыт, как прежде — роковой
«А что есть Истина?!» — вопрос Христу Пилата.

Я Бога-Судию искал в путях земных
По пажитям борьбы, огнем страстей палимым,
Искал — возмездия за хмель безумств своих
И слышу лишь один на вопли дум моих
Ответ: «Не осуждай — не будешь сам судимым!»

Искал я Бога сердца моего
И вот — Его нашел: весь — Кротость, весь — Смиренье,
Весь — Чистая Любовь, весь — Правды Торжество,
Он мне отозвался: «Я — Жизнь, Я — Свет всего,
Я — Всепрощенье!...»

Вражда... Кругом кипит и бьет в набат вражда;
Брат — брату уступить ни в чем, нигде не хочет;
Как будто бы зверей насытые стада
Сорвались с привязи и ринулись туда,

Где право сильного добычу им пророчит!..
Ложь — всюду сеет рознь; свои — своих познать
В безумье не хотят; не гаснет злобы пламень,
А все растет, растет ее слепая рать;
«Пророки» и вожди стремятся подавать
Всем хлеба ищущим — не хлеб, а мертвый камень...
Глухая ненависть повсюду разлита;
Богоискателей — сменяют богоборцы;
Друг другу все — враги... А Тот, Чья мысль свята,
Глядит на мир вражды с Голгофского Креста
И снова говорит:
Блажени миротворцы!..

Два духа борются во мне, —
И наяву, как в смутном сне,
Тревогой тайною объят,
Я слышу их слепой разлад.
Идет борьба, кипит борьба —
Бой разрешит моя судьба
В тот миг, когда ко мне и к ним
Предстанет с словом роковым.

Два духа борются: один —
Чист, словно горных снег вершин,
Темнее темных туч — другой;
На жизнь и смерть — их грозный бой...
Один — дух правды, дух добра,
Моя мечта — ему сестра;

Другой — весь ложь, весь — злобы яд,
Ему мой опыт — младший брат.

Два духа борются... В ответ
Борьбе их — гаснет сердца свет,
И — полн тревогой и тоской —
Молю я: «Боже! Боже мой!
О помощи же, помощи, —
Пусть кончат свой разлад враги!
Дай верить, что — придет пора —
Их примирит мечта-сестра!..»

ХРИСТОСЛАВЫ

Под покровом ночи звездной
Дремлет русское село;
Всю дорогу, все тропинки
Белым снегом замело...
Кое-где огни по окнам,
Словно звездочки, горят;
На огонь бежит сугробом
«Со звездой» толпа ребят...
Под оконцами стучатся,
«Рождество Твое» поют.
— Христославы! Христославы! —
Раздается там и тут...

И в нестройном детском хоре
Так таинственно чиста,

Так отрадна весть святая
О рождении Христа, —
Словно Сам Новорожденный
Входит с ней под каждый кров
Хмурых пасынков отчизны —
Горемычных бедняков...

**ВЛАДИМИР
СОЛОВЬЕВ**

НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО

Пусть все поругано веками преступлений,
Пусть незапятнанным ничто не сбереглось,
Но совести укор сильнее всех сомнений,
И не погаснет то, что раз в душе зажглось.

Великое не тщетно совершилось;
Недаром средь людей явился Бог;
К земле недаром небо приклонилось,
И распахнулся вечности чертог.

В незримой глубине сознания мирового
Источник истины живет не заглушен,
И над руинами позора векового
Глагол ее звучит, как похоронный звон.

Родился в мире свет, и свет отторгнут тьмою,
Но светит он во тьме, где грань добра и зла.
Не властью внешнею, а правдою самою
Князь века осужден и все его дела.

1894

...О всесвятая, благословенная,
Лествица чудная, к Небу ведущая!

С Неба ко мне приклони Свои очи!
Воду живую, в вечность текущую,
Ты нам дала, Голубица смиренная,
Ты солнце правды во мрак нашей ночи
Вновь возвела, Мать, Невеста и Дочь,
 Дева Всеславная,
 Миродержавная
И Таинница Божьих советов!
Проведи Ты меня сквозь земные туманы
 В горние страны,
 В отчизну светов!

ИММАНУ-ЭЛЬ

Во тьму веков та ночь уж отступила,
Когда, устав от злобы и тревог,
Земля в объятьях неба опочила
И в тишине родился С-нами-Бог.

И многое уж невозможно ныне:
Цари на небо больше не глядят,
И пастыри не слушают в пустыне,
Как Ангелы про Бога говорят.

Но вечное, что в эту ночь открылось,
Несокрушимо временем оно,
И Слово вновь в душе твоей родилось,
Рожденное под яслями давно.

Да! С нами Бог, — не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханьи бурном,
И не в уснувшей памяти веков.

Он здесь, *теперь* — средь суеты случайной,
В потоке шумном жизненных тревог.
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог.

1892

К.Р.
(Великий Князь КОНСТАНТИН РОМАНОВ)

ПСАЛМОПЕВЕЦ ДАВИД

О, царь! Скорбит душа твоя,
Томится и тоскует!
Я буду петь; пусть песнь моя
Твою печаль врачует.

Пусть звуков арфы золотой
Святое песнопенье
Утешит дух унылый твой
И облегчит мученье.

Их человек создать не мог,
Не от себя пою я:
Те песни мне внушает Бог,
Не петь их — не могу я!

О, царь, ни звучный лязг мечей,
Ни юных дев лобзанья
Не заглушат тоски твоей
И жгучего страданья!

Но лишь души твоей больной
Святая песнь коснется —
Мгновенно скорбь от песни той
Слезами изольется.

И вспрянет дух унылый твой,
О, царь! И, торжествуя,
У ног твоих, властитель мой,
Пусть за тебя умру я!

1881

ЦАРЬ САУЛ

Душа изнывает моя и тоскует, —
О, пой же мне, отрок мой, песню твою:
Пусть звуки ее мою скорбь уврачуют,
Я так твои песни святые люблю!

Гнетут меня злобного духа объятья,
Опять овладело уныние мной,
И страшные вновь изрыгают проклятья
Уста мои вместо молитвы святой.

Томлюся я, гневом пылая, и стражду;
Недугом палимая мучится плоть,
И злоба в душе моей... Крови я жажду
И тщетны усилия зло побороть.

Не раз, жалом немощи той уязвленный,
Тебя мог убить я в безумном бреду.
О, пой же! быть может, тобой исцеленный,
Рыдая, к тебе я на грудь упаду!..

1884

Когда, предвидя близкую разлуку,
Душа болит уныньем и тоской,
Я говорю, тебе сжимая руку:
Христос с тобой!

Когда в избытке счастья неземного
Забьется сердце радостно порой,
Тогда тебе я повторяю снова:
Христос с тобой!

А если грусть, печаль и огорченье
Твоей владеют робкою душой,
Тогда тебе твержу я в утешенье:
Христос с тобой!

Любя, надеясь, кротко и смиренно
Свершай, о друг, ты этот путь земной
И веруй, что всегда и неизменно
Христос с тобой!

1886

НА СТРАСТНОЙ НЕДЕЛЕ

Жених в полночи грядет!
Но где же раб Его блаженный,
Кого Он бдящего найдет
И кто с лампадою возжженной
На брачный пир войдет за Ним?
В ком света тьма не поглотила?

О, да исправится, как дым
Благоуханного кадила,
Моя молитва пред Тобою!
Я с безутешною тоскою
В слезах взираю издалека
И своего не смею ока
Вознести к чертогу Твоему.
Где одеяние возьму?

О, Боже, просвети одежду
Души истерзанной моей,
Дай на спасенье мне надежду
Во дни Святых Твоих Страстей!
Услышь, Господь, мои моления
И Тайной Вечери Твоей,
И всечестного омовенья
Прими причастника меня!

Врагам не выдам тайны я,
Вспомануть не дам Иуду
Тебе в лобзании моем,
Но за разбойником я буду
Перед Святым Твоим Крестом
Взывать коленопреклоненный:
О, помяни, Творец вселенной,
Меня во Царствии Твоем!

*Мраморный Дворец,
Страстная Среда 1887*

НАУЧИ МЕНЯ, БОЖЕ...

Научи меня, Боже, скорбеть
О моих пред Тобой согрешеньях,
И в молитвах святых, песнопеньях,
О несчастных душою болеть.

Научи меня, Сильный, идти
Лишь стезею святого ученья;
Одного лишь искать мне спасенья,
Правды вечной заветы блюсти.

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить,
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.

Научи меня верить, Святой,
Что возможно души обновление,
Что доступно грехов искупление
И что милостив гнев правый Твой.

Научи меня, Отче, обнять
Всех лишь чистою братской любовью,
А за Церковь — родную мне Мать —
Научи пострадать даже кровью.

Научи меня, Щедрый, отдать
Свои силы добру на служенье,

Чтоб страдальцам нести утешенье,
С ними славить Твою благодать.

Подкрепи, научи врачевать
Моих братьев душевные муки,
Чтобы горя замолкнули звуки
И чтоб некому было стонать!..

4 сентября 1886, Павловск

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.

Но если вслед за огорченьем
Нам улыбнется счастье вновь,
Благодарим ли с умилением
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

10 июня 1899, Красное Село

О, если б совесть уберечь,
Как небо утреннее, ясной,
Чтоб непорочностью бесстрастной
Дышали дело, мысль и речь!

Но силы мрачные не дремлют,
И тучи — дети гроз и бурь —
Небес приветную лазурь
Тьмой непроглядною объемлют.

Как пламень солнечных лучей
На небе тучи заслоняют —
В нас образ Божий затемняют
Зло дел, ложь мыслей и речей.

Но смолкнут грозы, стихнут бури
И — всепрощения привет —
Опять заблещет солнца свет
Среди безоблачной лазури.

Мы свято совесть соблюдаем,
Как небо утреннее, чистой
И радостно тропой тернистой
К последней пристани придем.

1907

КОНСТАНТИН ФОФАНОВ

ИЗ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ

(Второзаконие, кн. 5, гл. 3)

Сосуд с целебною водою Иордана
Я, братья, вам принес. Напейтесь из него, —
И кроткая душа, восторгом обуянна,
Забудет черный день злосчастья своего.
Напейтесь из него и исцелитесь, братья.
Замолкнет стон в груди, замрут в устах проклятья:
Я вечный мир принес!

С Сионской высоты принес я ветвь оливы;
Коснитесь ее, — Бог чудо совершит.
Вы, просветленные, спокойно-горделивы,
Страхнете с ваших ног прах мщенья и обид;
И будет на земле одно святое братство, —
Без гибельных измен, без злого святотатства:
Я истину принес!

Я камень вам принес от древнего Содома, —
Пусть он напомнит вам погибель злых людей;
Пускай та весть пройдет от дома и до дома,
Что я пришел карать неправедных судей.
Иное я хочу устроить в мире царство, —
Без лжи смеющейся, без низкого коварства:
Я правду вам принес!

Пред голосом моим преступник побледнеет;
И в страхе убежит, безумствуя, тиран;

И ветер след его с проклятием завееет.
Рассеется в умах бессмысленный туман;
Слепцы увидят свет, сияющий повсюду;
И станет жизнь тепла ликующему люду:
1880 Я волю вам принес!

ДВЕ ЖИЗНИ

Две жизни есть; одна, как океан безбрежный,
Широко разлилась, шумя вокруг меня.
Другая, как родник задумчивый и нежный,
Течет в душе моей, струясь и звеня.
И в первой суета и зарево сражений,
Базаров пестрый шум; печальный человек
В ней ищет мудрости, забот и наслаждений
И раболепствует пред ней из века в век.
Но, гордая, она рабам своим не внемлет,
Сияя красотой божественных лучей,
Ничтожные дары с улыбкою приемлет
И смертного стремится в загробный мир теней.
Иная жизнь во мне: незримая для ока —
Она цветет, полна задумчивой мечты;
И отразились в ней, как в зеркале потока,
И небо, и земля, и звезды, и цветы.
И эта жизнь растет в уединении праздном,
И музыка ее в тиши слышна звучней,
Когда я не смущен кошмаром безобразным, —
Ни жертвами борьбы, ни злобою людей.

1891

ОТЧЕ НАШ

Отче наш! Бог, в небесах обитающий,
Оку незримый, но зримый сердцами,
Всё созидающий, всё разрушающий,
Греющий землю живыми лучами.
Мы принесли Тебе в жертву бескровную
Нашу молитву в часы покаяния, —
Дай же, о Боже, нам пищу духовную,
Дай нам источник святого желания.
В годы сомнения, в годы ненастные
Нам изменили мечты неизменные;
Мы загасили светильники ясные,
Мы расплескали елеи священные.
Отче наш, Бог безутешно страдающих,
Солнце вселенной! К Тебе мы с молитвою —
Всех сохрани за любовь погибающих,
Всех угнетенных мучительной битвою!
Отче наш! Дай нам пути благодатные
И отстрани от соблазна лукавого...
Да воссияют лучи незакатные
Правды небесной и помысла правого!

1889

Князь Вл. Гр. ЯШВИЛЬ

**[Из исторического рассказа в стихах
«Создание и освящение Храма Христа Спасителя.
Новый кафедральный собор в Москве
и его деятели», изданного в Москве в 1884 году]**

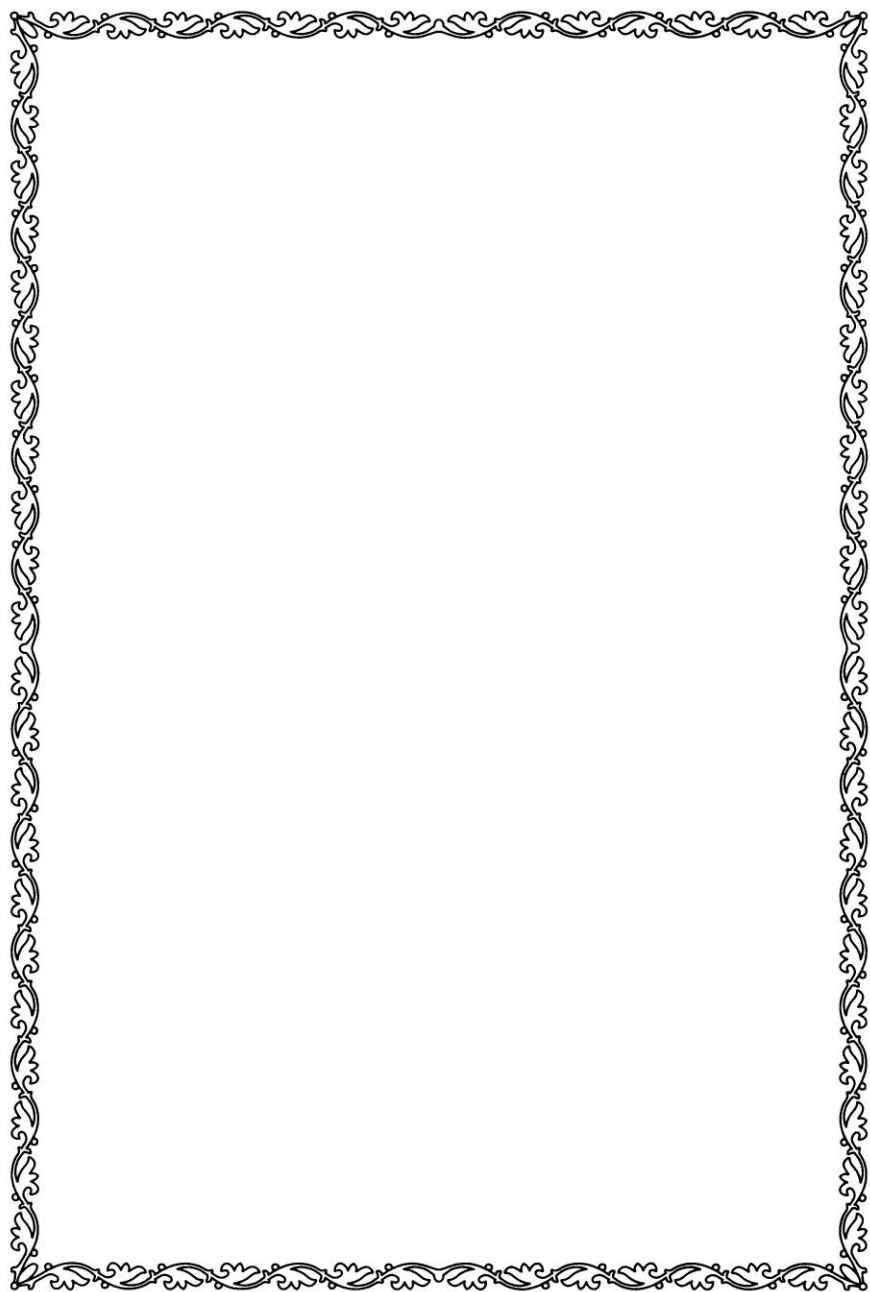
...Под влияньем впечатленья
Дивного сооруженья
В Храм со всех концов Москвы
Едут и идут толпы —
И Собор обозревают,
Все там надписи читают,
Что снаружи и внутри,
На стенах его видны.
Все с вниманьем созерцают —
И друг другу сообщают
О величии святом
В этом Храме вековом;
Русь бывшее вспоминает,
Перед нею воскресает
Все прошедшее Москвы —
Годы бедствий и войны,
Дни врагов в нее вторжений,
Все дни плена и мучений
И дни славы трех годов*,
Подвиг многих городов,

* 1812, 1813, 1814 гг.

Тех, с Москвою что страдали,
Участь плена разделяли, —
Вновь двенадцатый всё год
Вспоминает здесь народ.
На него так Храм влияет,
Дух, сознание пробуждает,
Уважение к стране
И любовь к родной Москве;
Церкви, царства устроенье
И хозяйства улучшение
Ей судил Бог продолжать
И позднее достигать
Мирового уж значенья,
Греков и Славян Спасенья...

ИСПРАВИ СЛОВО НАШЕ:
христианские мотивы
в поэзии
разломной эпохи

СЕМЕН НАДСОН

ИУДА

1

Христос молился... Пот кровавый
С чела поникшего бежал...
За род людской, за род лукавый,
Христос моления воссылал;
Огонь святого вдохновенья
Сверкал в чертах Его лица,
И Он с улыбкой сожаленья
Сносил последние мученья
И боль тернового венца.
Вокруг Креста толпа стояла,
И грубый смех звучал порой...
Слепая чернь не понимала,
Кого насмешливо пятнала
Своей бессильною враждой.
Что сделал Он? За что на муку
Он осужден, как раб, как тать,
И кто дерзнул безумно руку
На Бога своего поднять?
Он в мир вошел с святой любовью,
Учил, молился и страдал —
И мир Его невинной Кровью
Себя навеки запятнал!..
Свершилось!..

2

Полночь голубая
Горела кротко над землей;
В лазури ласково сияя,
Поднялся месяц золотой.
Он то задумчивым мерцаньем
За дымкой облака сверкал,
То снова трепетным сияньем
Голгофу ярко озарял.
Внизу, окутанный туманом,
Виднелся город с высоты.
Над ним, подобно великанам,
Чернели грозные кресты.
На двух из них еще висели
Казненные; лучи луны
В их лица бледные глядели
С своей безбрежной вышины.
Но третий Крест был пуст. Дружьями
Христос был снят и погребен,
И их прощальными слезами
Гранит надгробный орошен.

3

Чье затаенное рыданье
Звучит у среднего креста?
Кто этот человек? Страданье
Горит в чертах его лица.
Быть может, с жаждой исцеленья
Он из далеких стран спешил,
Чтоб Иисус его мученья

Всесильным словом облегчил?
Уж он готовился с мольбою
Упасть к ногам Христа — и вот,
Вдруг отовсюду узнает,
Что Тот, Кого народ толпою
Недавно как царя встречал,
Что Тот, Кто свет зажег над миром,
Кто не кадил земным кумирам
И зло открыто обличал, —
Погиб, заброшенный презреньем,
Измятый пыткой и мученьем!..
Быть может, тайный ученик,
Склонясь усталой головою,
К Кресту Учителя приник
С тоской и страстною мольбою?
Быть может, грешник непрощенный
Сюда, измученный, спешил,
И здесь, коленопреклоненный,
Свое раскаянье излил? —
Нет, то Иуда!.. Не с мольбой
Пришел он — он не смел молиться
Своей порочною душой;
Не с телом Господа проститься
Хотел он — он и сам не знал,
Зачем и как сюда попал.

4

Когда на муку обреченный,
Толпой народа окруженный,
На место казни шел Христос

И Крест, изнемогая, нес,
Иуда, притаившись, видел
Его страдания и сознал,
Кого безумно ненавидел,
Чью жизнь на деньги променял.
Он понял, что ему прощенья
Нет в беспристрастных небесах, —
И страх, бессильный, робкий страх,
Угрюмый спутник преступления,
Вселился в грудь его. Всю ночь
В его больном воображеньи
Вставал Христос. Напрасно прочь
Он гнал докучное виденье;
Напрасно думал он уснуть,
Чтоб все забыть и отдохнуть
Под кровом молчаливой ночи:
Пред ним, едва сомкнет он очи,
Все тот же призрак роковой
Встает во мраке, как живой! —

5

Вот Он, истерзанный мученьем
Апостол истины святой.
Измятый пыткой и презреньем,
Распятый буйною толпой;
Бог, осужденный приговором
Слепых, подкупленных судей!
Вот Он!.. Горит немим укором
Небесный взор Его очей.
Венец любви, венец терновый

Чело Спасителя язвит,
И, мнится, приговор суровый
В устах разгневанных звучит...
«Прочь, непорочное виденье,
Уйди, не мучь больную грудь!..
Дай хоть на час, хоть на мгновенье
Не жить... не помнить... отдохнуть...
Смотри: предатель Твой рыдает
У ног Твоих... О, пощади!..
Твой взор мне душу разрывает...
Уйди... исчезни... не гляди!..
Ты видишь: я готов слезами
Мой поцелуй коварный смыть...
О, дай минувшее забыть,
Дай душу облегчить мольбами...
Ты Бог... Ты можешь все простить!

.....
А я? Я знал ли сожаленье?
Мне нет пощады, нет прощенья!»

6

Куда уйти от черных дум?
Куда бежать от наказания?
Устала грудь, истерзан ум,
В душе — мятежные страданья.
Безмолвно в тишине ночной,
Как изваянье, без движенья,
Все тот же призрак роковой
Стоит залогом осужденья...
А здесь, вокруг, горя луной,

Дыша весенним обаяньем,
Ночь разметалась над землей
Своим задумчивым сияньем.
И спит серебряный Кедрон,
В туман прозрачный погружен...

7

Беги, предатель, от людей
И знай: нигде душе твоей
Ты не найдешь успокоенья:
Где б ни был ты, везде с тобой
Пройдет твой призрак роковой
Залогом мук и осужденья.
Беги от этого Креста,
Не оскверняй его лобзаньем:
Он свят, он освящен страданьем
На нем распятого Христа!

.....
И он бежал!..

8

Полнебосклона
Заря пожаром обняла,
И горы дальнего Кедрона
Волнами блеска залила.
Проснулось солнце за холмами
В венце сверкающих лучей.
Все ожило... шумит ветвями
Лес, гордый великан полей,
И в глубине его струями

Гремит серебряный ручей...
В лесу, где вечно мгла царит,
Куда заря не проникает,
Качаясь, мрачный труп висит;
Над ним безмолвно расстилает
Осина свой покров живой
И изумрудною листвою
Его, как друга, обнимает.
Погиб Иуда... Он не снес
Огня глухих своих страданий,
Погиб без примиренных слез,
Без сожалений и желаний.
Но до последнего мгновенья
Все тот же призрак роковой
Живым упреком преступленья
Пред ним вставал во тьме ночной.
Все тот же приговор суровый,
Казалось, с уст Его звучал,
И на челе венец терновый,
Венец страдания лежал!

1879

СВЯТИТЕЛЬ

(Отрывок)

<...>

Есть обитель: давно над рекою
Золотыми крестами сияет она
И белеет зубчатой стеною.
Сотни лет ее колокол мерно гудит,

По заре на молитву сзывая,
И далеко удар за ударом летит
Над лесными вершинами края...
Много ходит в народе сказаний о ней:
В старину, — говорят те сказанья, —
Сам Угодник нашел в ней приют от скорбей
И покой от мирского скитанья;
Сам своими руками на церковь принес
Первый камень блаженный Святитель;
И сподобил его за смирение Христос
Чудесами прославить обитель.
Если ты обездолен людьми и судьбой,
Если горе к тебе залетело,
Если тяжкий недуг, присосавшись змеей,
Как огнем, иссушил твое тело,
Если нет от тоски тебе сна по ночам,
Если труд твой в руках не спорится, —
Приходи в монастырь приложиться к мощам,
Приходи в монастырь помолиться.
Любит Божий Угодник рабочий народ,
И видна наша немочь Святому:
Как рукой, с тебя снимет он бремя забот,
Как туман, с тебя снимет истому;
Словно камень, свалит с облегченной груди,
И следа нет кручины постылой...

Темно грядущее... Пытливый ум людской...
Пред тайною его бессильно замирает:

Кто скажет — день ли там мерцает золотой
Иль новая гроза зарницами играет?

Напрасно человек в смятенье и тоске
Грядущие века пылливо вопрошает.
Кто понял этот свет, блеснувший вдалеке, —
Заря ли там зажглась, зарница ли мерцает?

1882

ФЕДОР СОЛОГУБ

Всё хочет петь и славить Бога:
Заря, и ландыш, и ковыль,
И лес, и поле, и дорога,
И ветром зыблемая пыль.

Они зовут за словом слово,
И песню их из века в век
В иных созвучьях слышит снова
И повторяет человек.

ПИЛИГРИМ

В одежде пыльной пилигрима,
Обет свершая, он идет,
Босой, больной, неустомимо,
То шаг назад, то шаг вперед.
И, чередуясь мерно, дали
Встают все новые пред ним,
Неистошмы, как печали, —
И все далек Ерусалим...

В путях томительной печали
Стремится вечно род людской
В недосыгаемые дали
К какой-то цели роковой.

И создает неутомимо
Судьба преграды перед ним,
И все далек от пилигрима
Его святой Ерусалим.

1896

АНГЕЛ БЛАГОГО МОЛЧАНИЯ

Грудь ли томится от зною,
Страшно ль смятение вьюг, —
Только бы ты был со мною,
Сладкий и радостный друг.

Ангел благого молчанья,
Тихий смиритель страстей,
Нет ни венца, ни сиянья
Над головою твоей.

Кротко потуплены очи,
Стан твой окутала мгла,
Тонкою влагою ночи
Веют два легких крыла.

Реешь над дольным пределом
Ты без меча, без луча, —
Только на поясе белом
Два золотые ключа.

Друг неизменный и нежный,
Тенью прохладною крыл

Век мой безумно-мятежный
Ты от толпы заслонил.

В тяжкие дни утомленья,
В ночи бессильных тревог
Ты отклонил помышленья
От недоступных дорог.

1900

Зелень тусклая олив,
Успокоенность желанья.
Безнадежно молчалив
Скорбный сон твой, Гефсимания.

В утомленье и в бреду,
В час, как ночь безумно стынула,
Как молился Он в саду,
Чтобы эта чаша минула!

Было темно, как в гробу,
Мать великая ответила
На смиренную мольбу
Только резким криком петела.

Ну так что ж! Как хочет Бог,
В жизни нашей так и сбудется,
А мечтательный чертог
Только изредка почудится.

Всякий буйственный порыв
Гасит холодом вселенная.
Я иду в тени олив,
И душа моя — смиренная.

Нет в душе надежд и сил,
Умирают все желания.
Я спокоен — я вкусил
Прелесть скорбной Гефсимании.

26 октября 1911

[ПОГРОМ ОБИТЕЛИ]

Пылают смрадно адовы
Разверстые врата.
Святая в кольца гадовы
Обитель обвита.

Над тихою лампадою
Померкла синева.
Под старою оградой
Огнем сожглась трава.

Но чую дуновение
Прохладных райских рос
И знаю — в дым гонения
Придет к земле Христос.

Свершатся упования,
Крестом мы победим,

И вражды беснования
Развеются, как дым.

26 января 1918

Полуисточенное смертью тело, —
И это — ты, любимая моя.
Душа от ужаса оледенела,
Но все же, смерть, победа не твоя.

Да, наша плоть земная — жертва тленья,
Обезображенный и смрадный прах,
И вот, смотри, мы бьемся в исступленьи
И тонет скорбь в пустынных небесах.

Все так, — земного не отдаст могила,
И самые тончайшие мечты,
Как сладкий дым из зыбкого кадила,
Растают, с воздухом земным слиты.

Но если здесь стремительною волей
Душа свершила пламенный полет,
Поникни, смерть! — среди иных раздолий
Она венец бессмертия найдет.

1922

ОЛЬГА ЧУМИНА

ЛЕПТА ВДОВИЦЫ

Исчезли волны фимиама,
Во храме кончился обряд,
В казну его посильный вклад
Спешит внести и стар, и млад:
С вельможами и богачами —
Простой рабочий наравне.
Христос, сидевший в стороне,
Следил задумчиво очами
За их толпою, окружен
Учениками. Видел Он
Сиявшие довольством лица
И бледность грустного чела.
Но, вот, Он видит: подошла
С другими бедная вдовица;
Две лепты тихо опустив
И робко голову склонив,
Как бы стыдяся подаянья,
Она поспешно отошла.
И Он сказал: — Она дала
Всех более: все пропитанье
Свое на добрые дела.
Те, не страшась себе убытка,
Кичатся щедростью пред ней:
Они давали от избытка,
Она — от скудости своей.

КЕСАРЕВО — КЕСАРЮ

Коснея в лжи, коварстве и обмане,
Задумали Христа иродиане
И фарисеи уловить в словах
И молвили: «Тебе не ведом страх
Пред кем-либо; не искушаясь ложью,
Ты всем в лицо глаголешь правду Божью, —
Подай же нам по совести совет:
Платить ли кесарю нам подати иль нет?»
И Он сказал: «Хитры вы свыше меры,
Что искушаете Меня, о лицемеры!
Подайте Мне одну из сих монет!
Чья надпись тут и чье изображенье?»
— «То надпись кесаря», — ответили в смущеньи.
— «Отдайте ж кесарю, что надлежит ему,
А Божье — Господу отдайте своему!»
И посрамились враги Его ответом,
И втайне смерть Его решили все при этом.

КРЕЩЕНИЕ РУСИ

В Киеве стольном
Народ, собираясь с утра,
Толпится в волненье и страхе невольном
У вод темно-синих Днепра...
Сияли хоругви парчой золотою,
Дымились кадила окрест,
Сиял, вознесенный над всею толпою,
В руке архипастыря крест.

Под стройное пенье церковного клира
Свершался крещения обряд,
И кротким сияньем душевного мира
Светился Владимира взгляд...
И долго глядел он на город с холмами,
На веры святой колыбель,
На Днепр, заалевший под солнца лучами,
Руси вековую купель.

**ДМИТРИЙ
МЕРЕЖКОВСКИЙ**

«Христос Воскрес» — поют во храме;
Но грустно мне... Душа молчит:
Мир полон кровью и слезами,
И этот гимн пред алтарями
Так оскорбительно звучит.
Когда б Он был меж нас и видел,
Чего достиг наш славный век:
Как брата брат возненавидел,
Как опозорен человек,
И если б здесь в блестящем храме
«Христос Воскрес!» Он услышал,
Какими б горькими слезами
Перед толпой Он зарыдал!

1887

Пусть на земле не будет, братья,
Ни властелинов, ни рабов,
Умолкнут стоны и проклятья,
И стук мечей, и звон оков, —
О, лишь тогда, как гимн свободы,
Пусть загремит: «Христос Воскрес!» —
И нам ответят все народы:
«Христос воистину Воскрес!»

О, если бы душа полна была любовью,
Как Бог мой на Кресте, — я умер бы любя.
Но ближних не люблю, как не люблю себя,
И все-таки порой исходит сердце кровью.

О, мой Отец, о, мой Господь!
Жалею всех живых в их слабости и силе,
В блаженстве и скорбях, в рожденьи и могиле.
Жалею всякую страдающую плоть.

И кажется порой — у всех одна душа,
Она зовет Тебя, зовет и умирает,
И бредит в шелесте ночного камыша,
В глазах больных детей, в огнях зарниц сияет.

Душа моя и Ты — с Тобою мы одни.
И, смертною тоской и ужасом объятый,
Как некогда с Креста Твой Первенец Распятый,
Мир вопиет: Лама! Лама! Савахфани!*

Душа моя и Ты — с Тобой одни мы оба,
Всегда лицом к лицу, о, мой последний Враг.
К Тебе мой каждый вздох, к Тебе мой каждый шаг
В мгновенном блеске дня и в вечной тайне гроба.

* Слова, произнесенные Иисусом Христом на арамейском языке, смысл которых: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27: 46)

И в буйном ропоте Тебя за жизнь кляня,
Я все же знаю: Ты и я — одно и то же,
И вопию к Тебе, как сын Твой: Боже, Боже,
За что оставил Ты меня?

2-я половина 1890-х

СТАРОСТЬ

Чем больше я живу — тем глубже тайна жизни,
Тем призрачнее мир, страшней себе я сам,
Тем больше я стремлюсь к покинутой отчизне,
К моим безмолвным небесам.

Чем больше я живу — тем скорбь моя сильнее
И неотзывчивей на голос дальних бурь,
И смерть моей душе все ближе и яснее,
Как вечная лазурь.

Мне юности не жаль: прекрасней солнца мая,
Мой золотой сентябрь, твой блеск и тишина;
Я не боюсь тебя, приди ко мне, святая,
О старость, лучшая весна!

Тобой обвеянный, я снова буду молод
Под светлым инеем безгрешной седины,
Как только укротит во мне твой мудрый холод
И боль, и бред, и жар весны!

**ВЯЧЕСЛАВ
ИВАНОВ**

Я посох мой доверил Богу
И не гадаю ни о чем.
Пусть выбирает Сам дорогу,
Какой меня ведет в Свой дом.

А где тот дом — от всех сокрыто;
Далече ль он — утаено.
Что в нем оставил я — забыто,
Но будет вновь обретено,

Когда, от чар земных излечен,
Я повернусь туда лицом,
Где — знает сердце — буду встречен
Меня дождавшимся Отцом.

1944

И снова ты пред взором видящим,
О Вифлеемская звезда,
Встаешь над станом ненавидящим
И мир пророчишь, как тогда.

А мы рукою окровавленной
Земле куем железный мир:

Стоит окуренный, восславленный
На месте скинии кумир.

Но твой маяк с высот не сдвинется,
Не достигнет их океан,
Когда на приступ неба вскинется
Из бездн морских Левиафан.

Равниной мертвых вод уляжется
Изнеможенный легион,
И человечеству покажется,
Что все бывшее — смутный сон.

И бесноватый успокоится
От судорог небытия,
Когда навек очам откроется
Одна действительность — твоя.

1944

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

ПРОЙДУТ ВЕКА ВЕКОВ

Пройдут века веков, толпы тысячелетий,
Как тучи саранчи, с собой несущей смерть,
И в быстром ропоте испуганных столетий
До горького конца пребудет та же твердь, —

Немая, мертвая, отвергнутая Богом,
Живущим далеко в беззвездных небесах,
В дыханьи вечности, за гранью, за порогом
Всего понятного, горящего в словах.

Всегда холодная, пустыня звезд над нами
Останется чужой до горького конца,
Когда она падет кометными огнями,
Как брызги слез немых с печального лица.

1896

МОСТ

Между Временем и Вечностью,
Как над брызнувшей водой,
К нам заброшен бесконечностью
Мост воздушно-золотой, —

Разноцветностью играющий,
Видный только для того,
Кто душою ожидающей
Любит Бога своего, —

Кто, забыв свое порочное,
Победил громаду зол
И, как радуга непрочная,
Воссиял — и отошел.

1899

ВОЙНА

История людей —
История войны,
Разнузданность страстей
В театре сатаны.

Страна теснит страну,
И взгляд встречает взгляд.
За краткую весну —
Несчетный ряд расплат.

У бешенства мечты
И бешеный язык.
Личина доброты
Спадает в быстрый миг.

Что правдою зовут —
Мучительная ложь.

Смеются ль, — тут как тут
За пазухою нож.

И снова льется кровь
Из темной глубины.
И вот мы вновь, мы вновь —
Актеры сатаны.

1905

МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ

Тот, пред Кем, Незримым, зримо
Все, что в душах у людей.
Тот, пред Кем проходят мимо
Блески дымные страстей, —

Кто, Неслышимый, услышит
Каждый ропот бытия,
Только Тот бессмертьем дышит,
В нераздельно-слитном Я.

Тот, в Чьем духе вечно новы
Солнце, звезды, ветер, тьма,
Тот, Кому они — покровы
Для сокрытого ума, —

Тот, Кто близко и далеко,
Перед Кем вся жизнь твоя
Точно радуга потока, —
Только Тот есть вечно — Я.

Все закаты, все рассветы
В Нем возникли и умрут,
Все сердечные приметы
Там зажглись, блистая — тут.

Все лучи в росе горящей
Повторяют тот же лик,
Солнца лик животворящий,
В солнце каждый луч возник.

Все, что здесь, проходит мимо,
Словно тень от облаков.
Но очам незримым — зрима
Неподвижность вечных снов.

Он живет, пред Кем проводит
Этот мир всю роскошь сил,
Он, Единый, не уходит,
В час захода всех светил!

БЛАГОВЕЩЕНИЕ В МОСКВЕ

Благовещение и свет,
Вербы забелели.
Или точно горя нет,
Право, в самом деле?

Благовестие и смех,
Закраснелись почки.

И на улицах — у всех
Синие цветочки.

Сколько синеньких цветков,
Отнятых от снега.
Снова мир и свеж, и нов,
И повсюду — нега.

Вижу старую Москву
В молодом уборе.
Я смеюсь и я живу —
Солнце в каждом взоре.

От старинного Кремля
Звон плывет волною.
А во рвах живет земля
Молодой травой.

В чуть пробившейся траве
Сон весны и лета.
Благовещение в Москве —
Это праздник света!

ЗИНАИДА ГИППИУС

ХРИСТУ

Мы не жили — и умираем
Среди тьмы.
Ты вернешься... Но как узнаем
Тебя — мы?

Всё дрожим и Тебя стыдимся,
Тяжел мрак.
Мы молчаний Твоих боимся...
О, дай знак!

Если нет на земле надежды —
То всё — прах.
Дай коснуться Твоей одежды,
Забыть страх.

Ты во дни, когда был меж нами,
Сказал Сам:
«Не оставляю вас сиротами,
Приду к вам».

Нет Тебя. Душа не готова,
Не бил час.
Но мы верим, — Ты будешь снова
Среди нас.

1901

СООБЩНИКИ

В. Брюсову

Ты думаешь, Голгофа миновала,
При Понтии Пилате пробил час,
И жизнь уже с тех пор не повторяла
Того, что быть могло — единый раз?

Иль ты забыл? Недавно мы с тобою
По площади бежали второпях,
К судилищу, где двое пред толпою
Стояли на высоких ступенях.

И спрашивал один, и сомневался,
Другой молчал, — как и в былые дни.
Ты все вперед, к ступеням прорывался...
Кричали мы: распни Его, распни!

Шел в гору Он — ты помнишь? — без сандалий...
И ждал Его народ из ближних мест.
С Молчавшего мы там одежды сняли
И на веревках подняли на Крест.

Ты, помню, был на лестнице, направо...
К ладони узкой я приставил гвоздь.
Ты стукнул молотком по шляпке ржавой, —
И вникло острие, не тронув кость.

Мы о хитоне спорили с тобою,
В сторонке сидя, у костра вдвоем...

Не на тебя ль попала кровь с водою,
Когда ударил я Его копьем?

И не с тобою ли у двери гроба
Мы Тело сторожили по ночам?

.....
Вчера, и завтра, и до века, оба —
Мы повторяем казнь — Ему и нам.

1902

ГРЕХ

И мы простим, и Бог простит.
Мы жаждем мести от незнания.
Но злое дело — воздаянье
Само в себе, таясь, таит.

И путь наш чист, и долг наш прост:
Не надо мстить. Не нам отмщенье.
Змея сама, свернувши звенья,
В свой собственный вопьется хвост.

Простим и мы, и Бог простит,
Но грех прощения не знает,
Он для себя — себя хранит,
Своею кровью кровь смывает,
Себя вовеки не прощает —
Хоть мы простим и Бог простит.

1937

**ИВАН
БУНИН**

АНГЕЛ

В вечерний час над степью мирной,
Когда закат над ней сиял,
Среди небес, стезей эфирной,
Вечерний Ангел пролетал.

Он видел сумрак предзакатный, —
Уже синел вдали восток, —
И вдруг услышал он невнятный
Во ржах ребенка голосок.

Он шел, колосья собирая,
Сплетал венок и пел в тиши,
И были в песне звуки рая —
Невинной, неземной души.

«Благослови меньшего брата, —
Сказал Господь. — Благослови
Младенца в тихий час заката
На путь и правды и любви!»

И Ангел светлою улыбкой
Ребенка тихо осенил
И на закат лучисто-зыбкий
Поднялся в блеске нежных крыл.

И, точно крылья золотые,
Заря пылала в вышине,
И долго очи молодые
За ней следили в тишине!

1891

НАДПИСЬ НА МОГИЛЬНОЙ ПЛИТЕ

Несть, Господи, грехов и злодеяний
Превыше милосердья Твоего!
Рабу земли и суетных желаний
Прости грехи за горести его.

Завет любви хранил я в жизни свято:
Во дни тоски, наперекор уму,
Я не питал змею вражды на брата,
Я все простил, по слову Твоему.

Я, тишину познавший гробовую,
Я, восприявший скорби темноты,
Из недр земных земле благовествую
Глаголы Незакатной Красоты!

1901

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Апокалипсис, 1

Я, Иоанн, ваш брат и соучастник
В скорбях и Царстве Господа, был изгнан
На Патмос за свидетельство Христа.

Я осенен был Духом в день воскресный
И слышал за собою как бы трубный
Могучий глас: «Я Альфа и Омега».

И обратился, дабы видеть очи
Того, кто говорит, и, обратившись,
Увидел семь светильников златых.

И посреди их пламенников — Мужа,
Подиром облаченного по стану
И в поясе из золота — по персям.

Глава Его и волосы сияли,
Как горный снег, как белая ярина,
И точно пламень огненный — глаза.

Стопы Его — халколиван горящий,
Как будто раскаленные в горниле,
И глас Его был шумом многих вод.

Семь звезд в Его деснице, меч струился
Из уст Его, и лик Его — как солнце,
Блещающее в славе сил своих.

И, увидав, я пал пред Ним, как мертвый.

1903–1906

НОВЫЙ ХРАМ

По алтарям, пустым и белым,
Весенний ветер дул на нас,
И кто-то сверху капал мелом
На золотой иконостас.

И звучный гул бродил в колоннах,
Среди лесов. И по лесам
Мы шли в широких балахонах,
С кистями, в купол, к небесам.

И часто, вместе с малярами,
Там пели песни. И Христа,
Что слушал нас в веселом храме,
Мы написали неспроста.

Нам все казалось, что под эти
Простые песни вспомнит Он
Порог на солнце в Назарете,
Верстак и кубовый хитон.

1907

Плакала ночью вдова:
Нежно любила ребенка, но умер ребенок.
Плакал и старец-сосед, прижимая к глазам
рукава,
Звезды светили, и плакал в закуте козленок.

Плакала мать по ночам.
Плачущий ночью к слезам побуждает другого:
Звезды слезами текут с небосвода ночного,
Плачет Господь, рукава прижимая к очам.

1914

БЕЛЫЙ ЦВЕТ

Пустынник нам сказал: «Благословен Господь!
Когда я изнурял бунтующую плоть,
Когда я жил в бору над Малым Танаисом,
Я так скорбел порой, что жаловался крысам,
Сбегавшимся из нор на скудный мой обед.
Да спас меня Господь от вражеских побед.
И знаете ли чем, какой утехой сладкой?
Я забавлял себя своею сирой хаткой,
Я мел в горах нашел — и за год раза три
Белил ее, друзья, снаружи и внутри.
Ах, темен, темен мир, и чувствуют лишь дети,
Какая тишина и радость в белом цвете!»

1915

СВЯТИТЕЛЬ

Твой гроб, дубовая колода,
Стоял открытый, и к нему
Все шли и шли толпы народа
В душистом голубом дыму.

А на доске, тяжелой, черной,
Был смуглый золотой оклад,
Блистал твой образ чудотворный
В огнях малиновых лампад.

И, осеня мир десницей
И в шуйцу взяв завет Христа,
Как горько ты, о темнолицый,
Иссохшие смыкал уста.

1915

ПСАЛТИРЬ

Бледно-синий загадочный лик
На увядшие розы поник.

И светильники гроб золотят.
И прозрачно струится их чад.

— Дни мои отошли, отцвели,
Я бездомный и чуждый земли:

Да возрадует дух мой Господь,
В свет и жизнь облечет мою плоть!

Если крылья, как птица, возьму
И низринусь в подземную тьму,

Если горних достигну глубин, —
Всюду Ты, и всегда, и Един:

Укажи мне прямые пути
И в какую мне тварь низойти.

1916

Возьмет Господь у вас
Всю вашу мощь, отнимет трость и посох,
Питье и хлеб, пророка и судью,
Вельможу и советника. Возьмет
Господь у вас ученых и мудрейших,
Художников и искушенных в слове,
В начальники над городом поставит
Он отроков, и дети наши будут
Главенствовать над вами. И народы
Восстанут друг на друга, дабы каждый
Был нищ и угнетаем. И над старцем
Глумиться будет юноша, а смерд —
Над прежним царедворцем. И падет
Сион во прах, зане язык его
И всякое деянье — срам и мерзость
Пред Господом, и выражение лиц
Свидетельствует против них, и смело,
Как некогда в Содоме, величают
Они свой грех. — Народ мой! На погибель
Вели тебя твои поводыри!

ВХОД В ИЕРУСАЛИМ

«Осанна! Осанна! Гряди
Во имя Господне!»

И с яростным хрипом в груди,
С огнем преисподней
В сверкающих гнойных глазах,
Вздувая все жилы на шее,
Вопя все грознее,
Калека кидается в прах
На колени,
Пробившись сквозь шумный народ,
Ощеривши рот,
Щербатый и в пене,
И руки раскинув с мольбой —
О мщенье, о мщенье,
О пире кровавом для всех обойденных
судьбой —

И Ты, Всеблагой,
Свете Тихий вечерний,
Ты грядешь посреди обманувшейся
черни,
Преклоняя Свой горестный взор,
Ты вступаешь на кротком осляти
В роковые врата — на позор,
На проклятье!

29 августа 1922

В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ

...И в этот час, гласит преданье,
Когда, сомнением томим,

Изнемогал Он от страдания,
Все преклонялись перед Ним.

Затихла ночь в благоговенье,
И слышал Он: «Моих ветвей
Колючий терн — венцом мученья —
Возложат на главе Твоей;

Но терн короною зеленой
Чело святое обовьет —
В мир под страдальческой короной,
Как Царь царей, Господь войдет!»

И кипарис, над Ним шумящий,
Ему шептал во тьме ночной:
«Благословен Господь скорбящий, —
Велик и славен подвиг Твой!

Я вознесу над всей вселенной
Мой тяжкий крест, и на кресте
Весь мир узрит Тебя, Смиренный,
В неизреченной красоте!»

Но снова Он в тоске склонялся,
Но снова Он скорбел душой —
И ветер ласковой струей
Его чела в тиши касался:

«О, подними Свой грустный взор!
В час скорби, в темный час страдания

Прохлады свежее дыхание
Я принесу с долин и гор,

Я нежной лаской аромата
Твои мученья облегчу,
И от востока до заката
Твои глаголы возвещу!»

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

МИР

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях.
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи:
Германцев с запада, монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

1917

ХВАЛА БОГОМАТЕРИ

Тайна тайн непостижимая,
Глубь глубин необозримая,
Высота невосходимая,
Радость радости земной,
Торжество непобедимое.
Ангельски дориносимая

Над родимою землей
Купина Неопалимая.

Херувимов всех честнейшая,
Без сравнения славнейшая
Огнезрачных Серафим,
Очистилице чистейшее.
Госпожа Всенепорочная
Без истления Бога рождшая,
Незакатная звезда.
Радуйся, о Благодатная,
Ты молитвы влага росная
Живоносная вода.

Ангелами охраняемый,
Цвет земли Неувядаемый,
Персть, сияньем растворенная,
Глина, девством прокаленная, —
Плоть, рожденная сиять,
Тварь, до Бога вознесенная,
Диском солнца облаченная,
На серпе луны взнесенная,
Приснодевственная Мать.

Ты покров природы тварной,
Свет во мраке, пламень зарный
Путеводного столба.
В грозный час, когда над нами,
Над забытыми гробами
Протрубит труба,

В час великий, в час возмездья,
В горький час, когда созвездья
С неба упадут,
И земля между мирами,
Извергаясь пламенами,
Предстанет на Суд,
В час, когда вся плоть проснется,
Чрево смерти содрогнется
(Солнце мраком обернется)
И как книга развернется
Небо надвое,
И разверзнется пучина,
И раздастся голос Сына:
— «О, племя упрямое!
Я стучал — вы не открыли,
Жаждал — вы не напоили,
Я алкал — не накормили,
Я был наг — вы не одели...»

И тогда ответишь Ты:
— «Я одела, Я кормила,
Чресла Богу растворила,
Плотью нищий дух покрыва,
Солнце мира приютила
В чреве темноты...»

В час последний в тьме крошечной
Над Своей землею грешной
Ты расстелешь плат:
Надо всеми, кто ошую,

Кто во славе одесную
Агнцу предстоят,
Чтоб не сгинул ни единый
Ком пронзенной духом глины,
Без изъята — навсегда,
И удержишь руку Сына
От последнего проклятья
Безвозвратного Суда.

1919

РУСЬ ГЛУХОНЕМАЯ

Был к Иисусу приведен
Родными отрок бесноватый:
Со скрежетом и в пене он
Валялся, корчами объятый.

«Изыди, дух глухонемой!» —
Сказал Господь. И демон злой
Сотряс его и с криком вышел —
И отрок понимал и слышал.
Был спор учеников о том,
Что не был им тот бес покорен,
А Он сказал: «Сей род упорен:
Молитвой только и постом
Его природа одолима».

Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украд твой разум и свободу,

Тебя кидает в огонь и в воду,
О камни бьет и гонит в лес.
И вот взываем мы: «Прииди!...»
А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет: «Бес, изыди!»

1918

ЗАКЛИНАНИЕ

(От усобиц)

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за нее за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

1920

**ВАЛЕРИЙ
БРЮСОВ**

Облегчи нам страдания, Боже!
Мы, как звери, вгнездились в пещеры —
Жестко наше гранитное ложе,
Душно нам без лучей и без веры.

Самоцветные камни блистают,
Вдаль уходят колонн вереницы,
Из холодных щелей выползают
Саламандры, ужи и мокрицы.

Наши язвы наполнены гноем,
Наше тело на падаль похоже...
О, прости над могильным покоем
Покрывало последнее, Боже!

1894

**АНГЕЛ
БЛАГОГО МОЛЧАНИЯ**

(Молитва)

Ангел благого молчания,
Властно уста загради
В час, когда силой страдания
Сердце трепещет в груди!

Ангел благого молчания,
Радостным быть помоги
В час, когда шум ликования
К небу возносят враги!

Ангел благого молчания,
Гордость в душе оживи
В час, когда пламя желания
Быстро струится в крови!

Ангел благого молчания!
Смолкнуть устам повели
В час, когда льнет обаяние
Вечно любимой земли!

Ангел благого молчания,
Душу себе покори
В час, когда брезжит сияние
Долго желанной зари!

В тихих глубинах сознания
Светят святые огни!
Ангел благого молчания,
Душу от слов охраняй!

1908

БИБЛИЯ

О, Книга книг! Кто не изведал
В своей изменчивой судьбе,

Как ты целишь того, кто предал
Свой утомленный дух — тебе!

В чреде видений неизменных,
Как совершенна и чиста —
Твоих страниц проникновенных
Младенческая простота!

Не меркнут образы святые,
Однажды вызваны тобой:
Пред Евой — искушение змия,
С голубкой возвращенной — Ной!

Вот, в страшный час, в горах застыли
Отец и сын, костер сложив;
Жив облик женственной Рахили,
Израиль-Богоносец — жив!

И кто, житейское отбросив,
Не плакал в детстве, прочитав,
Как братьев обнимал Иосиф
На высоте честей и слав!

Кто проникал, не пламенея,
Веков таинственную даль,
Познав сиянье Моисея,
С горы несущего скрижал!

Резец и карандаш, и кисти,
И струны, и певучий стих —

Еще светлей, еще лучистей
Творят ряд образов твоих.

Какой поэт, какой художник
К тебе не приходил, любя:
Еврей, христианин, безбожник —
Все, все учились у тебя!

И столько мыслей гениальных
С тобой невидимо слиты:
Сквозь блеск твоих страниц кристальных
Нам светят гениев мечты.

Ты вечно новой, век за веком,
За годом год, за мигом миг,
Встаешь — алтарь пред человеком,
О Библия! О Книга книг!

Ты — правда тайны сокровенной,
Ты — откровенье, ты — завет,
Всевышним данный всей вселенной
Для прошлых и грядущих лет!

1918

АЛЕКСАНДР БЛОК

Ныне, полный блаженства,
Перед Божиим чертогом
Жду прекрасного Ангела
С благовестным мечом.

Ныне сжался, о Боже,
Над блаженным рабом!
Вышли Ангела, Боже,
С нежно-белым крылом!

Боже! Боже!
О, поверь моей молитве,
В ней душа моя горит!
Извлеки из жалкой битвы
Истомленного раба!

1901

О легендах, о сказках, о тайнах.
Был один Всепобедный Христос.
На пустынях, на думах случайных
Начертался и вихри пронес.

Мы терзались, стирались веками,
Закаляли железом сердца,

Утомленные, вновь вспоминали
Непостижную тайну Отца.

И пред Ним распростерты долу
Замираем на тонкой черте:
Не понять Золотого Глагола
Изнуренной железом мечте.

1902

И Дух и невеста говорят: приходи!
(Апокалипсис)

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Все дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной — к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Непостижного света
Задрожали струи.

Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

22 февраля 1902

*Имеющий невесту есть жених,
а друг жениха, стоящий
и внимающий ему, радостью
радуется, слыша голос жениха.*

Иоанн, 3, 29

Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадильный берегу.
Она без мысли и без речи
На том смеется берегу.

Люблю вечернее моление
У белой церкви над рекой,
Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.

И от вершин зубчатых леса
Забрезжит брачная заря.

7 июля 1902

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

1905

З.Н.Гунтуус

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Возьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!

8 сентября 1914

НИКОЛАЙ
КЛЮЕВ

*Я был в духе в день воскресный.
Апокал., гл. 1, 10*

Я был в духе в день воскресный,
Осененный высотой,
Просветленно-бестелесный
И младенчески простой.

Видел ратей колесницы,
Судный жертвенник и крест,
Указующей десницы
Путеводно-млечный перст.

Источая кровь и пламень,
Шестикрыл и многолик,
С начертаньем белый камень
Мне вручил Архистратиг.

И сказал: «Венчайся белым
Твердокаменным венцом,
Будь убог и темен телом,
Светел духом и лицом.

И другому талисману
Не вверяйся никогда —

Я пасти не перестану
С высоты свои стада.

На крылах кроваво-дымных
Облечу подлунный храм
И из пепла тел невинных
Жизнь лазурную создам».

Верен Ангела глаголу,
Вдохновившему меня,
Я сошел к земному долу,
Полон звуков и огня.

1908

Помню я обедню раннюю,
Вереницы клубуков,
Над толпою покаянню
Тяжкий гул колоколов.

Опьяненный перезвонами,
Гулом каменно-глухим,
Дал обет я пред иконами
Стать блаженным и святым.

И в ответ мольбе медлительной,
Покрывая медный вой,
Голос ясно-повелительный
Мне ответил: «Ты не Мой».

С той поры я перепутьями
Невидимкою блуждал,
Под валежником и прутьями
Вместе с ветром ночевал.

Истекли грехопадения,
И посланец горних Сил
Безглагольного хваления
Путь заблудшему открыл.

Знаки замысла предвечного —
Зодиака и Креста,
И на плате солнца млечного
Лик прощающий Христа.

1908–1911

«Не жди зари — она погасла,
Как в мавзолейной тишине
Лампада чадная без масла...» —
Могильный демон шепчет мне.

Душа смежает робко крылья,
Недоуменно смущена,
Пред духом мрака и насилья
Мяется трепетно она.

И демон сумрака кровавый
Трубит победу в смертный рог.

Смутился кубок брачной славы
И пуст украшенный чертог.

Рассвета луч не обагрянит
Вино в бокалах круговых,
Пока из мертвых не восстанет
Гробнице преданный Жених.

Пока же камень не отвален
И стража тело стережет, —
Душа безмолвие развалин
Чертога брачного поет.

1910, 1912

НА КРЕСТЕ

I

Лестница золотая
Прянула с небес,
Вижу, умирая,
Райских кринов лес.

В кущах духов клиры, —
Светеллик, крыло...
Хмель вина и мирры
Ветром донесло.

Лоскуты рубахи
Треплются у ног...

Камни шепчут в страхе:
«Да воскреснет Бог».

Гвоздяные ноют раны,
Жалят тернии чело.
Чу! Развеяло туманы
Серафимское крыло.

К моему ли, Горний, древу
Перервать томленья нить, —
Иль нечающую деву
Благовестьем озарить?

**СЕРГЕЙ
ГОРОДЕЦКИЙ**

**У КАЗАНСКОЙ
БОЖЬЕЙ МАТЕРИ**

У Казанской Божьей Матери
Тихо теплятся огни.
Жены, дочери и матери
К Ней приходят в эти дни.

И цветы к Ее подножию
Ставят с жаркою мольбой:
«Матерь-Дева, силой Божией
Охрани ушедших в бой.

Над врагом победу правую
Дай защитникам Руси,
Дай сразиться им со славою
И от смерти их спаси.

На Кресте Твой Сын Единственный
За любовь Свою страдал,
И Его глагол таинственный
К этим битвам Русь позвал.

Мы воюем за спасение
Братьев, страждущих славян.

Мы свершим освобождение
Подъяремных русских стран.

С кем враждует Русь лучистая —
Враг и Сына Твоего.
Дай же, Дева, дай, Пречистая,
Нашей силе торжество!»

У Казанской Божьей Матери
Дивно светел вечный взгляд,
Жены, дочери и матери
Перед Ней с мольбой стоят.

СТРАННИК

Молвил дождику закапать,
Завернулась пыль.
Подвязал дорожный лапоть.
Прицепил костыль.

И по этой по дороге
Закатился вдаль,
Окрестив худые ноги,
Схоронив печаль.

1906

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

ВЫБОР

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводам тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не избежнешь ты доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: — несравненное право
Самому выбирать свою смерть.

ВОРОТА РАЯ

Не семью печатями алмазными
В Божий рай замкнулся вечный вход,

Он не манит блеском и соблазнами,
И его не ведает народ.

Это дверь в стене, давно заброшенной,
Камни, мох, и больше ничего,
Возле нищий, словно гость непрощенный,
И ключи у пояса его.

Мимо едут рыцари и латники,
Трубный вой, бряцанье серебра,
И никто не взглянет на привратника,
Светлого апостола Петра.

Все мечтают: «Там у Гроба Божия
Двери рая вскроются для нас,
На горе Фаворе, у подножия
Прозвенит обетованный час».

Так проходит медленное чудище,
Зывая, трубит звонкий рог,
И апостол Петр в дырявом рубище,
Словно нищий, бледен и убог.

ХРИСТОС

Он идет путем жемчужным
По садам береговым,
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!
Вас зову Я навсегда.
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.

Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши.

Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды. —
Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды.

Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отрадно будет Сыну
В Доме Нежного Отца».

Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За искателем небес.

1910

Одиноко-незрячее солнце смотрело на страны,
Где безумье и ужас от века застыли на всем,

Где гора в отдалении казалась взъерошенным псом,
Где клокочущей черною медью дышали вулканы.

Были сумерки мира.

Но на небе внезапно качнулась широкая тень,
И кометы, что мчались, как волки свирепы и грубы,
И сшибались друг с другом, оскалив железные зубы,
Закружились, встревоженным воем приветствуя день.

Был испуг ожидания.

И в терновом венке, под которым сочилась кровь,
Вышла тонкая девушка, нежная в синем сиянии,
И серебряным плугом упорную взрезала новь,
Сочетанья планет ей назначили имя: Страданье.

Это было спасенье.

СЛОВО

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял Лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро, и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только Слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это — Бог.

Мы Ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ

Идущие с песней в бой,
Без страха — в свинцовый дождь.
Вас Георгий ведет святой —
Крылатый и мудрый вождь.
Пылающий меч разит
Средь ужаса и огня.
И звонок топот копыт
Его снегового коня...

Он тоже песню поет —
В ней слава и торжество.
И те, кто в битве падет,
Услышат песню его.
Услышат в последний час
Громовый голос побед.
Зрачкам тускнеющих глаз
Блеснет немеркнущий свет!

**ВЛАДИСЛАВ
ХОДАСЕВИЧ**

ПИЛАТ

М.

Заслышав голос прорицанья,
Я Сына Божия казнил.
Хвалите Бога за избранье!
Меня покой не соблазнил.

О, вынул тот жестокий жребий,
Кто над Царем взнесет удар!
Но разве не был в дальнем небе
На землю сброшенный Икар?

Омыты руки пред толпою,
Но перед Небом я — судья, —
Кровавых пятен с них не смою! —
Я ими свят. Несись, ладья!

Тому, кто верен Вечной Воле,
Дорогой торной не идти.
Отныне я — единый в поле,
На непродолженном пути.

Стучался я у тайной двери.
За ней — спасенье или смерть.

И мне в неколебимой вере
Предстала вскрывшаяся твердь.

И ныне знаю: в час желанный —
За миг мученья — вознесусь.
Последней Правдой осиянный,
Меня обнимет Иисус!

15-16 июля 1905, Лидино

ДИАЛОГ

Дьявол, Вечный Изменник,
Меня возводил на башни.
Говорил: «Мой Высокий Пленник,
Позабудем наш спор вчерашний.

Я не прав был. Прошу прощенья.
Мила мне твоя дорога.
Во мне говорило мщенье —
Странная злость на Бога.

Мне дорог твой гнев вчерашний
И верность святому обету...
Обнявшись, бросимся с башни
Навстречу вечернему свету».

Умолк Небесный Изгнанник.
А я в ответ улыбаюсь.
«Я отныне Твой вечный данник,
во всем Тебе покоряюсь.

Сегодня я — вольный Изменник,
Мне незачем падать с башни.
Я — твой добровольный пленник.
Отвергнут мой Бог — вчерашний».

15 мая 1906, Лидино

ПУТЕМ ЗЕРНА

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

23 декабря 1917

Мечта моя! Из Вифлеемской дали
Мне донеси дыханье тех минут,
Когда еще и пастухи не знали,
Какую весть им Ангелы несут.

Всё было там убого, скудно, просто:
Ночь; душный хлев; тяжелый храп быка.
В углу осел, замученный коростой,
Чесал о ясли впалые бока.

А в яслях... Нет, мечта моя, довольно:
Не искушай кощунственный язык!
Подумаю — и стыдно мне, и больно:
О чем, о чем он говорить привык!

Не мне сказать...

Январь 1920, ноябрь 1922

**СЕРГЕЙ
ЛЯПУСТИН**

**ПАСХАЛЬНЫЙ
ПРИВЕТ ВОИНАМ**

Христос Воскресе, воины,
Защитники, хранители!
Привет вам шлют все с родины,
Чужие и родители.
За вас несут мольбы Творцу,
Владычице, Угодникам, —
Скорее чтоб пришел к концу
Победы час сородникам.
В Святую Ночь Пасхальную
Все мысленно с любовью
Ушли в сторонку дальнюю,
Где жертвует брат кровию.
Христос Воскресе, воины,
Борцы за Русь могучую!
Лобзанья шлют вам с Родины
И благодарность жгучую!

МОЛИТВА В ХРАМЕ

Как хорошо с душой открытой,
С душою искренней, простой,
Без мысли злобной и сокрытой
Придти молиться в храм святой,

И там внимать словам священным,
На Лик Спасителя взирать,
И с сердцем кротким и смиренным
Пред Ним колена преклонять.

Богатым, бедным открывает
Покой и радость Божий храм,
И пенье дивное ласкает
Собой молящихся всех там.

Иди же, брат, с душой открытой,
С душою искренней, простой,
Без мысли злобной и сокрытой —
Иди молиться в храм святой.

Е. ГАНЕЦКИЙ

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Святая ночь! Плеяды звезд, мерца,
Плывут в эфире голубом.
Бледнеет диск высот... Чу! Ангел рая
Лучистым шевельнул крылом.

И от святынь обители нетленной
Спешит к земле посол небес...
И он гласит во все концы вселенной:
«Христос Воскрес! Христос Воскрес!»

Но дольний мир заглох в борьбе бесправной:
Ответа нет на горний зов...
Лишь на Руси великой, Православной —
Пасхальный зов колоколов.

Здесь ждут его... Душе простой, смиренной
Так внятен смысл его словес!
И он гласит во все концы вселенной:
«Христос Воскрес! Христос Воскрес!»

Страна родная! Бег войны кровавой
И на тебе оставил след...
Но духом ты крепка. С бессмертной славой
Да зреет лавр твоих побед!

Восстанешь ты, в лучах весны бессмертной,
Для возрождения чудес.
И он гласит во все концы вселенной:
«Христос Воскрес! Христос Воскрес!»

**НИКОЛАЙ
БАЙКОВ**

НА МОТИВ 6 ПЕСНИ КАНОНА

Житейское море
Кипит и шумит;
Бездонное горе
Пред взором стоит.
 Буря напастей
 Так страшно ревет,
 И вихорь злосчастный
 Мой парус уж рвет.
Но к пристани тихой
Я челн устремил
И душу молитвой
К Творцу укрепил.
 Взываю с надеждой:
 «Спаси, заступи
 И в край безмятежный
 От тли возведи».
И верю, что будет
Спасения день, —
Скорбь жизни минует,
Промчится, как тень.

1917

**МИХАИЛ
ЗАПОЛЬСКИЙ**

ПЕСНИ ДЕРЕВНИ

<...>

Каждый должен чтить
Память ближнего,
Вспоминать о нем
Пред иконою.
Только в той семье
Лад и радости,
Где живет Господь,
Матерь Божия;
Где идут ко сну
С крестным знаменем
И встают от сна
Лишь с молитвою.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Легкой жизни я просил у Бога:
Посмотри, как мрачно все кругом.
Бог ответил: подожди немного,
Ты Меня попросишь о другом.

Вот уже кончается дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить...
Легкой жизни я просил у Бога,
Легкой смерти надо бы просить.

**СЕРГЕЙ
БЕХТЕЕВ**

МОЛИТВА*

*Посвящается Их Императорским
Высочествам Великим Княжнам
Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне*

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже Правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбления,
Христос Спаситель, помоги!
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов

* Авторство этого текста приписывалось также Великой Княгине Ольге Романовой, поскольку он был найден в ее бумагах после злодейской казни Царской Семьи.

Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

СВЯТАЯ НОЧЬ

*Слава в вышних Богу, и на земли
мир, в человецех благоволение!*

(Лк. 2: 14)

Ночь и мороз на дворе;
Ярко созвездья горят;
В зимнем седом серебре
Молча деревья стоят.
Дивен их снежный убор:
Искр переливчатый рой
Радует трепетный взор
Дивной стоцветной игрой.
Блещут в Тобольске огни,
В мраке сверкая, дрожат;
Здесь в заточеньи Они
Скорбью Монаршей скорбят.
Здесь, далеко от людей,
Лживых и рабских сердец,
В страхе за милых Детей,
Спит их Державный Отец.
Искрятся звезды, горя,
К окнам изгнанников льнут,
Смотрят на ложе Царя,
Смотрят и тихо поют:
«Спи, Страстотерпец Святой,
С кротким Семейством Своим;

Ярким венцом над Тобой
Мы величаво горим.
Спи, покоряясь судьбе,
Царь побежденной страны;
Ночь да откроет Тебе
Вещие, светлые сны.
Спи без тревог на челе
В тихую ночь Рождества:
Мы возвещаем земле
Дни Твоего торжества.
Светочи ангельских слез
Льются, о правде скорбя;
Кроткий Младенец Христос
Сам охраняет Тебя!»

24 декабря 1917

У КРЕСТА

Шумит народ, тупой и дикий,
Бунтует чернь. Как в оны дни,
Несутся яростные крики:
«Распни Его, Пилат, распни!
Распни за то, что Он смиренный,
За то, что кроток Лик Его.
За то, что в благодати презренной
Он не обидел никого.
Взгляни — Ему ли править нами,
Ему ли, жалкому, карать!
Ему ли кроткими устами

Своим рабам повелевать!
Бессилен Он пред общей ложью,
Пред злобой, близкой нам всегда,
И ни за что к Его подножью
Мы не склонимся никогда!»
И зло свершилось! Им в угоду
Пилат оправдан и омыт,
И на посмешище народу
Царь оклеветан... и... убит!

.....
Нависла мгла. Клубятся тени.
Молчат державные уста.
Склонись, Россия, на колени
К подножью Царского Креста!

Королевство С.Х.С., 1921

НЕМНОГИМ

*Блажени изгнани правды ради:
яко тех есть Царство Небесное.*

(Мф. 5: 10)

Блажен, кто в дни борьбы мятежной,
В дни общей мерзости людской,
Остался с чистой, белоснежной,
Неопороченной душой.
Блажен, кто в годы преступлений,
Храня священный идеал,
От повседневных искушений
Умом и сердцем устоял.

Блажен, кто, вписывая повесть
В скрижали четкие веков,
Сберег, как девственница, совесть
И веру дедов-стариков.
Блажен, кто Родину не предал,
Кто на Царя не восставал,
Кто чашу мук и слез изведal,
Но малодушно не роптал.

Май 1921

МОЯ ВЕРА

Не должен, не может
Народ мой великий
Бесовское рабство влачить,
Он все одолеет, он все превозможет,
Сумеет себя воскресить.

Он встанет из праха,
Воспрянет из тленья,
С очищенной скорбью душой,
Познавший обиды и ужас паденья
В пучине крамолы людской.

Ведомый ко благу Господней десницей,
Сквозь дебри житейских невзгод,
Он встанет, как Лазарь,
Из смрадной гробницы,
И к Божиим стопам припадет.

1 мая 1931

НАШЕ ЦАРСТВО

В мире скорбны будете, но держайте!

(Слова Спасителя)

Наше Царство теперь
Не от мира сего.
У нас отнято все,
У нас нет ничего.
Нет ни пяди земли,
Нет роскошных палат,
Нет богатств родовых,
Услаждавших наш взгляд,
Все повержено в прах,
Все затоптано в грязь,
И порвалась навек
С жизнью прошлою связь.
Разлетелись, как дым,
Идеалов мечты,
Нет стремлений былых,
Нет былой красоты.
По насмешке шальной
Беспощадной судьбы —
Мы невольники бед,
Лиходеев рабы.
И в изгнании томясь,
Под жестоким крестом,
В край нездешний идем
Мы вослед за Христом.

1946

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

ПАСХАЛЬНЫЙ ГИМН

Христос Воскресе! Христос Воскресе!
Сон смерти — глуше, чем спит скала...
Поют победу в огне экспрессий,
Поют Бессмертье колокола.

Светло целуйте уста друг другу,
Последний нищий — сегодня Крез...
Дорогу сердцу к святому Югу! —
Христос Воскресе! Христос Воскресе!

Февраль 1910

ПАСХА В ПЕТЕРБУРГЕ

Гиацинтами пахло в столовой,
Ветчиной, куличом и мадерой,
Пахло вешнею Пасхой Христовой,
Православною русскою верой.

Пахло солнцем, оконною краской
И лимоном от женского тела,
Вдохновенно-веселою Пасхой,
Что вокруг колокольно гудела.

И у памятника Николая
Перед самой Большою Морскою,
Где была из торцов мостовая,
Просмоленную пахло доскою.

Из-за вымытых к празднику стекол,
Из-за рам без песка и без ваты
Город топал, трезвонил и цокал,
Целовался, восторгом объятый.

Было сладко для чрева и духа,
Юность мчалась, цветы приколовши.
А у старцев, хотя было сухо,
Шубы, вата в ушах и галоши...

Поэтичность религии, где ты?
Где поэзии религиозность?
Все «бездельные» песни пропеты,
«Деловая» отныне серьезность...

Пусть нелепо, смешно, глуповато
Было в годы мои молодые,
Но зато было сердце объято
Тем, что свойственно только России!

1926

**АННА
АХМАТОВА**

МОЛИТВА

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

1915

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал — истратил слишком много.
Неистошима только синева
Небесная и милосердье Бога.

1916

РАСПЯТИЕ

(Из поэмы «Реквием»)

Не рыдай Мене, Мати, во гробу сущу.

I

Хор Ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.

Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»,
А Матери: «О, не рыдай Мене...»

II

Магдалина билась и рыдала.
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

1940–43

В каждом древе распятый Господь,
В каждом колосе Тело Христово,
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.

1946

**БОРИС
ПАСТЕРНАК**

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА

Стояла зима.
Дул ветер из степи.
И холодно было Младенцу в вертепе
На склоне холма.

Его согревало дыхание вола.
Домашние звери
Стояли в пещере,
Над яслями теплая дымка плыла.

Доху отряхнув от постельной трухи
И зернышек проса,
Смотрели с утеса
Спросонья в полночную даль пастухи.

Вдали было поле в снегу и погост,
Ограды, надгробья,
Оглобля в сугробе,
И небо над кладбищем, полное звезд.

А рядом, неведомая перед тем,
Застенчивей плошки
В оконце сторожки,
Мерцала звезда по пути в Вифлеем.

Она пламенела, как стог, в стороне
От неба и Бога,
Как отблеск поджога,
Как хутор в огне и пожар на гумне.

Она возвышалась горящей скирдой
Соломы и сена
Средь целой вселенной,
Встревоженной этою новой звездой.

Растущее зарево рдело над ней
И значило что-то,
И три звездочета
Спешили на зов небывалых огней.

За ними везли на верблюдах дары.
И ослики в сбруе, один малорослей
Другого, шажками спускались с горы.

И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали все пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры,
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы.

Весь трепет затепленных свечек, все цепи,
Все великолепье цветной мишуры...
...Все злей и свирепей дул ветер из степи...
...Все яблоки, все золотые шары.

Часть пруда скрывали верхушки ольхи,
Но часть было видно отлично отсюда
Сквозь гнезда грачей и деревьев верхи.
Как шли вдоль запруды ослы и верблюды,
Могли хорошо разглядеть пастухи.

— Пойдемте со всеми, поклонимся чуду, —
Сказали они, запахнув кожухи.

От шарканья по снегу сделалось жарко.
По яркой поляне листьями слюды
Вели за хибарку босые следы.
На эти следы, как на пламя огарка,
Ворчали овчарки при свете звезды.

Морозная ночь походила на сказку,
И кто-то с навьюженной снежной гряды
Все время незримо входил в их ряды.
Собаки брели, озираясь с опаской,
И жались к подпаску, и ждали беды.

По той же дороге, чрез эту же местность
Шло несколько Ангелов в гуще толпы.
Незримыми делала их бестелесность,
Но шаг оставлял отпечаток стопы.

У камня толпилась орава народу.
Светало. Означились кедров стволы.
— А кто вы такие? — спросила Мария.

— Мы племя пастушье и неба послы,
Пришли вознести Вам Обоим хвалы.
— Всем вместе нельзя. Подождите у входа.

Средь серой, как пепел, предутренной мглы
Топтались погонщики и овцеводы,
Ругались со всадниками пешеходы,
У выдолбленной водопойной колоды
Ревели верблюды, лягались ослы.

Светало. Рассвет, как пылинки золы,
Последние звезды сметал с небосвода.
И только волхвов из несметного сброда
Впустила Мария в отверстие скалы.

Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба,
Как месяца луч в углубленье дупла.
Ему заменяли овчинную шубу
Ослиные губы и ноздри вола.

Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.
Вдруг кто-то в потемках, немного налево
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянулся: с порога на Деву,
Как гостя, смотрела звезда Рождества.

1947

ГЕФСИМАНСКИЙ САД

Мерцаньем звезд далеких безразлично
Был поворот дороги озарен.
Дорога шла вокруг горы Масличной,
Внизу под нею протекал Кедрон.

Лужайка обрывалась с половины.
За нею начинался Млечный Путь.
Седые серебристые маслины
Пытались вдаль по воздуху шагнуть.

В конце был чей-то сад, надел земельный.
Учеников оставив за стеной,
Он им сказал: «Душа скорбит смертельно,
Побудьте здесь и бодрствуйте со Мной».

Он отказался без противоборства,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства,
И был теперь, как смертные, как мы.

Ночная даль теперь казалась краем
Уничтоженья и небытия.
Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом для житья.

И, глядя в эти черные провалы,
Пустые, без начала и конца,

Чтоб эта чаша смерти миновала,
В поту кровавом Он молил Отца.

Смягчив молитвой смертную истому,
Он вышел за ограду. На земле
Ученики, осиленные дремой,
Валялись в придорожном ковыле.

Он разбудил их: «Вас Господь сподобил
Жить в дни Мои, вы ж разлеглись, как пласт.
Час Сына Человеческого пробил.
Он в руки грешников Себя предаст».

И лишь сказал, неведомо откуда
Толпа рабов и скопище бродяг,
Огни, мечи и впереди — Иуда
С предательским лобзаньем на устах.

Петр дал мечом отпор головорезам
И ухо одному из них отсек.
Но слышит: «Спор нельзя решать железом,
Вложи свой меч на место, человек.

Неужто тьмы крылатых легионов
Отец не снарядил бы Мне сюда?
И волоска тогда на Мне не тронув,
Враги рассеялись бы без следа.

Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.

Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.

Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного ее величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко Мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты».

1949

МАГДАЛИНА

I

Чуть ночь, мой демон тут как тут,
За прошлое моя расплата.
Придут и сердце мне сосут
Воспоминания разврата,
Когда, раба мужских причуд,
Была я душой бесноватой
И улицей был мой приют.

Осталось несколько минут,
И тишь наступит гробовая.
Но, раньше чем они пройдут,
Я жизнь свою, дойдя до края,

Как алавастровый сосуд,
Перед Тобою разбиваю.

О, где бы я теперь была,
Учитель мой и мой Спаситель,
Когда б ночами у стола
Меня бы вечность не ждала,
Как новый, в сети ремесла
Мной завлеченный посетитель.

Но объясни, что значит грех,
И смерть, и ад, и пламень серный,
Когда я на глазах у всех
С Тобой, как с деревом побег,
Срослась в своей тоске безмерной.

Когда Твои стопы, Иисус,
Оперши о свои колени,
Я, может, обнимать учусь
Креста четырехгранный брус
И, чувств лишаясь, к Телу рвусь,
Тебя готовя к погребенью.

1949

МАГДАЛИНА

II

У людей пред праздником уборка.
В стороне от этой толчеи
Обмываю миром из ведерка
Я стопы пречистые Твои.

Шарю и не нахожу сандалий.
Ничего не вижу из-за слез.
На глаза мне пеленой упали
Пряди распутившихся волос.

Ноги я Твои в подол уперла,
Их слезами облила, Исус,
Ниткой бус их обмотала с горла,
В волосы зарыла, как в бурнус.

Будущее вижу так подробно,
Словно Ты его остановил.
Я сейчас предсказывать способна
Вещим ясновиденьем сивилл.

Завтра упадет завеса в храме,
Мы в кружок собьемся в стороне,
И земля качнется под ногами,
Может быть, из жалости ко мне.

Перестроятся ряды конвоя,
И начнется всадников разъезд.
Словно в бурю смерч, над головою
Будет к небу рваться этот крест.

Брошусь на землю у ног распятыя,
Обомру и закушу уста.
Слишком многим руки для объятья
Ты раскинешь по концам креста.

Для кого на свете столько шири,
Столько муки и такая мощь?
Есть ли столько душ и жизней в мире?
Столько поселений, рек и рощ?

Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до Воскресенья дорасту.

1949

ДУРНЫЕ ДНИ

Когда на последней неделе
Входил Он в Иерусалим,
Осанны навстречу гремели,
Бежали с ветвями за Ним.

А дни все грозней и суровей,
Любовью не тронуть сердец,
Презрительно сдвинуты брови,
И вот послесловье, конец.

Свинцовою тяжестью всею
Легли на дворы небеса.
Искали улик фарисеи,
Юля перед Ним, как лиса.

И темными силами храма
Он отдан подонкам на суд,

И с пылкостью тою же самой,
Как славили прежде, клянут.

Толпа на соседнем участке
Заглядывала из ворот,
Толклись в ожиданье развязки
И тыкались взад и вперед.

И полз шепоток по соседству,
И слухи со многих сторон.
И бегство в Египет и детство
Уже вспоминались, как сон.

Припомнился скат величавый
В пустыне, и та крутизна,
С которой всемирной державой
Его соблазнял сатана.

И брачное пиршество в Кане,
И чуду дивящийся стол,
И море, которым в тумане
Он к лодке, как посуху, шел.

И сборище бедных в лачуге,
И спуск со свечою в подвал,
Где вдруг она гасла в испуге,
Когда воскрешенный вставал...

1949

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Неумолимые слова...
Окаменела Иудея,
И, с каждым мигом тяжелея,
Его поникла голова.

Стояли воины кругом
На страже стынувшего тела;
Как венчик, голова висела
На стебле тонком и чужом.

И царствовал, и никнул Он,
Как лилия в родимый омут,
И глубина, где стебли тонут,
Торжествовала свой закон.

1910

А.В. Карташеву

Среди священников левитом молодым
На страже утренней он долго оставался.
Ночь иудейская сгущалась над ним,
И храм разрушенный утрумо созидался.

Он говорил: небес тревожна желтизна!
Уж над Евфратом ночь: бегите, иереи!
А старцы думали: не наша в том вина —
Се черно-желтый свет, се радость Иудеи!

Он с нами был, когда, на берегу ручья,
Мы в драгоценный лен Субботу пеленали
И семисвечником тяжелым освещали
Ерусалима ночь и чад небытия.

1917

**РЮРИК
ИВНЕВ**

ЗА ЧУЖИМ ГРОБОМ

Гроб несут. Кто был на панихиде,
Тот, должно быть, боль переживал.
Жизнь ушла, а я ее не видел,
Я ее не чувствовал, не знал.

Может быть, она прекрасна,
Как морская, теплая волна,
Вся чиста, и с правдою согласна,
И высокой мудрости полна.

Я невольно слушаю рыдания
Ближних для усопшего людей
И склоняюсь пред чужим страданьем
Ниже, чем пред горестью своей.

1915

ДРЕВНИЙ ХРАМ

Он подобен небесным видениям,
Что, внезапно окаменев,
Предвосхитили чей-то гений,
Древних зодчих найти не сумев.

Впрочем, мало ль здесь рук намозоленных,
Мало ль ног, пропотевших дотла,
В стан убогих и обездоленных
Беспокойная жизнь привела.

Но как ветер гудит несмолкаемо
Над знававшей пожары страной,
Это стон осужденного Каина
В страстных поисках правды самой.

Разве можем назвать мы камнями
Эти стены и грудь площадей?
Это мысль, это — буря и пламя,
Это — вера живая в людей.

Я готов зарыдать от бессилья,
Не объять никогда мне века,
Что живым этот храм сохранили,
А не мертвою грудой песка.

1966

ПЕЧАЛЬ

Печаль бывает хороша,
Когда сменяется надеждой,
Когда воскресшая душа
С любовью открывает вежды.

Когда вокруг свежо, светло,
Когда за тучею утрюмой,

Как отмирающее зло,
Уходят горестные думы.

Печаль бывает хороша,
Когда она совсем исчезнет,
Когда воскресшая душа
Лишь приобщится к темной бездне,

Чтоб снова вспыхнуть от огня,
Чтоб вновь и вновь нестись в лазури,
Как жемчуг, в памяти храня
Воспоминание о буре.

1974

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

МОЛИТВА

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты Мудрый, Ты не скажешь строго:
«Терпи, еще не кончен срок».
Ты Сам мне подал — слишком много!
Я жажду сразу — всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой — день вчерашний,
Чтоб был безумьем — каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и краски,
Моя душа — мгновений след...
Ты дал мне детство — лучше сказки
И дай мне смерть — в семнадцать лет!

1909

РАСПЯТИЕ

Ты помнишь? Розовый закат
Ласкал дрожащие листы,
Кидая луч на темный скат
И темные кусты.

Лилось заката торжество,
Смывая боль и тайный грех,
На тельце нежное Того,
Кто был распят за всех.

Закат погас; в последний раз
Блеснуло золото кудрей
И так светло взглянул на нас
Малютка Назорей.

Мой друг, незнанием томим,
Ты вдаль шагов не устремил:
Там правды нет! Будь вечно с Ним
И с нежными детьми.

И, если сны тебе велят
Идти к «безвестной красоте»,
Ты вспомни безответный взгляд
Ребенка на Кресте.

1910 – 1911

В день Благовещенья
Руки раскрещены,
Цветок полит чахнувший,
Окна настежь распахнуты, —
Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Подтверждаю торжественно:
Не надо мне ручных голубей, лебедей, орлят!
Летите — куда глаза глядят
В Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Улыбаюсь до вечера,
Распростившись с друзьями пернатыми.
— Ничего для себя не надо мне
В Благовещенье, праздник мой!

1916

Над церковкой — голубые облака,
Крик вороний...
И проходят — цвета пепла и песка —
Революционные войска.
Ох ты барская, ты царская моя тоска!
Нету лиц у них и нет имен, —
Песен нету!

Заблудился ты, кремлевский звон,
В этом ветреном лесу знамен.
Помолись, Москва, ложись, Москва,
на вечный сон!

Москва, 2 марта 1917

За Отрока — за Голубя — за Сына,
За царевича младого Алексея
Помолись, церковная Россия!

Очи ангельские вытри,
Вспомяни, как пал на плиты
Голубь углицкий — Димитрий.

Ласковая ты, Россия, мать!
Ах, ужели у тебя не хватит
На него — любовной благодати?

Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка — Алексея!

4 апреля 1917, третий день Пасхи

ВЕСТЬ

Необычайная она! Сверх сил!
Не обвиняй меня пока! Забыл!

Благословенна ты! Велел сказать —
Благословенна ты! А дальше гладь
Такая ровная... Пстой: меж жен
Благословенна ты... А дальше звон
Такой ликующий... Дитя, услышь:
Благословенна ты! А дальше тишь —
Такая....

18 декабря 1921

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

НИЩИЕ ДУХОМ

*Он же сказал: «Иди», — и вышел из лодки.
Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу.*

Мудрость наша — липкость книжной пыли,
Без живого запаха флакон.
Никогда узлов мы не рубили,
Не шагали через Рубикон.

Хитрый, робкий, осторожный табор,
Трех идей томительная нудь, —
Никогда нам, никогда нам за борт
К светлому виденью не шагнуть!

Ящички без всякого секрета,
Всякой мысли куцые концы,
Мы не рыбаки из Назарета
И не мудрецы, а хитрецы.

Руку другу мы не подавали,
Страшным словом насмерть не клялись,
Наши лица в рамочном овале
Кажутся мне мордочками лис.

Нам, как в панцирь, заточенным в муку, —
Краткий день отжевывать в беде,

И не нам протягивает руку
Светлый Бог, идущий по воде!

1938

МОСКВА ПАСХАЛЬНАЯ

В тихих звонах отошла Страстная,
Истекает и субботний день.
На Москву нисходит голубая,
Как бы ускользящая тень.

Но алеет и темнеет запад,
Реют, рдеют вечера цвета,
И уже медвежьей теплой лапой
Заползает в город темнота.

Взмахи ветра влажны и упруги,
Так весенне-ласковы, легки.
Гаснет вечер, и трамваев дуги
Быстрые роняют огоньки.

Суета повсюду. В магазинах
Говорливый, суетливый люд.
Важные посыльные в корзинах
Туберозы нежные несут.

Чтоб они над белоснежной пасхой
И над коренастым куличом
Засияли бы весенней лаской,
Засветились розовым огнем.

Все готово, чтобы встретить праздник,
Ухитрились всюду мы поспеть, —
В каждом доме обонянье дразнит
Вкусная кокетливая снедь.

Яйца блещут яркими цветами,
Золотится всюду «Х» и «В», —
Хорошо предпраздничными днями
Было в белокаменной Москве!

Ночь нисходит, но Москва не дремлет,
Лишь больные в эту ночь уснут,
И не ухо, даже сердце внемлет
Трепету мелькающих минут!

Чуть, чуть, чуть — и канет день вчерашний,
Как секунды трепетно бегут!..
И уже в Кремле, с Тайницкой башни
Прогремит в честь праздника салют.

И взлетят ракеты. И все сорок
Сороков ответно загудят,
И становится похожим город
На какой-то дедовский посад!

На осколок Руси стародавней,
Вновь воскресшей через триста лет...
Этот домик, хлопающий ставней, —
Ведь таких давно нигде уж нет!

Тишина арбатских переулков,
Сивцев Вражек, Балчуг — и опять
Перед прошлым, воскрешенным гулко, —
Век покорно должен отступать.

Две эпохи ночь бесстрастно весит,
Ясен ток двух неслиянных струй.
И повсюду, под «Христос Воскресе!»,
Слышен троекратный поцелуй.

Ночь спешит в сияющем потоке,
Величайшей радостью горя,
И уже сияет на востоке
Кроткая Воскресная заря.

1940

ВЕЛИКИМ ПОСТОМ

Как говорит внимательный анализ, —
За четверть века беженской судьбы
(Не без печали и не без борьбы)
От многого мы все же отказались.

Но веру нашу свято мы храним,
Мы прадедовский бережем обычай,
И мы потерь не сделали добычей
То, что считаем русским и святым.

Хотя бы взять начальные недели
Вот этого Великого поста:

Мы снова у подножия Креста.
Постимся мы... говеем, отговели.

Чем нам трудней, тем крепче вера в нас.
И в этом, думается, наша сила:
Как древних предков, нас благословила
Твоя рука, Нерукотворный Спас!

С какою бы гримасою суровой
Грядущий день не выходил из тьмы,
Но русской вере не изменим мы
И не забудем языка родного!

1944

АЛЕКСАНДР СОЛОВЬНИКОВ

Пророчески сбылись библейские слова,
И ни одно из них не прозвучало праздно.
Открылось, что во всех подробностях права
Была история великого соблазна.
Какую слышал речь от змия человек?
— Как Боги будете, вкусив плоды познания!
Не то ли слышим мы в космический наш век,
Хозяйски заглянув в глубины мироздания
И тайну атома уразумев вполне?
А что затем? — Гибель в огне?
Не захотели мы припасть к Кресту Голгофы
И мчимся к рубежам всемирной катастрофы.

СВЯТИТЕЛИ

Они лежат в своих гробницах
Под сводом вековых громад,
В кругу погашенных лампад,
А мимо них бездумно мчится
Маршрутом храмов и палат
Экскурсий торопливый ряд.

Бегут толпы слепые дети,
На что укажут — поглядят.

Им не обещано в билете
Явление таинства столетий.
Лежат святители в гробницах,
А мимо них толпа влачится.

Толпа живых — лишь призрак тут,
А погребенные живут,
И обвевают эти стены
Дух непреклонный Гермогена,
Петра, Филиппа и Ионы,
Огонь молитвы их бессонной.

Не спят святители, не спят
В кругу погашенных лампад.
Они целители святые
Души смутившейся России,
Они — завет, они — залог,
Что наш народ не изнемог.

И если хочешь укрепиться
У родника духовных сил,
Приди, чтоб тайно помолиться
Перед святыней их могил.

ЛЮДИ

1

Я не устану славить Бога
За чудеса прожитых дней,
Что так была моя дорога
Полна светящихся людей.

За то, что ими был обласкан,
Общался с ними, говорил
Без опасения, без маски
И радость сердцу находил.

2

Мы в огненном кольце... Людей терзает пламя,
Но праведники в нем не разлучились с нами,
И, словно отроков при вавилонском чуде,
Росою нас кропят светящиеся люди.
Дар Божий — видеть их, узнать, что есть они,
Святые новые в языческие дни.

ПРЕПОДОВНЫЙ СЕРГИЙ

Нас излечит не подъем энергии,
А молитвенно-глубокий взлет.
В чудотворце Радонежском Сергии
Положил я свой оплот.
Черпать воду чашей берестовою,
Сытым быть от малого ломтя,
Чтоб открылась пред душою новою
Глубина и высота.
Как с живыми, говорить с березками
И с лесным медведем, как с ручным.
Сделать руки грубыми и жесткими,
Сердце — нежным и большим.

1920

СЕНТЯБРЬ 1939 ГОДА

В святилище времени доступ
Открылся... Душа зажжена.
Истории тяжкая поступь
В осеннем затишье слышна.

При вешем молчаньи природы,
Под грустные вскрики синиц,
Как листья, кружатся народы,
Взлетают и падают ниц.

И белые крылья молитвы
Взволнованный дух понесли,
Чтоб слушать грядущие битвы
И пенье летящей земли.

РИЗА ГОСПОДНЯ

И в старину, и вчера, и сегодня
Наша земля — это риза Господня.

Благословенна земная плоть —
В тело земное облекся Господь.

Благословенно реки течение —
В ней совершилось Господне крещение.

Радуйся, поле зерна золотого —
Хлебом является Тело Христово.

Радуйся, сок виноградной кисти —
Вином изливается Кровь Евхаристии.

Благословен синеокий лен —
Соткан из льна Господень хитон.

Благословенны земные цветы —
В них видел Христос венец красоты.

Благословенны малые дети —
Им первым обещано Царство в Завете.

Радуйтесь, птиц пернатые стаи —
Сам Дух Святой голубкой витает.

Благословенны земные дороги —
По ним проходили Господни ноги...

И в мысли, что Дух проникает материю —
Нет ни язычества, ни суеверия.

Недаром Господь, исцеляя слепого —
Использовал брение праха земного.

И тяжело больных посылал не к врачам —
А только умыться водой в Силоам.

Доныне в тоске по целительной силе —
Старушка песочек берет на могиле.

И глядя на лик чудотворной иконы —
Кладет с воздыханьем земные поклоны.

И мы припадаем к священным мощам —
От них как-то ближе к бессмертию нам.

Так будь же свята и блаженна Земля —
Долины и горы, моря и поля!

И в старину, и вчера, и сегодня
Земля наша — светлая риза Господня!

Решетка ржавая, спасибо,
Спасибо, старая тюрьма!
Такую волю дать могли бы
Мне только посох да сума.

Мной не владеют больше вещи,
Все затемняя и глуша.
Но солнце, солнце, солнце блещет,
И громко говорит душа.

Запоры крепкие, спасибо!
Спасибо, лезвие штыка!
Такую мудрость дать могли бы
Мне только долгие века.

Не напрягая больше слуха,
Чтоб уцелеть в тревоге дня,
Я слышу все томленье духа
С Екклесиаста до меня.

Спасибо, свет коптилки слабой,
Спасибо, жесткая постель.
Такую радость дать могла бы
Мне только детства колыбель.

Уж я не бьюсь в сетях словесных,
Ища причин добру и злу,
Но чую близость тайн чудесных
И только верю и люблю.

ГЕОРГИЙ
АДАМОВИЧ

Но смерть была смертью. А ночь над холмом
Светилась каким-то нездешним огнем,
И разбежавшиеся ученики
Дышать не могли от стыда и тоски.

А после... Прозрачную тень увидал
Один. Будто имя свое услышал
Другой... И почти уж две тысячи лет
Стоит над землею немеркнувший свет.

Если дни мои, милостью Бога,
На земле могут быть продлены,
Мне прожить бы хотелось немного,
Хоть бы только до этой весны.

Я хочу написать завещанье.
Срок исполнился, все свершено:
Прах — искусство. Есть только страданье,
И дается в награду оно.

От всего отрекаюсь. Ни звука
О другом не скажу я вовек.

Все постыло. Все мерзость и скука.
Нищ и темен душой человек.

И когда бы не это сиянье,
Как могли б не сойти мы с ума?
Брат мой, друг мой, не бойся страданья,
Как боялся всю жизнь его я...

**СЕРГЕЙ
ЕСЕНИН**

МОЛИТВА МАТЕРИ

На краю деревни старая избушка,
Там перед иконой молится старушка.

Молитва старушки сына поминает,
Сын в далеком краю родину спасает.

Молится старушка, утирает слезы,
А в глазах усталых расцветают грезы.

Видит она поле, поле перед боем,
Где лежит убитым сын ее героем.

На груди широкой брызжет кровь, что пламя,
А в руках застывших вражеское знамя.

И от счастья с горем вся она застыла,
Голову седую на руки склонила.

И закрыли брови редкие сединки,
А из глаз, как бисер, сыплются слезинки.

1914

Занеслися залетной пташкой
Панихидные вести к нам.
Родина, черная монашка,
Читает псалмы по сынам.

Красные нити часослова
Кровью окропили слова.
Я знаю, — ты умереть готова,
Но смерть твоя будет жива.

В церквушке за тихой обедней
Выну за тебя просфору,
Помолюся за вздох последний
И слезу со щеки утру.

А ты из светлого рая,
В ризах, белее дня,
Покрестися, как умирая,
За то, что не любила меня.

1915

Я странник убогий.
С вечерней звездой
Пою я о Боге
Касаткой степной.

На шелковом блюде
Опада осин
Послушайте, люди,
Ухлюпы трясин.

Ширком в луговины,
Целуя сосну,
Поют быстровины
Про рай и весну.

Я, странник убогий,
Молюсь в синеву.
На палкой дороге
Ложуся в траву.

Покроюся сладко
Меж росновых бус;
На сердце лампадка,
А в сердце Исус.

1915

За горами, за желтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее поlying,
И обвитый крапивой плетень.

Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,

И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок.

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь —
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.

Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться Любви и Кресту.

Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед Ликом Спасителя
За погибшую душу мою.

1916

СЕЛЬСКИЙ ЧАСОСЛОВ

Вл. Чернявскому

О солнце, солнце,
Золотое, опущенное в мир ведро,
Зачерпни мою душу!
Вынь из кладезя мук
Страны моей.

Каждый день,
Ухватившись за цепь лучей твоих,

Карабкаюсь я в небо.
Каждый вечер
Срываюсь и падаю в пасть заката.

Тяжко и горько мне...
Кровью поют уста...
Снеги, белые снеги —
Покров моей родины —
Рвут на части.

На кресте висит
Его тело,
Голени дорог и холмов
Перебиты...

Волком воет от запада
Ветер...
Ночь, как ворон,
Точит клюв на глаза-озера.
И доскою надкрестную
Прибита к горе заря:
Исус Назарянин
Царь
Иудейский <...>

1918

ВЛАДИМИР НАБОКОВ

ВЛАСТИ

Чу! Крыльев шум... и слуги сатаны
рассеялись пред Ангелами Власти.
И в нас самих, как бурей, сметены
виденья зла, виденья темной страсти.
Шум крыльев, клик... Летят они, трубя,
могучие, багряно-огневые.
Стремясь, гремят их песни грозовые.
Летят они, все грешное губя.
Спускаются, неправых строго судят,
и перед ними падаем мы ниц.
Они блестят, как множество зарниц,
они трубят и души сонных будят.
Открыло им закон Свой Божество,
Царь над царями грозно-величавый,
и в отблеске Его безмерной славы,
шумя, кружатся Ангелы Его.

1918

На годовщину смерти Достоевского

Садом шел Христос с учениками...
Меж кустов, на солнечном песке,

вытканном павлиньими глазками,
песий труп лежал невдалеке.

И резцы белели из-под черной
складки, и зловонным торжеством
смерти заглушен был ладан сладкий
теплых миртов, млеющих кругом.

Труп гниющий, трескаясь, раздулся,
полный склизких, слипшихся червей...
Иоанн, как дева, отвернулся,
сгорбленный поморщился Матфей...

Говорил апостолу апостол:
«Злой был пес, и смерть его нага,
мерзостна...» Христос же молвил просто:
«Зубы у него — как жемчуга...»

МАТЬ

Смеркается. Казнен. С Голгофы отвалив,
спускается толпа, вясь между олив,
подобно медленному змию;
и матери глядят, как под гору, в туман
увещающий уводит Иоанн
седую страшную Марию.

Уложит спать Ее и сам приляжет он,
и будет до утра подслушивать сквозь сон
Ее рыданья и томленье.

Что, если у Нее остался бы Христос
и плотничал, и пел? Что, если этих слез
не стоит наше искупленье?

Воскреснет Божий Сын, сияньем окружен;
у гроба, в третий день, виденье встретит жен,
вотще купивших ароматы;
свещающую плоть ощупает Фома;
от веянья чудес земля сойдет с ума,
и будут многие распяты.

Мария, что Тебе до бреда рыбарей!
Неосвязаемо над горестью Твоей
дни проплывают, и ни в третий,
ни в сотый, никогда не вспрянет Он на зов,
Твой смутный Первенец, лепивший воробьев
на солнцепеке, в Назарете.

1925, Берлин

**ИВАН
САВИН**

РОССИЯ

Вся ты ныне грязная, дикая и темная.
Грудь твоя заплевана, сорван крест в толпе.
Почему ж упорно так жизнь наша бездомная
Рвется к тебе, мечется, бредит о тебе?!
Бич безумья красного иглами железными
Выколол глаза твои, одурманил ум.
И поешь и пляшешь ты,
И кружишь над безднами,
Заметая косами вихри пьяных дум.
Каждый шаг твой к пропасти на чужбине слышен нам.
Смех твой святотатственный — как пощечин град.
В душу нашу, ждущую в трепете обиженном,
Смотрит твой невидящий, твой плюющий взгляд...
Почему ж мы молимся о тебе, к подножию,
Трупами покрытому, горестно склонясь?
Как невесту белую, как невесту Божию,
Ждем тебя и верим в кровь твою и в грязь?!

1922

ВОЗМЕЗДИЕ

Войти тихонько в Божий терем
и, на минуту став нездешним,
позвать светло и просто: Боже!

Но мы ведь, мудрые, не верим
святому чуду. К тайнам вешним
прильнуть, осенние, не можем.

Дурман заученного смеха
и отрицанья бред багровый
над нами властвовали строго.
В нас никогда не пело эхо
Господних труб. Слепые совы
в нас рано выклевали Бога.

И вот он, час возмездья черный,
за жизнь без подвига, без дрожи,
за верность гиблому безверью
перед иконой чудотворной,
за то, что долго терем Божий
стоял с оплеванной дверью!

1923

Оттого высоки наши плечи,
А в котомках акриды и мед,
Что мы, грозной дружины предтечи,
Славословим крестовый поход.

Оттого мы в служеньи суровом
К Иордану святому зовем,
Что за нами, крестьящими словом,
Будет воин, крестьящий мечом.

Да взлетят белокрылые латы!
Да сверкнет золотое копье!
Я, немеркнувшей славы глашатай,
Отдал Господу сердце свое...

Да придет!.. Высокие плечи
Преклоняя на белом лугу,
Я походные песни, как свечи,
Перед ликом России зажгу.

1923

Законы тьмы неумолимы.
Непререкаем хор судеб.
Все та же гарь, все те же дымы,
Все тот же выплаканный хлеб.

Рука протянутая молит
О капле солнца. Но сосуд
Небесной милостыни пролит.
Но близок нелукавый суд.

Рука дающего скудеет:
Полмира по миру пошло...
И снова гарь, и вновь тускнеет
Когда-то светлое чело.

Мне недруг стал единоверцем:
Мы все, кто мог и кто не мог,

Маячим выветренным сердцем
На перекрестках всех дорог.

Сегодня лед дорожный ломок,
Назавтра злая встанет пыль,
Но так же жгуч ремень котомок
И тяжек нищенский костыль.

А были буйные услады
И гордой молодости лёт...
Подайте жизни, Христа ради,
Рыдающему у ворот!

1924

**ПЕТР
ЕВГРАФОВ**

Пойду опять один степями,
В сияньи солнечных лучей,
И буду славить тропарями
Красу Творцом зажженных дней!

И буду жить, как тихий инок,
Простором выси голубой,
Внимая лепету былинки
Над изумрудною межой!

И буду знать, что трепет вешний
Разлитой всюду полноты
Есть отражение нездешней,
Святой, нетленной красоты!

**ИЛЬЯ
ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ**

Шестикрылая мучит душа
Безнадежно двурукое тело.
Дальнозоркое сердце, спеша,
Покидает родные пределы.

Разум мерит вседневный обман;
Прорастает сознание глухо.
Только знаю: придет Иоанн
Переставить светильники духа.

**ВАРЛАМ
ШАЛАМОВ**

Потухнут свечи восковые
В еще не сломанных церквах,
Когда я в них войду впервые
Со смертной пеной на губах.

Меня несут, как плащаницу,
Как легкий шелковый ковер.
И от врачей и от больницы
Я отвращу свой мутный взор.

И тихо я дышу на ладан,
Едва колебля дым кадил.
И больше думать мне не надо
О всемогуществе могил.

**ВЕРА
БОБРИНСКАЯ**

ПАСХА В ЛАГЕРЕ, 1931 год

Ветер тучи сорвал и развеял их прочь,
И пахнуло теплом от земли,
Когда встали они и в Пасхальную ночь
Из бараков на поле пришли.

В исхудалых руках — ни свечей, ни креста,
В телогрейках — не в ризах — стоят...
Облечением стала для них темнота,
А их души, как свечи, горят.

Но того торжества на всем лике земли
Ни один не услышал собор,
Когда десять епископов службу вели
И гремел из священников хор.

Когда снова и снова на страстный призыв
Им поля отвечали окрест:
«Он воистину с нами! Воистину — жив!»
И сверкал искупительный Крест.

ИЮЛЬ 1988 года

Нет, недаром гроза бушевала,
Над Москвой черной тучей прошла,

Грязь и нечисть с асфальта смывала,
Жестким градом по окнам стекла.

И казалось, навек позабытый,
В вихре вздорных желаний и дел,
Над Россией, грозою омытой,
Снова «Верую» гром прогремел.

И, очнувшись, страна задрожала,
Тянет руку, чтоб крест положить.
Слишком долго томила, молчала;
Трудно будет молиться и жить.

1988

**АЛЕКСАНДР
ПРОКОФЬЕВ**

КИЖИ

М.К. Малышеву

На заветном острове,
На высоком месте
Церковь эту выстроил
Мастер Нестер.

Двадцатидвуглавое
Он поставил чудо,
И видеть его дано
Всем и отовсюду.

И, когда последний купол
Мастер вынес в небо, —
Он забросил свой топор
В бурную Онегу.

И взлетели, как стрижи,
Огненные зори.
Вот и все.
Стоят Кижы
На Онежском море!

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

ВЕСНА В МИСХОРЕ

Иудино дерево

Когда, страдая от простуды,
Ай-Петри высится в снегу,
Кривое деревце Иуды
Цветет на южном берегу.
Весна блуждает где-то рядом,
А из долин уже глядят
Цветы, напитанные ядом
Коварства, горя и утрат.

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

Ангел, дней моих хранитель,
С лампой в комнате сидел.
Он хранил мою обитель,
Где лежал я и болел.

Обессиленный недугом,
От товарищей вдали,
Я дремал. И друг за другом
Предо мной виденья шли.

Снилось мне, что я младенцем
В тонкой капсуле пелен

Иудейским поселенцем
В край далекий привезен.

Перед Иродовой бандой
Трепетали мы. Но тут
В белом домике с верандой
Обрели себе приют.

Ослик пасся близ оливы,
Я резвился на песке.
Мать с Иосифом, счастливы,
Хлопотали вдалеке.

Часто я в тени у сфинкса
Отдыхал, и светлый Нил,
Словно выпуклая линза,
Отражал лучи светил.

И в неясном этом свете,
В этом радужном огне
Духи, Ангелы и дети
На свирелях пели мне.

Но когда пришла идея
Возвратиться нам домой
И простерла Иудея
Перед нами образ свой —

Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,

Где ложились на трущобу
Тень Распятого в горах, —

Вскрикнул я и пробудился...
И у лампы близ огня
Взор твой ангельский светился,
Устремленный на меня.

1955

Во многом знании — немалая печаль,
Так говорил творец Экклезиаста.
Я вовсе не мудрец, но почему так часто
Мне жаль весь мир и человека жаль?

Природа хочет жить, и потому она
Мильоны зерен скармливает птицам,
Но из миллиона птиц к светилам и зарницам
Едва ли вырывается одна.

Вселенная шумит и просит красоты,
Кричат моря, обрызганные пеной,
Но на холмах земли, на кладбищах вселенной
Лишь избранные светятся цветы.

Я разве только я? Я — только краткий миг
Чужих существований. Боже Правый,
Зачем Ты создал мир, и милый и кровавый,
И дал мне ум, чтоб я его постиг!

1957

**ДАНИИЛ
АНДРЕЕВ**

КАМЕННЫЙ СТАРЕЦ

Когда ковчегом старинной веры
Сиял над столицей Храм Христа,
Весна у стен его, в тихих скверах,
Была мечтательна и чиста.

Привычкой радостною влекомый,
Обычай отроческий храня,
К узорным клумбам, скамье знакомой
Я приходил на исходе дня.

В кустах жасмина звенели птицы,
Чертя полет к золотым крестам,
И жизни следующую страницу
Я перелистываю тихо там.

Я полюбил этот час крылатый,
Открытый солнечному стиху,
И мудрость тихую белых статуй
Над гордым цоколем, наверху.

Меж горельефов, едва заметен,
Затерян в блещущей вышине,
Один святитель, блажен и светел,
Стал дорог, мил и понятен мне.

На беломраморных закомарах,
С простым движеньем воздетых рук,
Он бдил над волнами улиц старых,
Как покровитель, как тайный друг.

Мой белый старец! Наставник добрый!
Я и на смертной своей заре
Не позабуду твой мирный образ
И руки, поднятые горе.

1933

Из обездоленности,
Сирой оставленности,
Силою веры стяжав ореол,
Полон намоленности,
В волны прославленности
Белым ковчегом Собор отошел.

Вся вековая моя
Русь просветляемая
Столько столетий в несчетных сердцах, —
Молит о крае моем,
Плачет о крае моем
И не утешится в райских венцах!

Выйди на кровлю свою,
Встань надо всхолмиями,
Грады и веси очами измерь —
Все это — кровью вспою,

Все это молниями
Испепелю — говорит этот Зверь.

Стань над разводами
Иль на откос пойдй,
Землю целуй в тишине гробовой:
Час бьет над Родиною!
Смилуйся, Господи!
Срок ее мук сократи роковой!

**ДМИТРИЙ
КЕДРИН**

КОЛОКОЛА

Видно, вправду скоро сбудется
То, чего душа ждала:
Мне весь день сегодня чудится,
Что звонят колокола.

Только двери в храме закрыты.
Кто б там стал трезвонить зря?
Не видать дьячка на паперти
И на вышке звонаря.

Знать, служение воскресное
Не у нас в земном краю:
То звонят чины небесные
По душе моей в раю.

1941

**АРСЕНИЙ
ТАРКОВСКИЙ**

Просыпается тело,
Напрягается слух.
Ночь дошла до предела,
Крикнул третий петух.

Сел старик на кровати,
Заскрипела кровать.
Было так при Пилате.
Что теперь вспоминать.

И какая досада
Сердце точит с утра?
И на что это надо —
Горевать за Петра?

Кто всего мне дороже,
Всех желаннее мне?
В эту ночь — от кого же
Я отрекся во сне?

Крик идет петушиный
В первой утренней мгле
Через горы-долины
По широкой земле.

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

Душа стремится вглубь, к первоосновам
Всех радостей земных и всех забот,
Туда, где хлеб насущный наш растет
И бродят сказки по борам сосновым.

Туда, где стыдно жить на всем готовом,
Где совесть отпущенья не дает,
Коль промолчишь, воды набравши в рот,
Пред ложью, что святым прикрылась словом.

Зато припавший к струям родниковым
В свой лучший час там силу обретет
Нежданных не бояться непогод,
Быть до конца и добрым и суровым.
Душа стремится вглубь, к первоосновам
Всех радостей земных и всех забот.

1965

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Возможно ль высказать без слов,
Как мир прекрасен за оградой?
И кисть берет Андрей Рублев,
Разводит краски под лампадой.

Он ангельский напишет лик,
Запечатлеет в нем навеки
Всё, что узрел, душой велик,
Возвышенного в человеке.

Свершить обет пришла пора,
Любовь превыше хитрых правил...
Чему учили мастера,
А в этом сам народ наставил.

Он твердо верит: человек
Явился в мир не для печали,
И пьет из тех чистейших рек,
Что в сердце с детских лет журчали.

Суров монашеский приют,
И тишина душе желанна,
А краски дивные поют
Всему живущему: «Осанна!»

1958

НИКОЛАЙ
СТЕФАНОВИЧ

Господь! Начало всех начал!
Мгновенье было ли такое,
Когда б Тебе не докучал
Я без конца своей тоскою?

Лишь раз был вечер —
полный сил,
Такой прозрачный и хороший,
И я Тебя благодарил,
Смеясь и хлопая в ладоши...

Чтоб снять тяжелую вину
Моих грехов, обманов,
бредней —
Я прямо с этого начну,
Когда явлюсь на Суд последний.

Если в мир возвратятся усопшие,
А могилы растают, как дым, —
Воскресение это всеобщее
Нам покажется очень простым.

Ни Архангелов белых, ни ладана,
Только встреча, и то второпях,
В переулке, неожиданно-негаданно,
С тем, кого схоронили на днях...

Все свершится совсем не торжественно,
Словно тут ни к чему торжество, —
Будет скромным Второе Пришествие,
Мы не сразу заметим его.

**АЛЕКСАНДР
ЯШИН**

ДУША

Странно:
Дышим — идет парок.
Говорят: душа показалась.
Как я этому верить мог —
Неужели ж только парок?
Не такой душа представлялась.

Улетучилась,
Не уберег —
Ничего в груди не осталось.

Пустота,
Хоть шаром покати,
Только ребра торчат, как стропила.
Отчего же не легче в груди?
Что в ней все-таки раньше было?..

1966

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

ХРАМ СВЯТОГО НИКОЛАЯ

*На самом центральном куполе
русские зодчие установили крест,
который возвышается
над турецким полумесяцем
как символ победы христианства.*

Над шипкинскими облаками,
Где воздух, словно лед, лилов,
звонарь играет языками
шестнадцати колоколов.

Неуловимые рыдания
под сводом старых изразцов —
глухие отзвуки преданья —
плач над могилой мертвецов.
Нет, не рыдания, а воскресший
бессмертный реквием солдат,
чьи имена,
как грани флешей,
на белом мраморе лежат.

И мне казалось, мне казалось,
что звуков медная волна
глубин моей души касалась —
ее невидимого дна.

Она,
как горный гул обвала,
над пылью трав,
над сном орла
то плакала,
то ликовала,
то замирала,
то росла...

Стоял великий храм,
в багрянец
сентябрьских зорь и звезд зажат.
— Сними пилотку, сталинградец,
здесь наши прадеды лежат!..

Сквозь звуки лет
мы слышим, внуки,
и бой,
и бегство янычар,
и русских труб литые звуки,
и ликование болгар.

Здесь все с нечеловечьей жаждой
хранит следы былых легенд:
и кость картечника, и каждый
травой поросший ложемент,

и скал
отвесные
отсеки,

что будто срезаны
ножом,
и крест, поставленный навеки,
на полумесяце чужом...

Я к храму шел боями славы —
сквозь Сталинград,
сквозь огонь и дым, —
и я оружием добыл право
стать на колени перед ним.

Шипка — София, 1944

**ВИКТОР
БОКОВ**

Осенила крестом и себя и дорогу,
И пошла, и пошла, и пошла понемногу.
Через мост, через речку, сквозь заросли ивы,
Через космы сухой прошлогодней крапивы.
Одиноко стоял ее старый домочек,
На дверях сиротливо светился замочек,
Потихоньку метелька следы заметала.
Через месяц в поселке бабульки не стало.
Схоронили рабу, больше нет ее с нами,
Ни на почте не видно, ни в клубе, ни в храме.
Я поставлю свечу, помяну эту душу,
У могилы ее тишины не нарушу.

1991

НИКОЛАЙ ТРЯПКИН

ПЕСНЬ О РОССИЙСКОМ ХРАМЕ

*Вон в сторонке Божий храм
Виден одинокий.*

В.А. Жуковский

Он стоял здесь давно, золотясь в поднебесной прохладе,
Посредине села, да у тех ли базарных рядов,
Он стоял здесь не хуже, чем главный собор в Цареграде,
И держал бы осанку на стогнах любых городов.

Он стоял величаво, ухоженный лептой народной,
И, как белый Архангел, вздымался над грешной землей,
И зимою и летом, мерцая во мгле непогодной,
Он держал свою вахту, как верный собрат-часовой.

А во дни торжества он, как птица, и гордый и вольный,
И царил, и парил, не жалея воскрылий своих,
И гремел голосами, и грохал жезлом колокольным,
И всюю распускался хвостом перезвонов цветных.

И стоял он, бессменный, у каждой незримой печали,
И любые восторги он гласом своим освящал.
И под знаком его здесь рождались, любили, хворали,
И под знаком его покидали сей грустный причал.

Но пришли времена — и замолкли здесь медные гулы,
И поднялся над ним растревоженный галочий хор.
И свернули ему динамитом кирпичные скулы,
И сорвали с него золотой поднебесный убор.

А потом, в сенокос, когда сохли болотные кочки,
Подогнали к нему, как волов, тягачи поутру,
И вкатили туда — под него — громоносные бочки,
И под стены его грозовую пустили искру.

И закончился век той пресветлой земной эпопеи,
И навеки ушла та лебяжья пречистая стать.
И лежал он в пыли, как виденье погибшей Помпеи,
И тот горестный прах чернобыльником стал зарастать.

А потом сюда вновь подвели гусеничную тягу —
И убрали тот прах в самый дальний болотный карьер.
А теперь здесь горят, служаая всеобщему благу,
Вымпела на шестах да рекламы из ярких фанер.

Только снятся порою удары вечернего звона,
И над сердцем моим золотой проплывает хорал.
И храню я, как память, те притчи царя Соломона,
Что когда-то я там, среди мертвых камней, раскопал.

И пускай моя песня воспурится славой свободной
И восходит, как миф, на высокой волне ветровой...
Он стоял там, как свечка, пред ликом земли непогодной
И держал свою вахту, как верный собрат-часовой.

Не ведут пути окольные
К жизни праведно-святой.
Снова — звоны колокольные
Над безверною землей.

И в конце пути извечного
Люди грешные стоят.
А над ними — своды Млечные,
Свечи жаркие горят.

И гремят, плывут под сводами
Гласы Павла и Петра,
Над погрязшими народами
Снова плачет детвора.

А пред огненными дверями —
Только звездные венцы.
И предстали вдруг потерянно
Перед ними гордецы.

То — больные иль целители?
То — палач иль жертвы тут?
И пускай нет горних жителей,
А кого-то все ж зовут.

А над ними — колокольные
Гласы Павла и Петра.
И восходят кручи вольные
Иль Голгофская гора.

1971

ГЛАСОМ ЦАРЯ ДАВИДА...

2

Уж если Ты, Господь, безбрежен
Пред ликом неба и земли,
Уж если Дух Твой неизбежен
Для тех, кто ползает в пыли;

И если я в земном кружале
Давно утратил облик свой —
И растоптал Твои скрижали,
И надругался над Тобой, —

Прости, Владыка, — хлеб мой скуден,
А воздух смертно почернел,
И столько всяческих паскудин
Уже рванулось в Твой предел!

И столько смрадных испарений
Испакощало кровь мою!
И после стольких погребений
Я вновь из праха восстаю!

И если я в земном кружале,
В звериной свалке изнемог, —
Уважь, Господь, мои печали,
Не проклинай моих дорог!

Не весь мой дух испепелился,
Не весь я смрадом изошел.

Не Ты ли в дол ко мне спустился
И словом песенным расцвел?

1982

**ОБРАЩЕНИЕ НЕОФИТА К НАРОДУ
У ДВЕРЕЙ ПЕРВОГО
ХРИСТИАНСКОГО ХРАМА**

Древним проповедникам

Это — скиния такая, это — горница святая,
Это — Господа Иисуса Дом, Воскресшего Царя.
Посмотрите, посмотрите: это — скиния такая!
Это — храмина святая! Это — Новая Заря!

Это — хижина совета, церковь Нового Завета,
Ибо Старого Завета закрывается Ковчег!
Посмотрите, посмотрите: сколько ласки и привета!
Сколько радости и света, несказанного навек!

И гласится в этой вере: будьте люди, а не звери!
Это нам в небесной сфере золотой сияет Крест!
Это я вам — Неизвестный — говорю у этой Двери:
Заходите, заходите! Не гнушайтесь этих мест!

Эти гулкие хоралы! Эти свечи, эти Лики!
Эти своды и порталы, что восходят над толпой!
И склоняются пред ними в прахе римские владыки,
Простираются, рыдают и стучатся головой.

И пускай там запустела и сгорела Самария
И под цезарской стопою издымился Рушлаим,
Заходите, заходите, истомленные, глухие,
Воздохните за вратами, пред которыми стоим.

Заходите, заходите, будьте люди, а не звери.
Эй, вы, отроки и дщери у погасших алтарей!
Это я вас призываю: заходите в эти Двери!
Ибо стал я христианин, а вчера был фарисей.

Посмотрите, посмотрите: сколько ласки и привета!
Сколько радости и света, несказанного навек!
Это — храм земли грядущей, церковь Нового Завета,
Ибо Старого Завета закрывается Ковчег!

1982

МАТЬ

Когда Он был, распятый и оплеванный,
Уже воздет,
И над Крестом горел исполосованный
Закатный свет, —

Народ притих и шел к своим привалищам —
За клином клин,
А Он кричал с высокого распялища —
Почти один.

Никто не знал, что у того Подножия
В грязи, в пыли,

Склонилась Мать, Родительница Божия —
Свеча земли.

Кому повем тот полустон таинственный,
Кому повем?
«Прощаю всем, о Сыне Мой единственный,
Прощаю всем».

А Он кричал, взывая к небу звездному —
К судьбе Своей,
И только Мать глотала кровь железную
С Его гвоздей...

Промчались дни, прошли тысячелетия,
В грязи, в пыли...
О Русь моя! Нетленное соцветие!
Свеча земли!

И тот же крест — поруганный, оплеванный.
И столько лет!
А над крестом горит исполосованный
Закатный свет.

Все тот же крест... А ветерок порхающий —
Сюда, ко мне:
«Прости же всем, о Сыне Мой страдающий:
Они во тьме!»

Гляжу на крест... Да сгинь ты, тьма проклятая!
Умри, змея!..

О Русь моя! Не ты ли там — распятая?
О Русь моя!..

Она молчит, возревши к небу звездному
В страде своей.
И только сын глотает кровь железную
С ее гвоздей.

1993

**АЛЕКСЕЙ
МАРКОВ**

«Господи, помилуй,
Господи, прости!
Господи, дай силы
Крест свой донести...» —
Он шептал невнятно,
Корчась на полу,
Где расплылись пятна
Ржавчины в углу...
Помертвели губы:
Бить умеют там! —
Выплюнул он зубы
С кровью пополам...
Нет, не мог он зверем
Умереть сейчас!
...А ведь жил не веря,
Жил и не крестясь...
Но в кого... В кого же
Верить на земле?
«Милосердный Боже,
Ты приди ко мне...
Господи, помилуй,
Господи, прости,
Господи, дай силы
Крест свой донести...»

НИКОЛАЙ ВИКУЛИН

НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

На Мамаевом кургане тишина,
Тихо плещется у берега волна.
Колокольный звон разбудит тишину
И поднимет в сердце памяти волну.

Вспомним всех, кто за Россию воевал
И родную землю сердцем закрывал.
Вспомним горе, слезы наших матерей
И войною обездоленных детей.

Вспомним тех, кто больше жизни нас любил,
Кто за Русь Святую души положил,
И, скорбя, с любовью к Господу зовем:
«Помяни их, Боже, в Царствии Твоем!»

На кургане в светлом храме Всех Святых
И в молитвах, песнопениях своих
Всем героям той безжалостной войны
Сотворить мы память вечную должны.

**БРОНИСЛАВ
СПРИНЧАН**

РОЖДЕСТВО

Все ли к празднику
готово?

Открывая Святки,
Славят Рождество Христово
Древние колядки.

«Сею,
вею,
посеваю!..» —

Зычно, в полный голос, —
Чтоб налился к урожаю
Полновесный колос.

Чтоб у вас —
всего в достатке,
Чтоб жилось вам дружно...
А в награду за колядки
Ничего не нужно.

В эту зиму все припасы
Оскудели рано...
Только помню, как колбасы
В детстве пахли пряно.

Пост и в праздник
Нынче кстати,
Если —
 так совпало —
Много Божьей благодати,
Вкусной пищи мало.

Луч звезды из Вифлеема
Сквозь наплыв печали
Притупляет все проблемы,
Острые вначале...

Хоть на Рождество Христово
Нечем разговеться,
Но любовью Божье слово
Нежно греет сердце.

ЗВЕЗДА ВИФЛЕЕМСКАЯ

Звезда над запрудой,
Над вёской полесской
Горит изумрудной
Звездой Вифлеемской.

И в праздник наш главный —
Христово Рождение —
Весь мир Православный
В торжественном бдении.

Сквозь времени замять,
Сквозь годы суровые
Несет меня память
В заветное, кровное...

Мерцает на кровле
Небес полыханье,
Из хлева — коровье
Парное дыхание.

И всплыло виденье:
Не тронутый стужей,
Спит в яслях Младенец
В пещере пастушье.

Парок из коровьих
Ноздрей наплывает
И мягко
здоровьем
Дитя овекает...

С душою открытой
В Рождественской стыни
С далекой поры той
Иду и поныне.

Дорожкой ровной
В тиши деревенской
Иду, озаренный
Звездой Вифлеемской.

СВЕТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Тенькают синичек бубенцы
Весело на Рождество Христово.
В полдень солнце светится медово,
Вечером — созвездий леденцы.

И хоть наша жизнь не для утех, —
Навалились всяческие беды, —
Но я помню: говорили деды,
Что впадать в печаль — великий грех.

Строго осуждает тех Господь,
Кто в годину смутную пасует,
В ком не дух высокий торжествует,
А превозмогает душу плоть.

Клен. Родник.

На камне — блески льда.
В сини над скворечницей пустою
Вифлеемской вспыхнула звездой
Самая лучистая звезда.

Я смотрю, и слезы на глазах —
То ль от красоты, то ль от мороза.
Отступает дней обычных проза...
Тихо на земле и в небесах.

Славно грезить в этакую ночь:
В черный день не опустить бы руки...

Ведь Христос и не такие муки
Смог во имя жизни превозмочь.

ВЕРБНАЯ НЕДЕЛЯ

Хоть медвежьей силы нет,
Все же — не ущербный:
Нежно греет душу свет
Той Недели Вербной.

Пальмы нету... Неспроста
Порешили предки:
Пусть украсят путь Христа
Вербовые ветки...

Воедино слил Господь
Путь земной и горний,
А весенней вербы плоть
Стала животворной.

Зелень и пупышек пух —
Как святое зелье.
Чуть горчащий свежий дух.
Вербная Неделя.

Чтоб меня не тронул черт,
Не нанес ущерба,
В руку добрую берет
Мама ветку вербы.

По ногам и по спине, —
В хате — смех, веселье, —
Как приятно было мне! —
Помнится доселе.

Бьет меня любовно ветвь:
С доброй силой знайся —
Будь здоровым, как медведь,
Будь быстрее зайца!

Слышу Пасхальный звон.
Гулки,
 как храм Господень,
В этот праздничный полдень
Звонницы стройных крон.

Свод голубых небес,
Сизых далей оправа...
— Здравствуйте! —
 слышу справа,

Слева:
 — Христос Воскрес!
К голосу бытия
Льну обостренным слухом,
И, просветленный духом,
Сам воскрешаюсь я.

МАМИН КРЕСТ

Тихо просветляется душа
Звонким переливом соловья.
Луговой тропинкой, не спеша,
На рассвете вышел в поле я.

Взгляд ласкает льна голубизна,
А к тому же новая на мне
Вышиванка белая из льна,
Вышитая красным мулине.

С молодости ранней до сих пор
Озаряет все мои лета
Красно-белый трепетный узор —
Вещие славянские цвета.

Белый в Беларуси искони —
Чистота,
а красный колер —
жизнь.

Как сошлись, как весело они
На рубахе праздничной слились!

Свой узор на полотне простом,
На льняном беленом полотне
Мама тонко вышила крестом
И на счастье подарила мне.

Не ужалит ни одна змея:
От вселенской нечисти храня,
На крутых изломах бытия
Оселяет мамин крест меня.

**СЕРГЕЙ
АВЕРИНЦЕВ**

МОЛИТВА О СЛОВАХ

Боже, слова отбегают
от утлого жилья человека,

к чувству нашему плотскому
неразгаданно безучастны,

отбившись от руки, блуждают,
как псы одичалые, воют:

лучше им к Тебе возвратиться,
Тебе послужить напоследок.

Ты видишь, мы стоим пред Тобою,
последние меж песнопевцев, —

и окрест простерлась пустыня,
мороки нежити витают;

Отче, как в немощи детской,
у самого истока глагола,

да будут слова наши тяжки,
до краев безмолвием налиты.

Мы молимся к Тебе, Слово,
от начала сущее у Бога,

выговаривающее без речи
молчания Его глубины:

низложи силою Твоею
беса глухого и немого,

подай несмутимую внятность,
благую членораздельность.

Мы действие призываем Духа,
огонь, что скверну посылает:

да будут слова наши взяты
от сладкого тлена земного,

обособлены от гула и шума
несмысленной плоти и крови —

ибо вся огнем осолится,
и всякая жертва осолится.

Боже, Чье Имя заповедано,
дай каждому слову явиться

на чернети смерти нашей,
на злате Твоего бессмертья,

ограниченным гранями света,
словно камень твердый и прозрачный,

со всех сторон огражденным
сторожевою тишиною.

1990

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ДЕКАБРЯ 1989

Боже, благословивший
сердца, что лукавству чужды,

возжегший в тонкой скудели
совести святой светильник,

поставивший на Твоих башнях
стражей, что не спят и не дремлют,

устроивший пути прямые
для воли, что правды взыскует, —

дай душе, отлетевшей от персти,
земное поприще скончавшей,

в путь незнаемый идущей,
в место, где уму непостижно,

полноту Твоего мира,
милости Твоей богатство;

дай алканию и жажде правды
утоление без предела.

**ФЕДОР
СУХОВ**

Отходил, отступался от Бога,
Ну а после прощенья просил, —
Верю истинно, верю глубоко
В торжество неразгаданных сил.

В тайну зримого мира и в тайну
Отдаленных незримых миров...
Я по небу ночному витаю,
Да поможет мне Бог Саваоф!

Укрепит меня и не оставит,
Будет, будет все время со мной!
Возглаголет своими устами,
Возгремит над печалью земной.

Над моими земными грехами
Благодатный расщедрится дождь,
И никто никого не охает
В эту тихую-тихую ночь.

И никто никого не обидит,
В мире мир утвердится... Тогда
Прибодрится земная обитель,
Возликуют ее города.

Явят радость свою все-то веси,
Запоют веселей петухи,
Еле зримое млеко созвездий
Утолит — не мои ли? — стихи.

Не мои ли скорбящие строки
Небо звездное обвеселит,
Васильками незримой дороги
Просветленный утешится лик.

**АЛЕКСЕЙ
ПРАСОЛОВ**

ДИВЬИ МОНАХИ

Ночью с Дона — страхи
Клонят свечку веры.
С Киева монахи
Роют там пещеры.

Как монах заходит
С черной бородою,
А другой выходит
С белой головою.

Каково, монаше,
Житие-то ваше?
Белая — от мела
Или поседела
Твоя голова?

Солнце тяжко село,
Свечка догорела,
На губах монашьях
Запеклись навеки
Кровь или слова?..

Руки их в бессилье
Непокорны стали;
На груди скрестили —

Разошлись, упали
Дланиями на глыбу,
Что весь день чесали.

1971

Белый храм Двенадцати апостолов,
Вьюга — по крестам,
А внизу скользят ладони по столу —
Медь считают там.

Вот рука моя с незвонкой лептою,
Сердце, оглядись:
В этом храме — не великолепие
Освещенных риз.

Что за кровь в иконописце-пращуре,
Что за кровь текла,
Говорят глаза — глаза, сквозящие
Из того угла.

Суждено нам суетное творчество,
Но проходит час —
Что-то вдруг под чьим-то взглядом скорчится,
Выгорая в нас.

Но мечта живая не поругана,
Хоть и был пожар,
И зовет, чтоб я ночью вьюгою
Подышал.

1970

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

Рябило в глазах от мелькавшего хлама:
то вспыхнет вершина, то явится яма,
то венчик победы, то холмик утраты.
Людовики, Карлы, а вслед им — Мараты.
Все было, все было... И вдруг осенило:
есть высшая доля,
есть высшая сила!

Знобило, коверкало, гнуло, ломало.
По праздникам мысль о тщете донимала.
Писались прощальные письма и песни.
Два слова под черепом ныли: «А если...»
Кукожилась воля... И вдруг осенило:
есть высшая доля,
есть высшая сила!

Любовь оставляла. И в ночь воровато
сквозь щели событий тащилась куда-то.
Но вера под звезды карабкалась все же,
миры недоклеванным сердцем тревожа!
И жизнь возвращалась и свечи гасила.
Есть высшая доля,
есть высшая сила!

Вот так и толкуем о жизни, о гробе.
Сдаем свое тело, как плащ в гардеробе.
Но все ж и тогда — перед дальней дорогой —
душе, по краям запотевшей тревогой,
является птичка, что в будни сквозила:
есть высшая доля,
есть высшая сила!

РУССКИЕ КРЕСТЫ

Церквушка сельская. Погост.
Еще недавно — повсеместно —
от пирамид и ржавых звезд
крестам российским было тесно.

Побесновались у черты,
теперь — назад! —
от тьмы и вздора.

Опять на кладбищах кресты
доступны памяти и взору.

Кто тяжкий жребий нам явил:
путь возвращенья в стан спасенных
начать отсчитывать... с могил,
безверьем века осененных?

БЕЗГЛАГОЛЬНОЕ

Россия. Вольница. Тюрьма.
Храм на бассейне. Вера в слово.

И нет могильного холма
у Гумилева.

Загадка. Горе от ума.
Тюрьма народов, наций драма.
И нет могильного холма
у Мандельштама.

Терпенье. Длинная зима,
Длинней, чем в возрождение вера.
Но нет могильного холма
и... у Гомера.

ТЬМА ВНЕШНЯЯ

Как бы во сне — на дне развалин храма,
разбитого войной или страной,
лежали мы во власти тьмы и хама,
покрытые кровавой пеленой,

сплетенные корнями сухожилий,
проклеенные вытечкой мозгов, —
развратники, последыши рептилий,
лжецы и воры низких берегов.

И дьявол нас вычерпывал бадьею,
как сточные отбросы сплывших лет...
Но и меж сих, отвергнутых Судьею,
нет-нет и брезжил покаянный свет!

ВЛАДИМИР КОСТРОВ

МОРОЗНЫМ ВЗДОХОМ БЕЛОГО ПИОНА...

Морозным вздохом белого пиона
Душа уйдет в томительный эфир...
Молитвою отца Серапиона
Я был допущен в этот горький мир.

Был храм забит — меня крестили в бане,
От бдительного ока хороня.
Теленок пегий теплыми губами
В предбаннике поцеловал меня.

И стал я жить, беспечен и доверчив,
Любил, кутил и плакал на износ.
Но треснул мир, и обнажилась вечность.
Я вздрогнул и сказал: «Спаси, Христос!»

«Спаси, Христос!» Кругом одна измена,
Пустых словес густые вороха.
Свеченье молока и запах сена
Смешались с третьим криком петуха.

Ликует зверь... Спаситель безутешен,
Но верю, что не отвернется Он,
Всё знающий: кто праведен, кто грешен.
Он воронье отгонит от скворешен...
Тяжел твой крест, отец Серапион.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

Церковь около обкома
приютилась незаконно,
словно каменный скелет,
кладка выложена крепко
ладною рукою предка,
простоит немало лет.

Переделали под клуб —
ничего не получилось,
то ли там не веселилось,
то ли был завклубом глуп.

Перестроили под склад —
кто-то вдруг проворовался,
на процессе объяснялся:
дети... трудности... оклад...

Выход вроде бы нашли —
сделали спортзал, но было
в зале холодно и сыро —
результаты не росли.

Плюнули. И с этих пор
камни выстроились в позу

атеистам не на пользу,
верующим не в укор.

Только древняя старуха,
глядя на гробницу духа,
шепчет чьи-то имена,
помнит, как сияло золото,
как с Причастья шла когда-то
красной девицей она.

1964

Реставрировать церкви не надо —
пусть стоят как свидетели дней,
как вместилища тары и смрада
в наготе и в разрухе своей.
Пусть ветшают...

Недаром с веками
в средиземноморской стороне
белый мрамор — античные камни —
что ни век возрастает в цене.
Штукатурка. Покраска. Побелка.
Подмалевка ободранных стен.
Совершилась житейская сделка
между взглядами разных систем.
Для чего? Чтоб заезжим туристам
не смущал любознательный взор
в стольном граде иль во поле чистом
обезглавленный темный собор?

Все равно на просторах раздольных
ни единый из нас не поймет,
что за песню в пустых колокольнях
Русский ветер утрюмо поет!

1975

Подымешь глаза к небесам,
припомнишь людские печали
и сердце откроешь словам,
что в древности вдруг прозвучали
как гром:

— Возлюбите врагов!
Живите, как вольные птицы! —
Прекрасен полет облаков
и звездных огней вереницы...
Но вспомнишь, как черные дни
ползли по любимой отчизне,
и все, что вершилось людьми
во имя возмездья и жизни!
Земля и черна, и влажна,
а синее небо высоко...
И вдруг выплывает со дна
бессмертное:

— Око за око!

1975

ЕВГЕНИЙ ЧЕКАНОВ

ВОЗВРАЩЕННЫЙ ХРАМ

Анатолию Грешневикову

Кирпичи и доски по углам,
Купола и кровля ждут замены.
Фрески обвалились... Божий храм,
От тебя остались только стены.

Но уже иной струится дух:
Ходит попик в будничной одежде
И поет нестройный хор старух
«Господи, помилуй!», как и прежде.

И к сердцам раскрывшимся, как встарь,
Подступает сладкая истома...
И мрачнеет первый секретарь
За окошком местного райкома.

Неужели тени Октября
Не сожгли мучительное пламя?..

...Говорят, что дочь секретаря
Чудеса творит с колоколами,
Что летит веселый перезвон
Над монастырем и над райкомом,
Над угрюмой стаей ворон,
Над простором, вечным и знакомым...

ВАСИЛИЙ КАЗАНЦЕВ

ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР

Пройду сквозь гулкие колонны —
И весь, плечами и спиной,
Почую, как они огромны,
Как несплотны надо мной.

И внутрь войду. В нетленном блеске
Над клетками истертых плит,
Как хор согласный, грянут фрески,
И золото, и малахит.

И свет бездонный, как из окон,
Прольется, древностью дыша...
И неожиданно высоко
Взлетит смущенная душа.

ПРОРОК

Когда Божественный глагол,
Как гром внезапный, разразится,
И смертью потрясенный дол
Взликует и преобразится,

И свет произойдет из тьмы
И возблестит, на землю рушась,

И, словно холодок зимы,
Проникнет внутрь священный ужас, —

Взойдя, возвысясь над людьми,
В соседство радостное Бога
Почти вступивши, не возьми
Ты на себя излишне много.

Ты не сочти из простоты,
Мгновенною гордыней болен,
Что волен слышать голос ты
И голоса не слышать волен.

**ВАЛЕНТИН
СОРОКИН**

СТОЯТ СОБОРЫ

А мне напоминают, право,
Соборов наших бескрестовья
Тот век, когда земля и травы
Захлебывались густо кровью.

Когда детишки и пичуги,
Дрожащие, таились немо.
И только цвенькали кольчуги
И падали на камни шлемы.

И на дыбы коней бросала
Та сила, что крестцы ломила.
И пьяная орда плясала
На русских сгорбленных могилах.

Одни стоят в полях соборы
Над шорохом болотных лилий...
Они — как воины, которым
Гирейцы головы срубили.

СТАНИСЛАВ
ЗОЛОТЦЕВ

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

(Глядя на полотна Левитана)

...А холст — из того же
 рязанского льна,
который идет
 на любую холстину:
крестильной рубахою
 станет она
и саваном ляжет
 с тобой в домовину.
И разве картиной
 становится лен,
Когда он слезами веков
 загрунтован? —
Нет, в каторжный тракт
 обращается он.
И вечный покой
 не тебе уготован.

Как с Ветхим Заветом —
 Евангельский свет,
как русская боль —
 с иудейской тоскою,

так с музыкой
 перекликается цвет
под кистью твоею
 над вечным покоем.
Так вот она —
 эта волшебная нить:
два мира, казалось,
 издревле враждебных,
единственной участью
 соединить
в созвездьях мольберта,
 как в звуках молебна.
И каждый из этих миров
 на разрыв
испытан, и оба в тебе
 не пропали,
оставшись туманом
 и золотом нив,
ржаными стогами,
 льняными снопами...
И храм у обрыва,
 на самом краю,
погиб — но остался
 святыней обоим
народам,
 взлелеявшим душу твою
над вечным покоем,
 над вечным покоем...

ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

С детских лет по натуре
и по сердцу мне
больше всех наших
праздников разных
воскресенье,
которым в родной стороне
завершается
маслениый праздник.

В этот день и враги,
и друзья, и родня
говорят за блинами
и чаем:
Я прощаю тебя.
Ты прощаешь меня.
Мы с тобою
друг друга прощаем.

Сколько за год печалей
случилось у нас,
сколько всяких обид
накопилось! —
Так давай мы забудем
их тяжкий запас,
совершая прощенье
как милость.

Будем жить,
хрупких наших сердец не губя,
как бы ни было горько и туго.
Ты прощаешь меня.
Я прощаю тебя.
Мы с тобою прощаем
друг друга.

Посмотри — как земля
истомилась в зиме,
как душа в озлобленье устала.
Неужели не ясно,
что жить на земле
нам досталось невыносимо мало.

Пусть спадает с сердец
ледяная броня.
Пусть весна хлынет
синим прибоем.
Я прощаю тебя.
Ты прощаешь меня.
Мы друг друга
прощаем с тобою.

1990

**НИКОЛАЙ
РУБЦОВ**

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

Рукой раздвинув темные кусты,
Я не нашел и запаха малины,
Но я нашел могильные кресты,
Когда ушел в малинник за овины...

Там фантастично тихо в темноте,
Там одиноко, боязно и сыро,
Там и ромашки будто бы не те —
Как существа уже иного мира.

И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким все было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.

И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая...

Пускай меня за тысячу земель
Уносит жизнь! Пускай меня пронесит
По всей земле надежда и метель,
Какую кто-то больше не выносит!

Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный свято погребен
В такой же белой горестной рубашке...

ДУША ХРАНИТ

Вода недвижимее стекла.
И в глубине ее светло.
И только шука, как стрела,
Пронзает водное стекло.

О, вид смиренный и родной!
Березы, избы по буграм
И, отраженный глубиной,
Как сон столетний, Божий храм.

О, Русь — великий звездочет!
Как звезд не свергнуть с высоты,
Так век неслышно протечет,
Не тронув этой красоты.

Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлен
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времен...

<1966>

ФЕРАПОНТОВО

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте.
И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, небывалой досель...
Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...

<1970>

ЛЕОНИД БОРОДИН

Узел бессмыслиц умом не расплесть.
В тайне бессмыслицы мысль не убита.
Верую, Господи, в то, что Ты есть!
Верю в святую запутанность быта.

Верю: однажды в назначенный срок
Вспомнятся болью прошедшие весны.
Верую в мудрость забытых дорог,
Верую в щедрость дорог перекрестных.

Робостью шага заслужена месть —
Высушат душу тоской изуверы!
Верую, Господи, в то, что Ты есть!
Как бы я, Господи, выжил без веры!

Топчут и топчут, и камнями вслед...
Памятник Зверю из этих камней!
Господи! Сколько растоптанных лет!
Господи! Сколько затоптанных мнений!

Миг немоты непроснувшихся глаз
Выстучит горестно ливень осенний.
Верую, Господи, вспомнишь о нас
В радужный, радостный День Воскресений!

**ОЛЕГ
ХАБАРОВ**

Князю Владимиру посвящается

Воскрешение — чудо-пение,
Воскрешайтесь вы, люди добрые,
И в глазах своих затемнение
Оставляйте вы злему ворону.

Не идет в полях небылица,
Не идут в полях полки лютые,
Не летит в полях кобылица,
Красно солнышко необутое.

Босичком по полям оно катится,
То кудрями, то ликом румянится,
Поспешайте вы с ним повстречаться —
Все простится вам, не помянется.

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

ВИНА

Мы пришли в этот храм не венчаться,
Мы пришли в этот храм не взрывать,
Мы пришли в этот храм попроситься,
Мы пришли в этот храм зарыдать.

Потускнели скорбящие лики
И уже ни о ком не скорбят.
Отсырели разящие пики
И уже никого не разят.

Полон воздух забытой отравы,
Неизвестной ни миру, ни нам.
Через купол ползучие травы,
Словно слезы, бегут по стенам.

Наплывают бутристым потоком,
Обвиваются выше колен.
Мы забыли о самом высоком
После стольких утрат и измен.

Мы забыли, что полон угрозы
Этот мир, как заброшенный храм.
И текут наши детские слезы,
И взбегает трава по ногам.

Да! Текут наши чистые слезы.
Глухо вторит заброшенный храм.
И взбегают ползучие лозы,
Словно пламя, по нашим ногам.

1979

Занесли на Бога серп и молот,
Повернули реки не в ту степь.
В тесной клетке под названием «город»
Посадили дурака на цепь.
И на сон грядущих упований
Он поет, не замечая стен:
— Почивай, проснешься в океане,
В океане места хватит всем.

1987

ЧИСЛО

Троица смотрит прямо.
Но сатана лукав.
«Нет! — говорит близ храма. —
Троица — змей треглав!»

Змей этот смотрит косо,
Древнюю копит месть.
В профиль подряд три носа —
666.

1988

ВИДЕНИЕ

Как родился Господь при сиянье огромном,
Пуповину зарыли на Севере темном.
На том месте высокое древо взошло,
Во все стороны Севера стало светло.

И Господь возлюбил непонятной любовью
Русь Святую, политую Божеской Кровью.
Запах крови учуял противник любви
И на землю погнал легионы свои.

Я увидел: все древо усеяли бесы
И, кривляясь, галдели про черные мессы.
На ветвях ликовало вселенское зло:
— Наше царство пришло! Наше царство пришло!

Одна тяжкая ветвь обломилась и с криком
Полетела по ветру в просторе великом,
В стольный город на площадь ее принесло:
— Наше царство пришло! Наше царство пришло!

1988

ЛОЖНЫЕ СВЯТЫНИ

Вокруг индустриальные пустыни,
Ловушки быта расставляет век.
Легко ты принял ложные святыни,
Рассеянный и гордый человек.

От двух из них заходит ум за разум.
Вот ты стоишь у вечного огня,
Как перс-язычник пред горящим газом
Стоял когда-то, голову склоня.
Огонь! Сей символ мнится бесконечным,
Но бесконечность шире, чем твой круг.
Горящий газ ты называешь вечным.
При чем тут вечность? Это дело рук.
Гляди, чего на свете не бывает!
Огонь потух: подвел газопровод.
Сухой снежок горелку заметает,
И по домам расходится народ.
Увы, ничто не вечно под луной!
И твой огонь, и твой огонь земной
От случая и времени зависим,
И дух его в трубу выходит вон.
Знай истину и возмущенных писем
Не посылай на этот счет в ООН...
А вот другой обман перед глазами,
С почетным караулом и цветами,
Могила Неизвестного солдата —
К нему приходят люди на поклон.
Его покой велик и место свято.
Но почему он имени лишен?
Кому он неизвестен? Близким людям?
Сиротам? Овдовевшим матерям?
О Боге все говорить не будем.
Уж Он-то знает всех по именам.
Тут сатана, его расчет холодный:
Заставить нас по нашей простоте

Стирать черты из памяти народной
И кланяться безликой пустоте.

1988

ПОЛЕТ

По небу полуночи Ангел летел...

М.Ю. Лермонтов

Он пролетал над Черной Былью,
Над Страхолесьем вековым.
В его невидимые крылья
Смертельный набивался дым.

Там, где душа его рыдала,
Шумит народная молва.
Там, где слеза его упала,
Растет спасения трава.

1989

ПОРТРЕТ УЧИТЕЛЯ

*Он истину мира сего
Принес на ладони тебе:
«Не мысли другому того,
Чего не желаешь себе».*

Он светло-рус, и мягко бьет о плечи
Его волос струящийся потоп,
И чист Его широкий светлый лоб,
И нет на нем морщин противоречий;

Темней волос Его прямые брови,
Его глаза невыразимы в слове,
Как будто небеса глядят на вас,
Чуть подняты обочья синих глаз,
И глубину ресницы оттеняют;
Едва заметно скулы проступают,
А плавный нос ни мягок и ни груб,
Усы не закрывают полных губ,
Густая борода невелика,
Слегка раздвоена на подбородке.
Высок и прям. Его издалека
Народы узнавали по походке.
Он исходил и Запад, и Восток,
И Юг, и Север вдоль и поперек.
Две бездны разом видел Он во мраке:
И солнце и луну. И на песке
Порой чертил пространственные знаки
И после их сметал в глухой тоске.
Ученики, предавшие Его,
Такое действо посчитали странным
И, потаясь, спросили: — Отчего
Не пишешь Ты на чем-то постоянном?
И слово указательным перстом
Он начертал на воздухе пустом.
И встухнуло, и засияло слово,
Как молния... И молвил Он сурово:
— Вот ваше постоянное. Вот то,
Чего не может вынести никто.
Покоя нет: вы грезите покоем,
А силы тьмы вокруг теснятся роєм.

Три битвы, три войны идут от века.
Одна идет, сокрыта тишиной,
Между свободной волей человека
И первородно-личною виной.
Вторая битва меж добром и злом,
Она шумит по всем земным дорогам.
А третья между дьяволом и Богом,
Она гремит на небе голубом.
В душе и рядом бьется тьма со светом,
И первый крик младенца — он об этом.
Раскаты грома слышатся в крови,
Но говорю вам: истина в любви.
Не ждите чуда, не просите хлеба.
Ваш путь туда! — Он указал на небо.
Ученики Ему сказали: — Отче,
Уныние в крови, а Ты горишь
И коротко и просто говоришь,
Но можешь Ты сказать еще короче?
— Могу! — и на ладони написал
Он истину и миру показал. —
В двух первых битвах победите с нею.
О третьей битве говорить не смею.
Направит вас туда, преобразив,
Иного мира воля и порыв.

1987

ИГОРЬ
ЛЯПИН

БАЛЛАДА
О СОРОКА МУЧЕНИКАХ

*Трагическое событие это
произошло в 1936 году.*

Новый всплеск российской драмы.
Дикий клич: — Губи и рушь!
На краю могильной ямы
Застывают сорок душ.

На плевки и на ухмылки
Новоявленных жрецов,
Как с иконы, смотрят лики
Сорока святых отцов.

И в движениях порывист,
Бойко выступив вперед,
В куртке кожаной антихрист:
— Отрекайтесь! — им орет.

— Плюй на крест! Коммуну строим!
— Рясы — наземь, и топчи!
А не то — живьем зароем... —
Палачи есть палачи.

Вновь врагов народа ищет
Молодой окрепший строй.
Город Ленина. Кладбище.
Церковь Ксении святой.

Сколько скорби и печали
На земле Твоей, Творец!
Слово было лишь вначале,
А за ним летел свинец.

Но и дуло револьвера,
И земли разверстой вид
Не всегда сильнее, чем вера.
Жизнь на этом и стоит.

Вот и помнится поныне,
Оттеня наши дни,
Как, скользя по мокрой глине,
В яму двинулись они.

В яму мерзостей и горя
С ясной верою своей.
И земли могильной комья
На живых летят людей.

И, уже в предсмертной дрожи,
С горькой тяжестью в груди
Все взывал угодник Божий:
— Образуь их, Гос-по-ди!..

И, выдергивая ногу
Из тугих могильных пут,
Все сказать пытался Богу:
— Что творят — не ве-да-ют...

Но и явно видел в муках,
Что, какого ни возьми,
Люди в кожаных тужурках
Перестали быть людьми.

Что им крест и что им ризы?
У бугра земли сырой
От всего святого в жизни
Очищался новый строй.

Очищался зло и дико,
Правил свой неверный суд.
Из могилы сорок ликов
Вопрошали тех иуд.

Вопрошало их смирение:
— Где свободы ваши? Где?!
Что за жертвоприношенье
Вашим флагу и звезде?

Только грех и только смуты,
Стяг — и тот кроваво-ал... —
И молчали те иуды,
И народный строй молчал.

Он взирал на эти страсти,
Оставаясь глух и нем.
Двадцать лет советской власти...
Кто советовался? С кем?

Слева домна, справа стройка,
Широки страны шаги.
А врагов народа столько,
Чуть не весь народ — враги.

Люди помнят, мать держава,
Как, несчастья нам суля,
Две недели все дышала
На могиле той земля.

И казалось все, казалось,
Что над той землей живой
Каждым камнем содрогалась
Церковь Ксении Святой.

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

АФОН

Из храма иноки идут на галерею,
где предрассветный, ласковый, как пес,
оближет ветер руки, грудь и шею,
лоб и плечо, и бороду, и нос.

За это море вместе мы молились,
за ночи изнемогшей тень и прах,
за небо в ало-пепельных холстах,
за все творенье, данное нам в милость,

за благоусмирненные ветра,
за то, чтоб в ризе заревого дыма
над нами ты синела нерушимо,
о, Мати, о, всепетая Гора.

О чем шумите, инородные витии?
Как прежде, о гибели России?
О красной нашей бешеной чуме?
Или о старой нищенской суме?

На пьяни пьянь у нас, на воре вор,
не так ли?

Все родники славянские иссякли,
И желтая ползет на нас орда?
Истощены повсюду реки, нивы,
Суды неправы, планы наши кривы,
И ждет нас неминуемая беда?

Да, господа, вы стопроцентно правы
И, копошась в заливке у державы,
Кусаете и жалите впопад.
Но радуется, кто последний рад.
А вам последними невкусно бытьи.
Кого ж кусать тогда,

чью кровку пити?

Змея подавится своей пятой.
А мы? Нам рано петь за упокой.

О Феникс северный, тебе ль впервой
Вставать из праха? Новых крыл размаха
Никто на свете смерть не горазд.
Со стоном разодрав воздушный пласт,
Почуешь светоносные струи.
И подтвердят угрюмые мессии,
Замкнув скрижали ветхие свои:
Жизнь невообразима без России,
Без покоряющей ее любви.

Он видел великую кровь.
Тяжелая, липкая, в пене.

И Божия Матерь покров
несла, погрузясь по колени
в тот хлывень,
в тот жаркий поток,
и горько, родная, рыдала.

Но было все мало им, мало.

Восстанет пламенная туча —
две тысячи Христовых лет.
Во все заулки хлынет свет:
Земля,
ответь,
ты стала лучше?
— Нет, кто был наг, все так же гол, —
Земля прошепчет пристыженно.
И вопль вздыбит стадионы:
— Го-о-о-о-ол!

1999

БАЛААМ

Под белыми сводами нижнего храма
свивается мгла.
Читают псалмы.
Алеют лампы.
Свечи сквозят.
Мощи под спудом превечно молчат.

Мы входим под полог нетленного неба —
в поющую мглу.
Зовут ектеньи.
Взлетают поклоны.
Ладан вздохнул.
Многоутолен Апостола гул.

Все лики столетий — предстатели в этой
сияющей мгле:
рабы и цари,
монахи, юроды,
очи, персты, —
все вопрошает: «А ты-то, а ты?

Ты радости нашей расслышал дыханье
среди Божия мглы?
Ты долго ли шел?
Легко ль тебе с нами?
Ждем тебя, ждем.
Радость да будет вошедшему в дом».

2000

**ВИКТОР
МАМОНТОВ**

ЗАПИСИ (НИЛ И ИОСИФ)

ВКЛАД ПО УСОПШЕМУ

Для перворусской набожности вклады,
Пошедшие в строение души,
И помещались по соседству, рядом
С заупокойным целым: не дыши,
Но успокоить рядовую совесть
Без покаянья, глядь, — и удалось,
Пока от нанятой молитвы голос
Довоплотился, лишь бы не спалось.
Бессонно бедственные мастерские
Молитвенных угольев. Разреши
В слепых ладонях покатаь своими,
Пусть для спасения худой души,
Но русскому себя увидеть в ямке —
С намоленного места не сойти
В безместный ужас, как дитю без мамки
С кривого, робкого крыльца сползти.
Зато туземная родная почва
Не поколеблется, пока на ней
Видны в разменной собственности Божьей
Богатство нищих — хлебы из камней
В последованьи бедности до края,

Надписанного слабому себе,
Благая честь сурового покроя,
Накопленное место, пособит
Смиренная энергия в жестоком
Изглаживаньи личности, а нет —
Податливое утеснение сроков
На безначальном окончаньи лет,
В какие не имеют расточиться
Имущества на нищих, Боже мой,
И эта мысль не развита, сочится
Из слова в слово, из дому домой...

ПОДМЕНЫ

Не уличенный местом полу-денным
И -нощным, нележалая хвоя —
Из робкой жизни пошлая подмена
Потрясена, явилась не своя,
Надвое сказанная, вместо первой,
Одной из двух, и не жила сама,
А вторила, заслуживала верой
И правдой — буквой посреди письма.
Но обнаружить монотонность в много-
Народной речи, — в третий заменить
Для беса: выдать Бога за иного —
В подметной мысли некого винить.

1988

К БЛАЖЕННОЙ КСЕНИИ

ЮРОДЫ

Тем боле, вызубрила — как ни бьют:
— За мужа примерла. И не имея
На Ксению откликнуться, сумела
Склонить приход апостола Матфея
В худых домках весь деревянный люд,
Мало-помалу видеть в ней свои
Чудные помыслы небесной мерки,
Не жалкой побирušки, но жалейки:
«Царь на коне» — зеленую копейку
Возьмет — отдаст, но голосок двоит.
В подобной юбке с кофтой как могла
В пронизанном ненастье, в лет морозом
Подколота — прениже птицы ростом
И на земли постылой (в теле) родом —
Душой в общении высших пребыла.
В соленой воле, взятой по слезам
Вослед холодным розовым жилищам,
С молитвой перекладывая рухлядь,
Дверь привязать веревочкою рыхлой,
— На совесть, душечко, — еще сказать...
Воздушной рыбой, птицей — ощути
Хоть кем себя — земной, а непостижно
Отделена от нас в особой жизни:
Как ест, как молится? Чуть сук насижен...
До исступления на площади. <...>

1990

**ТАТЬЯНА
ГЛУШКОВА**

ВОЗДВИЖЕНИЕ

Всё так же своды безмятежно-сини.
Сентябрь. Креста Господня торжество.
Но был весь мир провинцией России,
теперь она — провинция его...

31 октября 1993

Г.К.

Просохнет кровь. Отступят злые беды.
Как лес, взлетят фанфары, золотясь.
По Лучшей Площади пройдет Парад Победы —
как в прежний раз. Как в незабвенный раз.

То будет День Пасхальный, Красной Горки
иль Троицы... Поутру... По весне...
Как маршал Жуков, сам Святой Георгий
проскачет на танцующем коне.

И у Кремля заплещутся сирени,
смывая прах поверженных знамен.
А мы, — не плачь, — мы будем только тени,
из Смутных залетевшие времен...

23 ноября 1994

**ПАМЯТИ
ГЕОРГИЯ СВИРИДОВА**

III

А все же, скульптор, сочини
ему такое изваянье,
чтоб снега белые огни,
звезды Рождественской сиянье

полузатмили облик тот,
ушедший в луч, плывущий звуком
туда, где ангельский народ
стоит крылатым полукругом

и скорбно озирает нас,
осиротевших, безутешных,
едва живых в разлучный час —
беспесенных да бессловесных...

10–11 января 1998

**ВАЛЕРИЙ
ЧЕРКАШИН**

Иноверцы, инородцы,
прежде и теперь
в нас Господь с нечистым бьется,
с Человеком — зверь.

В злости, в зависти, в погроме,
в Центре и в глуши
хищник ищет нашей крови,
сатана — души.

И в боренье вечном этом,
в истине самой
Отче полнит души светом,
а нечистый — тьмой.

Не на сече, а на вече
нам сойтись черед:
не осилит человеке —
зверь свое возьмет.

Бегут...
Бегут —
дороги не хватает.
А логика трагедии проста:
их за пределы
взрывы выметают,
крушившие обители Христа.

ВЯЧЕСЛАВ КУПРИЯНОВ

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ

Блажен, кто не внимает нечестивым,
На подлый не сворачивает путь,
Не следует безропотно призывам
К творящим злодеяния примкнуть.

Но кто живет законом справедливым,
Развертывая праведную суть,
Как древо, что плодом несуетливым
Дарит, не слясь время обмануть.

Не тако нечестивые, не тако,
Как ниву оскверняющий сорняк,
Их вырвут в жатву и швырнут во мрак,

И этим не умножат бездну мрака.
Для нечестивых перспективы нет,
Лишь свет растет и продлевает свет.

ЗАБРОШЕННЫЕ ХРАМЫ

Много их,
заброшенных в небо, на зеленых высотах,
их купола вписаны в голубую
нетускнеющую эмаль, как знак

рукотворности духа. Камень их
держится стойко, как земля. Воздух
хранит в них запас славянских глаголов,
с позолотой смешана пыль, каждый
случайный голос усилен голосами
вымерших певчих, роспись темна, или это
навертываются на глаза
невыплаканные слезы
изверившихся странников.
Возле них на погостах
есть у многих родня, но не многие
помнят ее. И не многие
входят в сорванные двери храмов, не столь
знаменитых, засыпанных известью, прелой
листвой, тарой из-под съеденной снеди,
дровами для снесенных русских печей,
хаосом, из которого за шесть дней
реставраторы могут воздвигнуть
хранилище мира.
В храмах заброшенных нет прихожан,
кроме редко на землю сходящего Бога.

**ВАЛЕНТИН
РЫСКОВ**

ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ

На Рождество, едва заголубел
внезапный снег
в Москве, осиротевшей
без Храма,
что Спаситель возводил
для врачеванья душ, Ему любезных, —
в Москве вне праздных
«праздников» помпезных, —
под Знаком благосклонности
светил,
которым льстит
земное притяженье,
в Москве, где продолжается Сраженье
рабов-отцов
и страждущих детей...

На Рождество — введение во Храм
Народа Русского,
я верю,
состоится...

7 января 1988

РАБЫ ГРЕХА

За все, за все нас ожидает плата!
И тем грозней, чем совесть нечиста.
Мы не страшней ли Понтия Пилата,
Когда в грехах мы предаем Христа?

Рабы греха, в притворности гордыни,
Мы за собой не чувствуем вины.
И даже поруганием святыни
В прозренья миг едва уязвлены!

Бог мой, вконец дичающие чада
Твои — пусть страх примут хоть подчас:
За все, за все их ожидает плата...
Но нет Тебя в пустотах душ и глаз!

В них четырех безумных поколений
От плоти плоть. Все яростней для них
На струнах зла играет черный гений,
Пася овец безрадостных своих...

Твоих, о Бог мой, чад, вкусивших блуда,
В неволе, ставшей тягостней для всех...
Я не могу их не любить, покуда
Я знаю, что Тобой искуплен грех.

23 июня 1991

АЛЕКСАНДР НЕВОЛИН

ХРАМ

От стен Кремля всего за полверсты,
Там, где давно живут мои мечты,
С печальной думой день-деньской
Гуляю по Кропоткинской,
Высматривая древности черты.

Здесь домики плечо в плечо сошлись.
У них своя невидимая жизнь.
Волхонка и Остоженка,
Ленивка где-то тоже там
В затейливый узор сплелись.

В Москве почти не видно куполов:
Остались все церквушки без голов.
Да, было время страшное,
Лихое, бесшабашное —
Решетки лили из колоколов.

Здесь сотни лет старались мужики,
Чтоб не погасли свечек огоньки...
Исчезли храмы, росписи,
Согласно черной подписи
Безжалостной прокуренной руки.

«Пречистенка где?» — спрашивал полдня.
Недоуменье, смех услышал я.
Старушка с белой головой
Сказала только: «Бог с тобой...»,
Заплакав тихо, обняла меня.

Эй, люди! Или нет на вас креста!
Здесь Храм стоял Спасителя Христа...
Молчат, не откликаются,
В беспамятстве купаются
У Каменного серого моста.

Прости нас, грешных, Матушка Москва!
Да доля твоя, видно, такова:
И жгли тебя, и грабили,
И всю перелопатили,
Но ты назло всем врагам жива!

1989

АЛЕКСАНДР МАКАРОВ

МИТРОПОЛИТ ИЛАРИОН

1

Рим чтит и хвалит Павла, Индия — Фому.
Похвалим же и мы по малой нашей силе
родителей своих; и, думая о сыне,
хранимом Господом, поклонимся Ему.

Чудесна наша жизнь, поскольку нет другой.
И славен город наш, а в граде вашем не был.
Тут русский пляшет дождь под свадебной дугой,
и солнце по дуге по-царски сходит с неба.

Украшен город наш величьем, как венцом.
Ограды и мосты с искусною резьбою.
Народ здоров, но увлекается винцом,
а кое-кто и рэкетом, сиречь разбоем.

Великая страна! Проснись, стряхни свой сон,
возрадуйся и восхвали талант в народе...
Такие вот слова и что-то в этом роде
мне говорил митрополит Иларион.

2

...Ты не умер,
но спишь до общего всем вставания!..

Митрополит Иларион,
забыв науку расставанья,
мы спим до общего вставания, —
от Казахстана до Литвы,
от Енисея и до Мурوما
поля черны, леса нахмурены,
и кажется, что мы мертвы.

Что никогда мы не поднимемся,
друг с другом крепко не обнимемся,
не встанем в нерушимый ряд.
Забыв науку расставания,
мы спим до общего вставания,
друг другу — друг, сестра и брат.

ГЕННАДИЙ ФРОЛОВ

В ХРАМЕ

Купола ободраны на крыши
Полувека более назад.
И пылает огненный и рыжий
Меж стропил синеющий закат.

Но внутри, где пасмурно и тихо,
В ясном блеске острого луча
Все видны рука Его и Книга
На покрытых гарью кирпичах.

МОЛЕНИЕ

О, слияние молнии с громом,
Ожидание яви без снов! —
Это небо — не Отчего ль дома
Изукрашенный звездами кров.

Где планет голубые стропила
Исчезают в сиянии из глаз!
Укрепи же, Господняя сила,
Не оставь обессилевших нас.

Путь наш долог, непрям и тревожен,
Мы идем год за годом туда,

Где вздымается Сад — огорожен
Золотою стеною стыда.

Но, как пенье
 в Рождественский вечер
Сердцу светлый дарует покой,
Ты даруй нам надежду на встречу
После тяжелой дороги земной.

Да! За все мои прегрешенья,
За разврат и сумятицу дней
Со слезами прошу я прощенья! —
Но суди меня волей Своей!

Обреки меня каре жестокой,
Над душою сыновней скорбя! —
Но позволь мне — хотя б издалека,
Хоть вполглаза — увидеть Тебя!

Ибо мертвая тяжесть забвенья
Мне страшней очистительных мук,
Что готов я принять со смиреньем
Из Твоих из Отеческих рук!..

**ВИКТОР
ФЕДОТОВ**

СТАРИК И БИБЛИЯ

Я, отрок, зажигаю свечи.

А.Блок

В забытой всеми деревне
живет одинокий старик,
нашел утешенье он в древней
и самой мудрейшей из книг.

Читает он Книгу ночами,
читает в сотысячный раз,
с божницы святыми очами
глядит нестареющий Спас.

В мерцающем свете лампы
виденье желанно придет:
высокость церковной ограды,
родного селенья приход.

И снова он отрок, и свечи
своею рукою зажег,
с ним рядом матери плечи,
ей голову скрывший платок.

Красивы церковные своды...
А церкви той нету давно,
живет она в сердце все годы,
жить в людях ей вечно дано.

И нет одиночества старцу,
и старости нету ему,
Небесному светлому Царству
доверился он одному.

**ВАЛЕНТИН
СУХОВСКИЙ**

БОГОРОДИЦА

От красы Божественного Лица
В нежной ласке солнечных лучей
Я не в силах отвести очей...
Кто же был художник тот великий?

Богородицы прекрасный Лик
Души спас премногим миллионам.
Поклоняясь дедовским иконам,
Станешь и разумен, и велик.

Моды помешательство пройдет,
Бесы рока сгинут чумовые
И пожары стихнут мировые,
Если целомудрие спасет!

ГЕННАДИЙ СТУПИН

Мне снился всемирный потоп.
Мне страшно и холодно было.
Средь водной пустыни один
Под небом пустым я рыдал,
Погибнуть готов. Но потом
Меня красота поразила,
Восторг леденящий в груди
Над ужасом возоблада.

Блистают холодные воды
По всей широте небесной
И солнца холодного пыл
Стократ отражали, слепя.
Забыв, что под ними — народы,
Красой околдован чудесной,
Воочью я в вечности был,
Не помня земного себя.

Простите, о люди родные,
Погибшие в хладной пучине,
Сокрывшей сады и дома,
Всю жизнь вашу, души, тела —
Я чувства изведаль иные
В прекрасной бесстрастной пустыне,

Где не было зла и добра,
Одна красота лишь была,
Сильней человеческой боли
И разуму непостижима.
Так в детстве я видел разлив
Родимой моей Аткары:
От света, простора и воли
Безмолвна и недвижима,
Душа, обо всем позабыв,
В иные гляделась миры...

Я помню: не весь я вернулся
В дом нищенский, к играм немудрым,
И к детской влюбленности тайной,
И в скучную школу потом...
И не до конца я проснулся
Сегодня обыденным утром —
Пусть даже во сне, пусть случайно
Всемирный выдавший потоп.

**СЕРГЕЙ
ХОМУТОВ**

Сказали: «Жить в безверии».
И жили-поживали.
Взвопили: «Веру продали!»
Прошибла всех слеза.
Мы столько лет иконами
Кастрюли закрывали,
Теперь на них молиться бы,
Да стерлись образа.

Незатейливая церквушка
Затерялась в глухой сторонке.
Возле двери сидит старушка,
Предлагает купить иконки.
Мало святости в этом зданьи,
А святыни и вовсе нету,
Непосильной сломало данью
Вековую обитель эту.

Безнадежную жизнь прихода
Видно взглядом и непредвзятым.
А Христа как врага народа
Расстреляли еще в тридцатом.

МОЛИТВА

В праздник престольный опять
Мать собирается в церковь.
Как мне ее не понять —
Слабой надежды бесценность.
Что ей осталось теперь?
Грустная даль перед нею:
Тягостный список потерь
С каждым годочком длиннее.
Ближних,
Родимых таких,
Коим уж не воротиться...
Не за себя,
За других
Мать моя будет молиться.
Ведаю, и за мою
Душу печальную тоже:
«В горе, в безверье, в бою,
Дай ему силушки, Боже!»
Может быть, и одарит
Боль ее
Милость святая...
Пусть надо мною горит,
Веру мою согревая,
В яростном дне и в ночи,
В трудной дороге неблизкой
Пламя церковной свечи,
Пламя любви материнской.

ХРАМ

А храм надо строить,
Лепить, как сказанье,
Сквозь вымысел в небо смотреть,
И взглядом влюбленным,
И каждым касаньем
Каменья холодные греть.

Единственный,
Неповторимый на свете,
Как неповторима судьба,
Пусть в помощь придут вам
И солнце,
И ветер,
И гордая вера в себя.

А храм надо строить,
Работою грубой
И тонким душевным трудом,
И не убояться,
Что руки отрубят
Иль выколкют очи потом.

**ЭДУАРД
БАЛАШОВ**

К СПАСУ ЯРОЕ ОКО

Не карай меня, Спасе Ярое Око!
Ты высоко во мне и далеко.
За нуждою к Тебе припадаю.
Ни за что ни про что пропадаю.

Не карай меня, Спасе Ярое Око!
Накатилась Твоих супостатов эпоха.
Ведь случаются бури на солнце
недаром.
И недаром земля полыхает
пожаром.

Отведи же десницу ослепшего рока,
Не карай меня, Спасе Ярое Око!
Не утихла еще заповедная битва.
Не иссякла моя о России молитва.

МОЛИТВА МАТЕРИ

Господи, Ты помнишь человека?
Ты его еще не позабыл?
Если не иссякло в реках млеко,
Коим Ты ребенка напоил,

Если зреет плод в земном посаде,
Если птица вывела птенца,
Господи, молю я о пощаде:
Не забудь, не отвори Лица,
Господи, Отца и Сына ради
И во имя Сына и Отца!

**ЮРИЙ
КУБЛАНОВСКИЙ**

Соловки от крови заржавели,
и Фавор на Анзере погас.
Что бы ветры белые ни пели,
страшен будет их рассказ.

Но не то — в обители Кирилла:
серебрится каждая стена.
Чудотворца зиждущая сила
тут не так осквернена.

Потому надвратная икона
оживает в утреннем луче,
и берез величественных крона
на небесной выткана парче.

Что остановило комсомольца
сделать склад для красных овощей,
из свиных ноздрей пуская кольца,
у святоотеческих мощей?

1976

**ОЛЕСЯ
НИКОЛАЕВА**

ПЕЛАГИЯ

(По мотивам византийской легенды)

Ты юна и прекрасна, о Тарса надменная дочь!
Пред тобою сегодня расступится хищная ночь,
по которой идешь ты, покуда девицы другие
в глубине своих спален мечтают о новых балах,
женихах и нарядах, а ты, как раба в кандалах,
в черных скалах бредешь потайною тропой,
Пелагия!

Как созвездье меж звезд или розовый куст
меж кустов,
знатен славный твой род, с императорским домом готов
породниться, поскольку наследник тобой очарован.
То-то было бы дело: знай царствуй на славу и всласть,
только идолов помни, твою охраняющих власть!
...Что же ты отвернулась и скрылась
под черным покровом?

Ты в видении сонном все это увидела днесь:
сам епископ, гонимый языческим городом, здесь
укрывается, выйдет тебе он навстречу, суровый, —
по молитвам его из-под камня источник забьет,
и откроется небо, и голос в тебе запоет:
возвращайся домой, ты вернешься невестой Христовой!

Да, ты завтра вернешься, и завтра тебя предадут,
поведут мимо капищ, притянут к ответу, на суд.
императорский сын, уязвленный напрасной мечтою,
на себя от отчаянья руки наложит, глупец!
Что же делать с тобою, раз сам император-отец
позовет тебя в жены, пленяясь твоей красотой?

Завтра этот безумец, не зная владений твоих,
горсти пыли и праха, сокровища, полные тли,
пред тобою разложит и глянет с улыбкою змия.
Ты с великим презреньем швырнешь ему славу
и власть,
и земные богатства, и всякую похоть и страсть,
чтоб сгореть, как свеча, и восстать в третий день,
Пелагия!

...Так пойдем же средь тьмы, средь неведомых
поприщ и скал
там, где ухает филин и рыщет голодный шакал,
и летучие мыши так близко шуршат о напрасном,
и срывается камень, и долго летит он до дна,
чтобы мы не забыли, как пропасть под нами страшна,
и чтоб день наступающий нам не явился соблазном!

1986

ГИМН

Слава Зажигающему солнцу и Усмиряющему океан!
Слава Рассыпающему первую зелень
на черных ветках,

Дунувшему — и стал ветер, Дохнувшему —
и стал туман,
И в родовом колодце мы все отразились в предках.

Слава Согревающему зимнее детство,
Просветляющему юную кровь,
Защищающему нас от ночного страха Своею дланью,
Слава Тому, Кто женщинам дает любовь,
А мужчинам жалуется вожделенное знанье!

Слава Украшающему юнцов и юниц,
Укрепляющему стариц со стариками,
Вскармливающему младенцев,
Выпускающему на волю птиц,
Покрывающему наши низости высокими облаками!

Слава Посылающему на запад снег и зной на восток,
Ударяющему в тимпаны средь камней и пыли,
Избавляющему нас от черного дня, чтоб
не копили впрок,
Но странствовали налегке и царственно жили!

Слава Благословляющему пчелу и Одевающему змею,
Слышащему любую цикаду в ночном чертоге,
Слава, слава Тому, с Кем поем радость свою,
А страданье и сами мы пели, глядя под ноги!

1986

ТАТЬЯНА СМЕРТИНА

ПАСХАЛЬНОЕ

Над полями — звон и волнение.
Светлое Христово
Воскресение!
Веселая Пасха —
Вылетела, как птица,
Взнеслась, обратилась
И вновь воротилась,
Яйцом к нам скатилась.
Мы тоже кому-то
Будем утратой
Когда-то...
Но звон колокольный
Еще возродится!
Он эхом родным
Будет в мире носиться,
Слетая со круга
Невидимых звонниц!
И всякий замрет
У дверей и оконце.
И в этом великом
И дивном звучанье
Все будут едины
И слиты молчаньем.

...И светлость берез,
И церковей купола,
И мертвых
Помянет живая земля.

Вера есть путь
Из мрака на свет.
Тем, кто во мраке, —
Спасенья нет.
В мраке —
Дела темны.
Слепой и зрячий —
Равны.
От белого черное
Не отличишь,
Обрыва не углядишь!

**ВЛАДИМИР
БОГАТЫРЕВ**

МОЛИТВА

Люди Божьи. Господня земля.
Слава Вышнему,
 что ни случилось.
Только сердце и пелось
 и билось:
Божьи люди. Господня земля.

ЕЩЕ МОЛИТВА

Слава Тебе,
Владычице моя, Богородице!..
Стар я стал и изогнут дугой;
И комарик утром
Господу Богу молится:
— Хвала Тебе, Создателю,
что я — не другой.

НЕ ВОСКРЕСНУТЬ...

Не душой воскреснуть,
Не устроиться,
Не свершить
скудельные дела, —
Без Спасителя

С Его Крестом,
Без Троицы,
С деревом,
Растущим из крыла!

БЛАЖЕНИ МИРОТВОРЦЫ

*...Яко тии сынове Божии нарекутся.
(7-е из Блаженств Евангельских)*

Негоже скверно речь,
Позорно рваться в сечу...
Пречистая — навстречу —
Христос нам обустречь.
Да не осиль меча,
Но Правды щит подъями;
Слепа и горяча
Ложь, попаляя земли.
А сей сквозящий Щит
Господней мышцы быстрый
Спасет и защитит
От зол братоубийства.
Сотри змеину речь,
Отринь кроваву сечу...
И — Спас нам обустречь.
Пречистая навстречу.
И воссияет Град,
И МИР светлее солнца,
Где Божий виноград
Пожинут миротворцы.

**СЕРГЕЙ
КУЗНЕЦОВ**

**ДЖОРДАНВИЛЛЬСКИЕ
КОЛОКОЛА**

Над Голгофой зардеет небо.
Птицы только начнут щебетать.
И над всею Америкой смело
Колокольная слышится рать.

Перезвоны малиновых трелей
И набатный, уверенный бас —
Звон проносится мимо елей,
Мимо фермы в предутренний час.

И проезжий вдруг ахнет громко
Из машины выйдя, дивясь...
Вон, смотри, как ветер поземкой
Раскрутил колокольную вязь.

Над собором, над братским приютом,
Умножаясь, церковный звон
Устремляется в светлое утро,
Отражаясь в величье икон.

И за многие-многое мили,
На пригорках, в оврагах, лугах,

Слышен звон золотой Джорданвилля —
Он разгонит тоску и страх.

Птицы в небе кричали имя —
Я сейчас этот крик услышал:
Колокольный звон Джорданвилля
Нам Господь преподносит в дар.

2000

**НАДЕЖДА
ВЕСЕЛОВСКАЯ**

ИНИЦИАЛЫ

В тот день
была жара и духота,
И мог под солнцем
выстоять не каждый,
Когда Спаситель,
свесившись с Креста,
Сказал в толпу,
что Он томится жаждой.

Был старший стражник
слишком зол и груб,
Чтоб дать воды
из глиняного кубка, —
Ползет на трости
до Христовых губ
Злым укусом
напитанная губка.

Так шли часы,
мучения полны,
И пот тяжелый
смешивался с кровью.
Вверху Креста крепилась
к изголовью

Доска-табличка
с надписью вины.

Читались буквы
крупные на ней
По-римски, гречески
и арамейски:
«И» — значит Иисус,
«Н» — Назорей,
В насмешку «Ц» и «И» —
Царь Иудейский.

Над площадью,
над скопищем голов
Все взоры
эта надпись призывала.
«И», «Н», «Ц», «И» —
и сокращенье слов
С тех самых пор зовут —
инициалы.

1990

Идут года, теряют люди близких.
Старухи в церкви слабою рукой
Выводят поминальные записки,
Где значится вверху: «За упокой».

За все они пред памятью в ответе!
Начнут с отца и матери своих,

А дальше — муж, невыжившие дети,
В войну пропавший без вести жених...

Все имена спешат соединиться,
Сплестись в одну незыблемую суть, —
Растущий список длинной вереницей
Среди листа прокладывает путь...

За ним лежат бескрайние просторы,
Туманной дымкой скрытые вдали...
А сам он служит точкою опоры
Общения умерших и земли.

ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ

Чудовище — чешуйчатый дракон,
Прищурившись, как будто сам лукавый,
Встал на дыбы — но есть такой закон,
Что в страшной схватке побеждает правый.

Глаза дракона словно жгут дотла,
А тело вьется, будто в вихре оргий;
И тут не меч, копьё или стрела
Страшны ему — а только сам Георгий.

Ничто не дрогнет в войне святом!
Он безупречно Истиной проникнут.
И бьет дракон поверженный хвостом,
И два огня в очах бесовских никнут.

1995

**ВИКТОР
ВЕРСТАКОВ**

ВЕК ЛЮБВИ

Душа моя, не привыкай к разладу.
Погасла новогодняя звезда,
и в темноте времен открылся взгляду
век покаяния, терпения, труда.

Грехов своих я не преуменьшаю.
Душа моя, смирайся и грусти.
Но и гордись, стихами воскрешая
Святую память Русского пути.

Душа моя, я знаю: ты устала.
И все-таки хоть строчкой доживи,
когда на Русь придет, как ты мечтала,
век утешения, прощения, любви.

СЛУЧАЙ В ВИФАНИИ

Опять о Марфе и Марии
я вспоминаю и грущу.
В другой земле, в года другие
следы их вечные ищу.

В их доме около подножья
скальной Масличной горы

неоднократно с Сыном Божиим
трапезничали две сестры.

Точнее, Марфа хлопотала,
Мария же у ног Христа
сидела и Ему внимала.
Чья совесть более чиста?

Сестры, которая кормила,
прислуживала у стола,
иль той, которая забыла
про неотложные дела?

Однажды Марфа возмутилась,
спросив у Гостя, почему
Он оказал Марии милость
в безделии внимать Ему.

Ответ Господень был суровый:
что, мол, сестра ее права,
что нужно слушать Божье слово,
а остальное трын-трава.

Пусть я повольничал с цитатой,
но речь Христа была жестка,
что подтвердил в главе десятой
евангелист и врач Лука.

Марии ж дела было мало:
устала Марфа или нет.
Она сестры не понимала.
И не поймет сто тысяч лет.

НАТАЛИЯ ВАРЛЕЙ

Уже по всей Руси
Звонят колокола.
Уже огонь беды
Озера отразили...
Но тихо спит земля,
Как будто обессилев
От ядовитых чар
Невидимого зла...

А коршуны кружат
Над телом распростертым
И гибельно кричат
Над ней, еще живой.
И над ее прекрасной
Русой головой
Занес свой острый меч
Посланник воли черной!..

Ну что же ты молчишь,
Таинственная Русь?!
Смиренье или сон?
Тоска иль равнодушие?!
В богоотступный час
Судьбой богопослушной
Внезапно обожгусь —
Навеки озарюсь!..

Уже по всей Руси
Кровавая роса...
И на траву могил
Стекают слезы вдовьи...
И матери не спят...
И следом за любовью
Шагает смерть —
Ее наточена коса!

И вороны кружат
Над мертвыми телами —
Там, где хлеба давно
Не убраны с полей...
И вьется черный дым
Над светлыми крестами
И по-над куполами
Спасительных церквей...

Таинственная Русь —
Единственная Русь!
Восстань! Воспрянь! Очнись!
Стряхни с себя проклятье!
Озерные глаза
И луговое платье —
Прекрасной и святой
Пред миром всем
Явись!

1996

**ВАДИМ
СПРИНЧАН**

**НА РУБЕЖЕ
ЗЕМНЫХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ**

*Имя сей звезде полынь, и третья часть
вод сделалась полынью, и многие
из людей умерли от вод, потому что
они стали горьки.*

(Откровение Иоанна Богослова)

Из адской бездны мировое зло
На рубеже земных тысячелетий
Извергнулось и лавой по планете,
Само себя сжигая, поползло.

Дымит под небом смрадное жерло.
И, перед совестью своей в ответе,
Читаю Апокалипсис при свете
Чернобыля — про зверя и число...

Звезда полынь! Страдают Божьи дети,
И воды многие горчат зело,
И горьких строк прибавилось в сонете.
Как никогда на сердце тяжело.

Но Вечности оно дало обет,
И служит Ей, — не суете сует,
И, несмотря на лики мира злого,

Все глубже верит в Невечерний Свет,
И в музыку Немеркнувшего Слова,
И в Троидаиный Творческий Завет.

1991

ТРОИЦА

Еще о нас печалуется Троица,
Еще не все мы веру потеряли,
Еще Россия на Земле устроится
И люди утолят свои печали.

И сердцу сокровенное откроется:
В грядущее струится свет былого.
Тьму победила Сергиева Троица —
И просияла «Троица» Рублева.

И сердце верующее настроится
На дивное творение Шмелева —
На «Богомолье»... Да святится Троица
В конце тысячелетия второго.

1997

ПУТЬ

*Где нет ни Еллина, ни Иудея...
(Послание к Колоссянам 3: 11)*

И вот, сокровищем владея,
Иду на Православный свет,
Ко Царству Божьему, где нет

Ни Еллина, ни Иудея,
К Собору, в коем смерти нет.

Но, — не идя на поводу
У розни мировой, — иду
По жертвенной земле... Так есть.
И крест несу. И буду несть.
И к жизни сей не охладю.
Всечеловечностью горжусь
Стоявших за Святую Русь.
Ее прекрасная идея —
Свет миру и Благая Весть.

1992

ПРИЗНАНИЕ

Вы мне одинаково родные
Перед грозным ликом Бытия:
Украина,
Беларусь,
Россия, —
Троица славянская моя.

Милосердны и прекрасны ваши Лица.
В грозном круговороте дней
В храме сердца буду я молиться
Триединой Родине моей.

1988

**ВЛАДИСЛАВ
АРТЕМОВ**

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

(Отрывок)

7

Мир дается правдой, а не силой,
Я в руках пересыпаю прах...
Как же долго, Господи, помилуй,
Довелось нам мыкаться впотьмах.

Кто же, кто же,
кто тут победитель?!
Смерть пророчат нам, а я смеюсь —
Возроди хотя б одну обитель,
Встанет из руин — Святая Русь!

Родина, из пустоты, из праха
Воскресая в правде и в любви,
Ты рукою кроткого монаха
В трудный путь меня благослови!

Знаю я, прощаться будет туго,
Каждого с поклоном обниму,
Что же делать — выйду я из круга
И шагну во внешнюю, во тьму.

Стою я и так говорю им,
Что жизнь наша очень проста...
«Живем, — говорю, — не горюем,
Воюем с врагами Христа!»

1993

СТРАННИК

Как по той,
По той ли по дороге,
По дороге
Светлой, полевой
Шел старик,
Шел странничек убогий,
Весь убогий, вот как,
Весь седой.

По земле,
По той земле, по русской,
На восход,
На ясную зарю,
По дороге тесной той,
По узкой, вот как,
Он идет
К Небесному Царю.

Спросит, спросит,
Спросит Царь Небесный,
Хоть ответ и знает наперед —
Много ли по той,

По той дороге
Тесной, вот как,
Да по узкой
Путников идет...

Снег в лицо,
Пустыня ледяная,
Как ни прячься —
Весь ты на виду.
Широка,
Ох широка, да,
Страна моя родная, вот как,
Отдышусь,
И дальше побреду...

1996

НИКОЛАЙ КОНЯЕВ

Разрушены храмы. Затоптаны свечи.
И тихо приходит Христос
Колючей землей человеческой —
Свободен. Прекрасен. И бос.
И выше, где своды сырые,
Надменно живет голубьё,
И хлопают гулкие крылья,
И некому верить в Любовь.
Свой посох сжимая рукою,
Пора бы, пора бы шагнуть
Со словом о правде, о Боге
В российскую жуткую муть.
Здесь высшая истина веры
Давно прогорела в золу.
И ветер врывается в двери,
И битый кирпич на полу...
Идет Он, Безмолвный и Строгий,
И гаснет среди темноты,
Где мальчик, не знающий Бога,
На корточки сел у стены.

1995

**АНТОН
ВАСИЛЬЕВ**

СОБОР

Иеромонаху Спиридону

Но как же верою гореть,
Когда в душе — разврат,
Когда души осталось треть
И нет пути назад?

Когда над Лаврою восход,
И падает роса,
И покаянья зреет плод,
Творящий чудеса,
Когда ни жить, ни умереть
Не требует душа,
Уже сгоревшая на треть,
На ладан не дыша,
И легкий лет и тонкий писк
Над синью куполов
Благословенных Божьих птиц
Как образ чистых слов,
А верных строгие глаза
И их одежды речь
Плетутся цепью, как лоза,
Что вьется сердцу встечь,
И вознесенные кресты
Выносят в небеса,

И раскрываются цветы
И восстает Роса...
Но как же верой не гореть,
Когда души возврат,
Когда не страх и умереть
Свечой у Царских врат!

1986, Сергиев Посад

ЕСЛИ

Если есть Господь на свете,
Я хочу с Ним говорить,
Как во сне безгрешном дети,
Я хочу с Ним со-творить.

Если есть за небом Небо,
За землею есть Земля,
Не с Бориса и не с Глеба, —
Начинаю все с нуля.

Если есть за волей Воля,
За любовью есть Любовь,
Суетливо не глаголя,
Помолюсь в душе я вновь.

Есть наследник ли у сына,
За Россией есть ли Русь?
Не могу я верить сильно
И не верить я боюсь.

Если есть за утром Завтра,
Так же, как за ночью день,
Я хочу — и это правда, —
Чтоб остался я как тень.

Никому не помешаю
Тем, что буду лишь любить,
У дверей у райских с краю
И с тобою, может быть.

1993

ЦВЕТЫ

На могиле Хомякова
Появились цветы,
И в душе славянской снова
Пробудились мечты:
Может быть, еще не будет
Очевидного конца...
И надежда веру будит
В обретение венца...
Закачались ромашки,
Зашептались васильки,
Бело-розовые кашки —
Возгорелись угольки
И затеплилась лампада
Благодати луговой.
Может быть, еще не надо,
Братья, никнуть головой?

Над гранитною плитою,
Над порушенным крестом
Летний ветер с простотою
Разговаривал с листом
И беседовал с былинкой
И с травинкою сухой —
Об ушедшей, о былинной,
О великой и святой...
Проходили экскурсанты
Ротозейною толпой,
Монастырские куранты
Доносили слабый бой,
Тень от милиционера
Упадала иногда,
Но росла незримо вера,
Хоть и таяла вода.
Чьей-то верною десницей
Здесь поставленный сосуд
Говорит нам, что не снится
Ни Эдем, ни Страшный Суд.

1996

**МИХАИЛ
ШЕЛЕХОВ**

ЗАПОВЕДЬ

Когда собираетесь в церковь, а церкви поблизости нет,
Идите ко русскому граду — исполнить
последний обет!

Вас старые камни обнимут, даря утешение вам,
И дряхлое рубище снимут —
с печалью земли пополам.

Когда собираетесь в церковь, а русского города нет,
Идите во чистое поле — исполнить
последний обет!

Вас поле цветами обнимет, даря умиление вам,
И рваное рубище снимет —
с печалью земли пополам.

Когда собираетесь в церковь, а чистого поля нет,
Идите к реке обмелевшей — исполнить
последний обет!

Вас чистые воды обнимут, даря просветление вам,
И ветхое рубище снимут —
с печалью земли пополам.

Когда собираетесь в церковь, а церкви поблизости нет,
Идите к душе уцелевшей, к любой
христианской душе!

И будь он старик иль младенец, он даст
отпущение вам
И сирое рубище сменит —
с печалью земли пополам.

Когда собираетесь в церковь, а вокруг ни единой души,
Молитесь на спящие зерна посеянной Господом ржи!
На клочья любви убиенной, на слезы угасших детей,
На Крест среди темной вселенной —
со ржавчиной старых гвоздей.

Когда собираетесь в церковь, а небо не помнит Креста,
Молитесь! И вам отзовется незримое жито Христа.
Молитесь, чтоб вспыхнули зерна!
И в смерти даруется вам.
И снова возникнет мир горний —
с печалью земли пополам.

1988

КРЕЩЕНИЕ

До крещенья детей доведи Твоих,
Боже мой, Боже!
Не дай превратиться в русалок
и в капли тумана.
Мы придем к Тебе тихо,
не ведая чувственной дрожи,
Мы придем к Тебе светом —
к далекой воде Иордана.

На пути к Тебе русское поле
легло под колеса.
И леса полегли, и Байкал!
И в кровавом распиле
Много жизней легло,
не избавив сердца от вопроса...
Но за то, что мы тут,
мы Тебя и в распиле — любили!

Мы к Тебе прибредем,
каждый шаг ощущая — босые,
Помавающей силе небес
благодарствуя словом...
Сохрани до крещения, Боже,
в пространствах России!
Дай пролиться воде
и душе зазвучать под покровом.

И когда под покров куполов
прибредут Твои дети,
Ты прости мне грехи мои, Боже,
хоть каплю их ныне!
Что не спас я ни этих,
ни тех в моем смутном столетье
И колодца не вырыл среди
вопиющей пустыни.

Коли милость Твоя —
дай мне силы упиться слезами —

На пути, на железном обрывке
предвечной дороги!
Отпусти Твоим детям грехи
и воздай небесами
За несчастные их и босые
несильные ноги.

Слышишь, дети Твои
сиротливо взыскуют покрова?
Ниспошли же несчастным
в крещенские наши морозы
Умиления и веры в простое
и тихое слово
И вплети в их сердца
Свои вечные тайные розы...

1990

ДЕТИ

В белом тернии снега безмолвен Великий Иван,
Золотую главу преклоняя, лишь розово днесь
Начинает читать Херувим — и лазурный сафьян
Так печально блестит, как ударят заутрени шесть.

И, как первые люди, еще не узнавши бича,
Умиленные храмы наивно стоят над Москвой.
Ничего не моля и еще ничему не уча...
И как дети они! И как дети они — пред Тобой.

Но когда отчитают — и чтение гулом пройдет,
Обнимая сердца и пути несладкие тут,
Начинается день — и антоновский падает плод!
И антонов огонь сумасшедшие всюду зажгут.

И, состарившись вмиг в звездопаде рокошующих слов,
Наши храмы, как старцы,

склоняются к детям своим...

И, прощая, проходит в зеркале златых куполов
В белом тернии снега, как мальчик,
седой Херувим.

1990

АНГЕЛ НА ВОСТОКЕ

Близ Ангела с крутящимся мечом
Стою я в ослепительном молчанье.
А за мечом — блистает вечный дом.
И ветер смерти шевелит сознание.

В день Воскресенья ангельским путем
Тут вел Господь из ада соблазненных —
Близ Ангела с крутящимся мечом...
И этот путь остался для бездомных.

1993

ЛАМПАДА

Жизнь прожита. Лампада догорает.
И поздно уж елса наливаться.

А свет смиренный напечатлевает
Скудеющую на чело печать.

В потемках мира мало чем отличен
От темноты я. Но негромкий свет
Еще горит, среди живых привычен,
И где меня уже почти что нет.

Но страшно думать, что за кругом здешним
Не жгу лампы перед Божеством.
И с каждым днем видением крошечным
Все четче я рисуюсь в мире том.

В последний раз я жгу свою лампаду
Под этим небом, где меня уж нет.
И лестницу дрожащую — ко Граду
Лампады бедной простирает свет.

1995

**АНДРЕЙ
РЕБРОВ**

ВЕСТНИКИ

Еще открыты церкви двери
И, как маяк, зовет людей
Свет Невечерний русской веры,
Тропинкой теплясь по воде.

Но ближе, ближе огонь огромный,
И все зловещей рыки волн,
И край земли моей греховной
Уже звериной пеной полн.

Мой дух ожгло дыханье зверя,
А в сердце холод — быть беде...
Огонь подсвечивает перья
Взлетевших к храму лебедей.

Своим тревожным устремленьем
Направив взоры к небесам,
Они, как вестники спасенья,
Путь указали в Божий храм.

Еще отверсты двери храма,
Но там, где прежде на воде

Светилась тропка в темноте —
Меж волн высоких — ямы, ямы...

1995

ДЕНЬ ИЗБРАННЫЙ

На миг крошечным для меня
Свет белый стал от воронья...
Но в вороненой стали дня
Я вижу, вечный свет храня,
Накалы звездного огня
Ночных молитвенных небес...
И расточает, яко перст,
Днесь вражьи стаи звездный Крест.

1995

Облачился зарей скальный город.
И возглись над варяжской Невой
Леденистые главы собора —
Сгустки русской любви огневой.

В этот каменный, огненный вечер
К мостовой пристывает мой взор,
Но в душе, яко Божии свечи,
Многоглаво пылает собор.

В эту лютую, зарную стужу
Петрограда славянскую душу

В ледяную варяжскую плоть
Облече Милосердный Господь.

Отчего ж мне замерзший прохожий
Вдруг тепло улыбнулся на миг?
Знать, в лице моем, с севером схожим,
Прояснил, Петроград, твой погожий
Прикровенный молитвенный лик!

1995

КОНСТАНТИН МОЗГАЛОВ

ОТРЕЧЕНИЕ

Отрекаюсь от пиров,
от расхристанных голов,
от двусмысленности действий,
от замызганности шествий,
что ведут в тартарары
до положенной поры.

Отрекаюсь от зеркал,
от прокрустовых лекал,
от раздувшихся двухвосток,
от засахаренных блесков,
отразивших черный свет,
безнадежный на просвет.

Отрекаюсь от золы,
от разодранной полы,
от безрадостных георгик,
от вальпургиевых оргий,
где безумствовал, губя
мимолетного себя.

Отрекаюсь, Отче, каюсь!

2001

Закончились игрища разом
в слепом, суррогатном раю,
и все, что берег пуще глаза,
я даром теперь отдаю.

Берите же, добрые люди!
Но страх не считите за труд,
когда на расплавленном блюде
расплату и вам подадут.

Считай, ничего-то не понял
на этой молчащей земле,
где белая тень колоколен
на треть утопает в золе.

Да сбудется воля Господня
на свет и смеркание дня!
Быть может, давно преисподняя,
дрожа, ожидает меня.

Туда не сойдет озаренье,
но все же, покамест живой,
еще остается мгновенье
покаяться перед травой.

2001

Когда не исполняются
земные законы,
в мир подвигаются иконы;
если лики молчат,
строгие от постов и молитв,
наступает эра битв
Превечного Духа
с безмозглой тьмою,
обвитой траурной тесьмою...

2001

**НИНА
КАРТАШЕВА**

Я подхожу к сияющему трону
Природы, где задуман образ наш,
Я прикасаюсь к чистому картону,
Макая кисти в розовый пейзаж.

А небо! Господи, какое небо!
Убей меня, но только не отринь!
Не надо ни покоя мне, ни хлеба —
Останься, небо! Золото и синь!

Стекают в реки пламенные зори,
Стоят закаты до плечей в воде,
Белеют паруса в небесном море,
О Боге говорит звезда звезде!

И я пишу небесные портреты,
И я прошу чудесные цвета
Запечатлеть нетленные приметы
Души одной, чье имя — Красота!

Саровской пустыни святыня и солнце!
Вот голубем диким душа моя ждет.

В икону смотрю, как в простое оконце
Избы деревенской, где радость живет.
Мне, страннице бедной печального мира,
Там будет приют, и любовь, и покой.
Стою у окошка усталой и сирой.
А Старец меня подзывает рукой.

Войду! Обогреет, напоит, накормит,
Поплачет со мной, посмеется со мной,
И сердце оттаит, рассеется горе,
И сотами пахнет, целебной травой...

Прильну я всем сердцем к приюту родному,
И, силы набравшись, бесстрашно гляжу
На путь предстоящий мне к Вечному Дому.
Поклон положу. И легко уйду.

Есть Слово — Господь.

И над словом — Господь.

Поэзия — Господа дар и призванье.
Содержится Словом Его мирозданье,
И Слово Его облекается в плоть.

И есть Красота выше прочих красот —
Пречистая Дева и Божия Матерь.
Ее постигает художник, ваятель —
И зримо нам образ прекрасный дает.

Есть Музыка — Ангелов сферы и светы,
И слух нам лелеют, и звук нам несут.
Все в мире гармонии ими напеты.
И счастливы мы, если нас призовут:

Да будут уста наши мудростью святы,
Да будут глаза наши светом ясны,
И руки чисты, и одежды не смяты.
Да будут творенья честны.

АНГЕЛИНА ШЕНИНА

РОЖДЕСТВО

Ах, какой милосердный снег
Город наш изможденный лечит,
Свет фонарный скупой поблек,
А в церквях нынче свечи, свечи...

А Всенощная будит ночь,
Ото сна поднимая спящих.
И опять мне уснуть невмочь
Этим вечером говорящим.

Говорящим: «Гляди в снега,
В непроглядность январских далей».
Пусть всю ночь шелестит пурга
Над умытыми куполами.

КРЕЩЕНИЕ

Январь. Крещение. Благодать.
Морозом свергнутые дали.
И хочется весь день молчать,
И чтобы все кругом молчали.

Священность этой тишины
Нарушить свято лишь молитвой,

Церковных песнопений сны
Со звоном колокольным слиты.

А в полдень солнечный прорыв
Наступит в снежном пированье
И, верность Богу сохранив,
Зазолотится куполами.

И в этом вечном торжестве
Перед Всевышним замирая,
Ребенок и старик к земле
Склонятся, «Отче...» повторяя.

ПАСХА

Вербы серебрящиеся свечи.
Светлое Христово Воскресенье.
Новое и древнее Спасенье.
Праведный, щемяще-теплый вечер.

По церквам уставшим, просветленным
Ладаном насыщен воздух пряный.
И в устройстве мира нет изъяна,
Места нет грехам неискупленным.

**АЛЕКСЕЙ
МЕЛЬНИКОВ**

Ищу Тебя, Господь моей души,
в числе и слове.
(— Не затвори и не уничижи
врата любви!)

Ищу в кипенье трепетных громов,
моление молний.
(— Не умолчи, Господь моих стихов,
в стихах любви!)

Мечтаю обрести и дух, и плоть
в Твоем улове.
(— Благой надеждой осени, Господь,
мечты любви!)

**АЛЕКСАНДР
АНАНИЧЕВ**

НОВАЯ ГОЛГОФА

Зацвели тополя за Дунаем.
Только выкрашен копотью цвет...
Это Запад славян распинает
На Балканах гвоздями ракет.

Хриплый крик над Голгофой несется
К небесам из славянской груди —
Упованье на русское солнце,
Что должно на Востоке взойти.

Но молитва в снегах цепенеет.
Солнце катится нынче назад...
И, покуда Москва на коленях,
На кресте остается Белград.

Умереть нам завещано вместе.
И — воскреснуть. Дорога одна...
Чтобы спеть недопетые песни
И налить за победу вина!

Апрель 1999, Москва

СПАС НА КРОВИ

Он горит и не сгорает
В ярком олове зари.
Достает крестом до рая
Храм, стоящий на крови.

А вокруг земля дымится
От крыльца до алтаря,
Где однажды, как водица,
Расплескалась кровь Царя.

...Кони. Камни. Гул колесный.
Полыхнуло. Обожгло...
И страдалец венценосный
Только выдохнул: «За что?..»

Храм горит. Он тоже страждет.
Смотрит жадно на восток
Бывший склад и бывший даже
Городской просторный морг.

Помнит купол оскверненный,
Как в блокадный дымный ад
В нем застрял десятитонный
Невзорвавшийся снаряд.

Загудели, дрогнув, стены.
И под куполом тогда

Проступил благословенный
Лик распятого Христа.

Храм теперь — музей публичный.
В шапках топчется народ.
И о фресках мозаичных
Бойко врет экскурсовод.

Нет молитвы покаянной.
Лишь, вздыхая тяжело,
Незалеченные камни
Шепчут: «Господи! За что?..»

Петербург. Зима. Светает.
У луны тускнеет медь.
Храм горит и не сгорает.
Только некого согреть.

Январь 2001, Петербург

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ И ХРИСТИАНСТВО

(Начальная библиография)

Богогласник. Песни благоговейныя Праздником Господским, Богородичным и Нарочитых святых чрез весь год приключаящимся. — Почаев, 1790.

Богогласник, или Сборник набожных песнопений праздникам Господним, Богородичным, нарочитых святых и чудотворным иконам, а также других благоговейных, молитвенных, покаянных и умилительных песней. — Варшава, 1924.

Богогласник с нотами. — Варшава, 1935.

Сборник русских духовных стихов / П. Варенцов. — СПб., 1860.

Калики переходящие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. Вып. 1–6. — М., 1861–1864.

Библейская поэзия. Ч. 1–2. [Составитель Ф.А. Иванов] — СПб., 1874.

Библейские мотивы. — СПб., 1896, 1897, 1898.

Сионский песнопевец. Священные псалмы в устах поэтов / Собрал игумен Антоний. — Изд. 2. — Репр. изд. 1902 г. (М.: Типо-литография И. Ефимова) — М.: Свято-Введенский монастырь Оптиной пустыни, 2000.

Сборник религиозно-нравственных стихотворений. — М.: Синодальная типография, 1905.

Сионский песнопевец / Собрал игумен Антоний. — М., 1908.

Христос в мировой поэзии. — М., 1912.

Волны вечности в русской художественной литературе. — Киев: Изд. Киевского религиозного общества, 1914.

Жемчужины духовной поэзии. — Петроград: Изд. Н.Н. Сергиевского, 1916.

Русская религиозная поэзия: Избранные стихотворения / Собраны и изданы профессором С.С. Груздевым. — Прага, 1928.

Духовные посевы. Сборник. — Изд-во «Скит» (Без указания даты).

Воскрешение. Сборник духовной поэзии / Составитель О. Хабаров / Вступ. ст. митр. Волоколамского и Юрьевского Питирима. — М.: Объединение «Ноосфера», Изд. отдел Московского Патриархата, 1989.

Духовная поэзия. Сборник духовной поэзии. — Воронеж, 1990.

Златоструй. Древняя Русь. X–XIII вв. / Сост., авторский текст, коммент. А.Г. Кузьмина, А.Ю. Карпова. — М.: Молодая гвардия, 1990.

Стихи духовные / Составление, вступительная статья, подготовка текстов и комментарии Ф.М. Селиванова. — М.: Советская Россия, 1991.

Сборник духовных народных песнопений / Собрал и Сборник составил Епископ Афанасий. — Пермь: Изд. Пермской Епархии, 1991.

Голубиная книга: Русские народные духовные стихи. — М., 1991.

Библейские мотивы: Ветхий Завет. Выпуск I–II. — М.: Манускрипт, 1991, 1992.

Сборник духовных стихотворений в честь Спасителя / Сост. Д. Платонов. — По изд. 1909 г. — Новосибирск: Вознесенский каф. собор, 1994.

Евангелие от русских поэтов. Составитель и издатель Лев Тимофеев. — М., 1994.

Архимандрит Феодор. О духовных потребностях жизни [Русские духовные писатели]. — М.: Столица, 1991.

Слово жизни в духовных стихах, избранных для любителей духовного пения / Собрал и составил митрофорный протоиерей Николай (Гурьянов). — Остров Залит, 1994.

Слово жизни. Духовные стихи и песнопения [С нотами] / Собрал и составил митрофорный протоиерей Николай (Гурьянов). — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996.

Светлое Воскресение: Произведения русских писателей / Сост., примеч. С.Ф. Дмитриенко. — М.: Русская книга, 1994.

Псалтирь в русской поэзии XVII–XX веков / Составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания Б.Н. Романова. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Ключ, 1995.

Ветхий Завет в русской поэзии XVII–XX веков / Составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания Б.Н. Романова. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Ключ, 1996.

Христос в русской поэзии XVII–XX веков / Составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания Б.Н. Романова. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Ключ, 1996.

Русская духовная поэзия. — М.: Православное братство «Споручницы грешных», 1996.

Бог и человек в русской классической поэзии XVIII–XX веков / Составитель Д.Д. Галютин. — СПб.: Библия для всех, 1997.

Серебряный Кедрон: Отраженья Евангелия. Стихи / Составил Павел Войнович. — М.: Присцельс, 1997.

Стихи духовные для детей и взрослых. — М.: Лестница, 1997.

Русские духовные сказки и стихи. — М.: Свято-Троицкая Церковь в Киевце, 1997.

Духовная нива. Сборник назидательных рассказов. — М.-СПб.: Лествица, Центр «Диоптра», 1998.

Слово жизни: Духовные стихи и песнопения / Прот. Николай (Гурьянов). — СПб.: Изд-во церкви Рождества Иоанна Предтечи, 1998.

Столп огненный. Библейские стихи / Составил Павел Войнович. — М.: Присцельс, 1998.

Духовные стихи. Канты. Сборник духовных стихов Нижегородской области. — М.: Наследие. 1999.

С нами Бог! Рождество Христово в русской поэзии XVIII–XX веков. — М.: Изд-во Московской Патриархии, 1999.

Жития святых в русской поэзии. — М.: Лодья, 1999.

Поэзия небес. Жемчужины русской духовной поэзии. В 2 т. / Составитель Ю.В. Гришин. — М.: Библия для всех, 2001–2002.

Поэзия небес. Бог и человек в русской классической поэзии XVIII–XX веков / Составитель Д.Д. Галютин. — СПб.: Библия для всех, 2002.

Слово и Дух: Антология русской духовной поэзии (X–XX вв.) / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. И.А. Чароты. — Мн.: Свято-Елисаветинский монастырь, 2003.

Духовные стихи Туровщины / Составители Г.А. Кодолитч, Н.А. Саскевич. — Оздамичи-Погост-Туров-Минск: РУП «РУПИС», 2004.

Библия и русская литература. Сборник-хрестоматия / Автор предисловий и составитель М.Г. Качурин. — СПб.: Каравелла, 1995.

Первое словечко / Составитель Клавдия Лукашевич. — М.: Свято-Серафимовская Лавра, 2003.

Первое словечко / Составитель Клавдия Лукашевич. — М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004.

Чудесная нива. Детям о Христе. — М.: Парог, 1998.

Праздник Рождества Христова. Сборник материалов для организации праздника. Часть 1. — М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1998.

И Ангел занавес раздвинул. Три пьесы для православного детского театра / С.В. Молчанова — Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2000.

Пасхальные рассказы / Сост., примеч. М.А. Кучерской. — М.: Храм свв. безсребреников Космы и Дамиана, 1998.

Бахтина В.А. Духовные стихи славянских народов (сравнительные аспекты поэтики сюжетов и жанров) / / Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII Международный съезд славистов (Краков, 1998): Доклады российской делегации. — М., 1998. С. 465–481.

Буслаев Ф. Русские духовные стихи // Буслаев Ф. Русская народная поэзия. — СПб., 1887.

Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха: В 6 вып. сборников Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — СПб., 1880–1888.

Демьянович М.М. О духовных стихах, употребительных в Бращевском приходе Кобринского уезда. — Вильна: Губ. тип., 1892.

Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. «Пойте Господеви вся земля...» (Русские духовные стихи) // Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. — СПб., 1994. С. 60–69.

Костюковец Л.Ф. Кантовая культура Белоруссии. — Мн., 1975.

Максимов С. Бродячая Русь. — СПб., 1877.

Пономарев А. Русское народно-религиозное мировоззрение в школьной характеристике академического богослова-магистранта // Странник. Т. 1. 1884.

Прохоров С.М. Традиции русского духовного стиха и Богородичные мотивы у Сергея Есенина // Филологические чтения: 1998. Сборник памяти М.С. Бодрова. — Даугавпилс, 2000. С. 53–60.

Народно-христианская поэзия / Стихи духовные / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. — М., 1991.

Русская хрестоматия / Ф. Буслаев. — Изд. 3. — М., 1881.

Селиванов Ф.М. Народно-христианская поэзия // Сб. Стихи духовные. — М.: Сов. Россия, 1991.

Сирот И.М. Русские пословицы библейского происхождения. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1985.

Сперанский М. Духовные стихи из Курской губернии // Этнографическое обозрение. — М., 1901. — № 3.

Срезневский И. Русские калики древнего времени / Записки Императорской Академии наук. — СПб., 1862, 1, кн.2.

Сумцов Н. Очерк истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. — Киев, 1888.

Федотов Г.П. Стихи духовные. — Париж: Ymca Press, 1935.

Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. — М.: Прогресс, Гнозис, 1991.

Федотов Г.П. Мать-земля (К религиозной космологии русского народа) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 2. — СПб: София, 1992. С. 66–82.

Федоров Н.Ф. О церковно-народном творчестве, а «почуеному» о местных выдумках // Сочинения. — М.: Раритет, 1994.

Щеглова С.А. «Богогласник»: Историко-литературное исследование. — Киев, 1918.

Щурат В. Из студій над почаївським «Богогласником». — Львів, 1908.

Яцимирский А.И. Духовные стихи // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М.: БРЭ, 1993. С. 507–509.

Андреев И.М. Русские писатели XIX века. — М.: Российское отделение Валаамского общества Америки, 1999.

Антоний (Храповицкий), митрополит. Ф.М. Достоевский как проповедник возрождения. — Монреаль: Изд. Сев.-Американской и Канадской епархии, 1965.

Антоний (Храповицкий), митрополит. Критика учения графа Л.Н. Толстого // Нравственное учение Православной Церкви. — Нью-Йорк, 1967. С. 13–268.

Архимандрит Иоанн (Шаховской). Толстой и Церковь. — Берлин, 1939.

Архимандрит Феодор. О духовных потребностях жизни [Русские духовные писатели]. — М.: Столица, 1991.

А.С. Пушкин: путь к Православию / Сборник. Изд. 2. — М., 1999.

Бердяев Н. Константин Леонтьев. Париж : Ymca Press, 1926.

Буслаев Ф.И. Древнерусская литература и православное искусство. — СПб.: Лига Плюс, 2001.

Давыдова Н.В. Евангелие и древнерусская литература. — М., 1992.

Диакон Андрей Кураев. Библия в школьной хрестоматии. — М., 1995.

Дунаев М.М. Православие и русская литература. Ч. I–V. М.: Христианская литература, 1996–1997 (Изд. 2. — М.: Христианская литература, 2001).

Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. — М.: Изд. совет РПЦ, 2003.

Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. (Фрагменты) — Мн.: ЗАО «Православная инициатива», 2005.

Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. — Петрозаводск, 1994.

Завитневич В.З. Религиозно-нравственное состояние Н.В. Гоголя в последние годы его жизни. — Киев, 1902.

Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. — М.: Аспект-Пресс. 1996.

Концевич И. Истоки душевной катастрофы Л.Н. Толстого. — Мюнхен, 1960.

К пятидесятилетию кончины Льва Толстого. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1960.

Лепяхин В. Икона в изящной словесности (Икона, иконопись, иконописцы, иконопочитание и иконные лавки в русской художественной литературе XI–начала XX века). — Сегед: JATEPress, 1999.

Лепяхин В. Икона в русской поэзии XX века. — Сегед: JATEPress, 1999.

Лепяхин В. Функции иконы. — Сомбатхей, 2001.

Лосский Н. Достоевский и его христианское миропонимание. — Нью-Йорк, 1953.

Маевский В. Трагедия богоискательства Льва Толстого. — Буэнос-Айрес: Салгуэро, 1952.

Митрополитит Анастасий (Грибановский). Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви. — Мюнхен, 1999.

Мочульский К. Духовный путь Гоголя. — Париж: Ymsa Press, 1934.

Одинокое В.Г. Литературный процесс и духовная культура в России: Ф. Достоевский, Л. Толстой, И. Тургенев. — Новосибирск, 1995.

Одинокое В.Г. Литературный процесс и духовная культура в России: А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь. — Новосибирск, 1996.

О религии Льва Толстого. Сборник статей. — Репр. изд. 1912 г. (Москва) — Париж: Ymca Press, 1978.

Отец Иоанн Кронштадтский и граф Лев Толстой. — Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1960.

Турилов А.А. Духовная литература и письменность. X–XV вв. // Православная Энциклопедия. Русская Православная Церковь. — М.: ПЭ, 2000. — С. 372–406.

Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. Обзор русской духовной литературы. Изд. 3. — СПб., 1884.

Ф.М. Достоевский и Православие / Сборник. — М., 1997.

Христианская культура: Пушкинская эпоха / Редактор-составитель Э.С. Лебедева. Вып. I–XVII. — СПб., 1993–1998.

Христианство и русская литература. — СПб., 1903.

Христианство и русская литература. Сборник статей / Отв. ред. В.А. Котельников. — СПб., 1994

Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков: библиографический указатель 1800–2000 / Сост. А.П. Дмитриев, Л.В. Дмитриева. Под ред. В.А. Котельникова. — СПб: Наука, 2002.

Юрьева И.Ю. Пушкин и Христианство / Сборник произведений А.С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием. — М., 1998.

Ющенко А. Пророческий дар русской литературы. — Ниса, 1926.

Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. — Париж: Ymca Press, 1968.

Викторич В. Бунинские «жития» // Сретенский альманах: История и культура. — М., 2001. — С. 23–27.

Воропаев В. О причинах смерти Николая Гоголя; Еще об одном мифе о Гоголе // Сретенский альманах: История и культура. — М., 2001. — С. 7–23.

Долгополова С., Лаевская Э. Религиозно ли творчество Пушкина? // Страницы. — 1996. № 1. — С. 94–100.

Ичин Корнелия. Богоборческий сюжет в русской литературе XX века: Хлебников, обэриуты, Соснора // Београдски универзитет. Анали Филолошког факултета. Књ. XX, 2000. — С. 223–232.

Левицкий С. Идея бессмертия у Достоевского // Образ (Москва). 1996. № 3 (7). — С. 60–75.

Лобанов С. Федор Тютчев: «русский империалист» // Сретенский альманах: История и культура. — М., 2001. — С. 3–7.

Лосский Н. Достоевский и его христианское миропонимание. — Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953.

Маркова Е. Пахомий Серб и русская агиографическая традиция // Славистика (Београд). Књ. IV (2000). — С. 90–95.

Мельник В.И. Роман И.А. Гончарова «Обломов» в православном контексте // Славистика (Београд). Књ. IV (2000). — С. 232–243.

Чурич Бобан. Библейские мотивы в рассказе «Родина» Льва Лунца // Филолошки преглед. Часопис за страну филологију (Београд). XXV. 1998, 1. — С. 151–164.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН АВТОРОВ

АВЕРИНЦЕВ СЕРГЕЙ

Молитва о словах 536

Четырнадцатое декабря 1989 538

АДАМОВИЧ ГЕОРГИЙ

Если дни мои, милостью Бога... 481

Но смерть была смертью... 481

АКСАКОВ ИВАН

Всенощная в деревне 320

АНАНИЧЕВ АЛЕКСАНДР

Новая Голгофа 652

Спас на Крови 653

АНАСТАСИЯ (Шерешевская), монахиня

У подножья Твоей Иконы 125

Я забыла стихи ваши, Анна... 126

АНДРЕЕВ ДАНИИЛ

Из обездоленности... 505

Каменный старец 504

АНТОНИЙ, архиепископ Западно-Американский и Сан-Францисский

Из Патерика 100

О молитве 100

АНТОНИЯ (Берг), монахиня

Подвиг старца Серафима 101

АПУХТИН АЛЕКСЕЙ

Год в монастыре 339

Голгофа 337

Моление о чаше 336

АРСЕНИЙ, иеромонах

О Боже Сил и вечной славы!.. 95

АРТЕМОВ ВЛАДИСЛАВ

Оптина Пустынь (отрывок) 625

Стою ли среди бездорожья... 626

Странник 627

АФАНАСИЙ, преподобномученик, игумен Брестский

Даруй покой Церкви Своей, Христе Боже... 56

АХМАТОВА АННА

В каждом древе распятый Господь... 448

Молитва 447

О, есть неповторимые слова... 447

Распятие (Из поэмы «Реквием») 447

- БАЙКОВ НИКОЛАЙ**
На мотив 6 песни канона 436
- БАЛАШОВ ЭДУАРД**
К Спасу Ярое Око 603
Молитва матери 603
- БАЛЬМОНТ КОНСТАНТИН**
Благовещение в Москве 386
Война 384
Молитва вечерняя 385
Мост 383
Пройдут века веков 383
- БАТЮШКОВ КОНСТАНТИН**
Надежда 225
- БЕНЕДИКТОВ ВЛАДИМИР**
Благовещение 258
Верю 259
Возмутитель 260
Воскресная школа 263
И ныне 262
- БЕХТЕЕВ СЕРГЕЙ**
Молитва 439
Моя вера 443
Наше царство 444
Немногим 442
Святая ночь 440
У Креста 441
- БЛОК АЛЕКСАНДР**
Верю в Солнце Завета... 411
Девушка пела в церковном хоре... 413
Ныне, полный блаженства... 410
О легендах, о сказках, о тайнах... 410
Рожденные в года глухие... 414
Я, отрок, зажигаю свечи... 412
- БОБРИНСКАЯ ВЕРА**
Июль 1988 года 498
Пасха в лагере, 1931 год 498
- БОГАТЫРЕВ ВЛАДИМИР**
Блажени миротворцы 612
Еще молитва 611
Молитва 611
Не воскреснуть... 611
- БОГДАНОВИЧ ИППОЛИТ**
Псалом 45 196
Псалом 148 196

БОКОВ ВИКТОР

Осенила крестом и себя и дорогу... 517

БОРОДИН ЛЕОНИД

Узел бессмыслиц умом не расплесть... 561

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ

Ангел благого молчания (молитва) 406

Библия 407

Облегчи нам страдания, Боже!... 406

БУНИН ИВАН

Ангел 391

Белый цвет 395

В Гефсиманском саду 398

Возьмет Господь у вас... 397

Вход в Иерусалим 397

Надпись на могильной плите 392

Новый храм 394

Плакала ночью вдова... 394

Псалтирь 396

Святитель 395

Сын Человеческий 392

ВАРЛЕЙ НАТАЛИЯ

Уже по всей Руси... 620

ВАРСОНОФИЙ (Плиханков), схиархимандрит

Величие Богоматери (отрывок) 108

На богомолье 110

Памяти в Бозе почившего старца Оптиной Пустыни
иеросхимонаха о. Амвросия 110

Святитель Феодосий 109

ВАСИЛЬЕВ АНТОН

Если 631

Собор 630

Цветы 632

ВВЕДЕНСКИЙ ВЛАДИМИР, священник

Душа моя ты грешная... 130

ВЕРСТАКОВ ВИКТОР

Век любви 618

Случай в Вифании 618

ВЕСЕЛОВСКАЯ НАДЕЖДА

Георгий Победоносец 617

Идут года, теряют люди близких... 616

Инициалы 615

ВИКУЛИН НИКОЛАЙ

На Мамаевом кургане 527

ВЛАДИМИР (Сабодан), митрополит

Молитва 118

Подорожники 119

Рождество 117

ВОЛОШИН МАКСИМИЛИАН

Заклинение (от усобиц) 405

Мир 401

Русь глухонемая 404

Хвала Богоматери 401

ВСЕВОЛОД (Филипьев), инок

К Фридриху Ницше 151

Песнь утешения 150

Русские иноки 152

Славяне 150

ВЯЗЕМСКИЙ ПЕТР

Иерусалим 228

Молитва Ангелу Хранителю 229

Палестина 227

Утешение 230

Церковная молитва 228

Чертог Твой 230

ГАНЕЦКИЙ Е.

Пасхальная ночь 434

ГЕОРГИЙ (Конисский), архиепископ

[Себе самому надгробная надпись] 67

ГЕРМОГЕН, епископ

Скорбь мужа на могиле жены 116

Утешение из могилы 116

ГИППИУС ЗИНАИДА

Грех 390

Сообщники 389

Христу 388

ГЛИНКА ФЕДОР

Агнец Божий 221

Венец времен 218

Вера 218

Канун перед Св. Причастием 219

Порыв и замедление 223

Христос тя упокоит 224

ГЛУШКОВА ТАТЬЯНА

Воздвижение 581

Памяти Георгия Свиридова 582

Просохнет кровь. Отступят злые беды... 581

ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ ИЛЬЯ

Шестикрылая мучит душа... 496

ГОРБОВСКИЙ ГЛЕБ

Безглагольное 544

Русские кресты 544

Рябило в глазах от мелькавшего хлама... 543

Тьма внешняя 545

ГОРОДЕЦКИЙ СЕРГЕЙ

Странник 421

У Казанской Божьей Матери 420

ГОРЧАК СТЕФАН, священник

Виршевый домострой 68

ГУМИЛЕВ НИКОЛАЙ

Ворота рая 422

Выбор 422

Георгий Победоносец 426

Одиноко-незрячее солнце смотрело на страны... 424

Слово 425

Христос 423

ГУРЬЯНОВ НИКОЛАЙ, протоиерей

Путь Божий 93

Сеятель 92

ДЕРЖАВИН ГАВРИИЛ

Бог 183

Величество Божие 187

Властителям и судиям 182

Помощь Божия (Псалом 120) 193

Псалом 127 194

ДИМИТРИЙ, святитель, митрополит Ростовский

Воплю к Богу в беде моей 59

Господи мой, ярость Твою не покажи надо мною... 60

Грешник и Магдалина 62

Надежду мою в Боге полагаю 60

О горе мне, грешнику сущу 61

ДМИТРИЕВ ИВАН

Подражание 136 псалму 199

Размышление по случаю грома 198

ДУДКО ДИМИТРИЙ, священник

Великая ектения 133

День прибавляется, ночь убавляется... 137

Молитва — не слов биенье... 136

Моя вера 134

Не на Вечери я, а как пес у окна... 135

— Не тюрьма здесь, а монастырь... 136

ЕВГРАФОВ ПЕТР

Пойду опять один степями... 495

ЕСЕНИН СЕРГЕЙ

За горами, за желтыми долами 485

Занесли залетной пташкой... 484

Молитва матери 483

Сельский часослов 486

Я странник убогий... 484

ЖАДОВСКАЯ ЮЛИЯ

Мира Заступница, Мать Всепетая! 327

Посев 327

ЖЕМЧУЖНИКОВ АЛЕКСЕЙ

Восторгом святым пламенея... 312

На кладбище 312

У всенощной на Страстной неделе 313

ЖУКОВСКИЙ ВАСИЛИЙ

Всемогущество Божие 212

Песня бедняка 216

Полночь 215

Савл на дороге в Дамаск 212

Stabat Mater 214

ЖУРАКОВСКИЙ АНАТОЛИЙ, священник

Россия, моя Россия... 131

ЗАБОЛОЦКИЙ НИКОЛАЙ

Бегство в Египет 501

Весна в Мисхоре 501

Во многом знании — немалая печаль... 503

ЗАБРУДНЫЙ В., священник

Братский гимн в годовщину войны 80

ЗАПОЛЬСКИЙ МИХАИЛ

Песни деревни 437

ЗОЛОТЦЕВ СТАНИСЛАВ

Над вечным покоем 554

Прощеное воскресенье 556

ИВАНОВ ВЯЧЕСЛАВ

И снова ты пред взором видящим... 381

Я посох мой доверил Богу... 381

ИВНЕВ РЮРИК

Древний храм 462

За чужим гробом 462

Печаль 463

ИГНАТИЙ (Брянчанинов), святитель,
епископ Кавказский и Черноморский

Жалоба 72

К земному страннику 74

Совет душе моей 73

ИЛАРИОН, митрополит Киевский

Слово о Законе и Благодати (отрывки) 51

ИУСТИН, епископ Рязанский

Лампада 106

К.Р. (Великий Князь КОНСТАНТИН РОМАНОВ)

Когда креста нести нет мочи... 352

Когда, предвидя близкую разлуку... 349

Научи меня, Боже... 351

На Страстной неделе 349

О, если б совесть уберечь... 352

Псалмопевец Давид 347

Царь Саул 348

КАЗАНЦЕВ ВАСИЛИЙ

Исаакиевский собор 551

Пророк 551

КАРАМЗИН НИКОЛАЙ

Песнь Божеству 200

(...Мысли, выбранные из Екклесиаста) 201

КАРТАШЕВА НИНА

Глагол и Духа благодать 647

Саровской пустыни святыня и солнце!... 646

Я подхожу к сияющему трону... 646

КЕДРИН ДМИТРИЙ

Колокола 507

КИРИЛЛ, святитель, епископ Туровский

Похвала преподобной Еуфросинии,

игумении Полоцкой 54

Слово на Воскресение Христово (отрывок) 53

КЛЮЕВ НИКОЛАЙ

На кресте 418

Не жди зари — она погасла... 417

Помню я обедню раннюю... 416

Я был в духе в день воскресный... 415

КОЗЛОВ ИВАН

Вечерний звон 211

Молитва 210

Моя молитва 208

КОЛЬЦОВ АЛЕКСЕЙ

Божий мир 266
Две жизни 268
Пред образом Спасителя 269
Человеческая мудрость 267

КОНЯЕВ НИКОЛАЙ

Разрушены храмы... 629

КОРИНФСКИЙ АПОЛЛОН

Вражда... Кругом кипит... 340
Два духа борются во мне... 341
Искал я Бога Истины святой... 340
Христославы 342

КОСТРОВ ВЛАДИМИР

Морозным вздохом белого пиона... 546

КРЫЛОВ ИВАН

Ода восьмая, выбранная из псалма 87-го 205
Ода шестая, выбранная из псалма 93-го 203

КУБЛАНОВСКИЙ ЮРИЙ

Соловки от крови заржавели... 605

КУЗНЕЦОВ СЕРГЕЙ

Джорданвилльские колокола 613

КУЗНЕЦОВ ЮРИЙ

Видение 565
Вина 563
Занесли на Бога серп и молот... 564
Ложные святыни 565
Полет 567
Портрет Учителя 567
Число 564

КУНЯЕВ СТАНИСЛАВ

Подымешь глаза к небесам... 549
Реставрировать церкви не надо... 548
Церковь около обкома... 547

КУПРИЯНОВ ВЯЧЕСЛАВ

Заброшенные храмы 585
Подражание псалму 585

КЮХЕЛЬБЕКЕР ВИЛЬГЕЛЬМ

Брату 234
К Богу 233
Молитва воина 236
Надгробие 232
Новый год (отрывок) 235

ЛЕРМОНТОВ МИХАИЛ

Ангел 275
Ветка Палестины 276

- Молитва 274
Молитва 276
Молитва 278
- ЛОГВИНОВ АНДРЕЙ**, священник
Без Христа — закончится Европа... 149
Благодать Божия... 148
Истлеет прах... 149
Людам, разуверившимся прежде... 148
- ЛОМОНОСОВ МИХАИЛ**
Вечернее размышление о Божием величестве... 167
Преложение псалма 1 169
Преложение псалма 26 170
Преложение псалма 103 172
Утреннее размышление о Божием величестве 165
- ЛОЩИЦ ЮРИЙ**
Афон 574
Валаам 576
Восстанет пламенная туча... 576
О чем шумите, инородные витии?... 574
Он видел великую кровь... 575
- ЛЯПИН ИГОРЬ**
Баллада о сорока мучениках 570
- ЛЯПУСТИН СЕРГЕЙ**
Молитва в храме 432
Пасхальный привет воинам 432
- МАЙКОВ АПОЛЛОН**
Ангел 310
Ангел и демон 308
В храме 308
Дух века — ваш кумир... 311
Пустынник 311
Христос Воскрес! 309
- МАКАРИЙ** (Глухарев), архимандрит
Песнь благодарения 128
- МАКАРОВ АЛЕКСАНДР**
Митрополит Иларион 591
- МАМОНТОВ ВИКТОР**
Записи (Нил и Иосиф) 578
К блаженной Ксении 580
- МАНДЕЛЫШТАМ ОСИП**
Неумолимые слова... 460
Среди священников левитом молодым... 460
- МАРКОВ АЛЕКСЕЙ**
Господи, помилуй... 526

Мать МАРИЯ (Кузьмина-Караваева Елизавета Юрьевна)

Искала я таинственное племя... 82

Не помню я часа Завета... 81

Покаяние 83

Пусть отдам мою душу я каждому... 81

Сразу даль обнажена... 83

МЕЙ ЛЕВ

Над гробом 317

Не верю, Господи, чтоб Ты меня забыл... 317

Отроковица 318

Сотворение человека 316

МЕЛЬНИКОВ АЛЕКСЕЙ

Ищу Тебя, Господь моей души... 651

МЕРЕЖКОВСКИЙ ДМИТРИЙ

О, если бы душа полна была любовью... 379

Пусть на земле не будет, братья... 378

Старость 380

«Христос Воскрес» — поют во храме... 378

МИХАЙЛОВСКИЙ ВАСИЛИЙ, священник

Пюхтица 89

МОЗГАЛОВ КОНСТАНТИН

Закончились игрища разом... 644

Когда не исполняются земные законы... 645

Отречение 643

НАБОКОВ ВЛАДИМИР

Власти 488

Мать 489

Садом шел Христос с учениками... 488

НАДСОН СЕМЕН

Иуда 361

Святитель (отрывок) 367

Темно грядущее... 368

НАФАНАИЛ (Львов), архиепископ

Мы — дети племени... 99

НЕВОЛИН АЛЕКСАНДР

Храм 589

НЕДОГОНОВ АЛЕКСЕЙ

Храм Святого Николая 514

НЕЖДАНОВ ВЛАДИМИР, диакон

Монолог звонаря 155

Святая Сербия 155

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Легкой жизни я просил у Бога... 438

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР XVII века

Нагробок отцу Афанасию... 159

НЕКРАСОВ НИКОЛАЙ

Ангел смерти 302

Пророк 305

Рыцарь на час (отрывок) 304

Тишина (отрывок) 303

Час молитвы 306

НЕСМЕЛОВ АРСЕНИЙ

Великим постом 473

Москва Пасхальная 471

Нищие духом 470

НИКИТИН ИВАН

Молитва дитяти 323

Новый Завет 324

Присутствие непостижимой силы... 322

Против сомненья 322

Сладость молитвы 325

НИКОЛАЕВА ОЛЕСЯ

Гимн 607

Пелагия 606

ПАСТЕРНАК БОРИС

Гефсиманский сад 453

Дурные дни 458

Магдалина I 455

Магдалина II 456

Рождественская звезда 449

ПЕТР (Михайлов), монах

О, дивный остров Валаам! 120

ПЛЕЩЕЕВ АЛЕКСЕЙ

Лжеучителям 332

Молитва 329

Мольба 330

[Учитель] 330

ПОГОДИН МИХАИЛ

«Остави нам долги наша...» 241

ПОКРОВСКИЙ ПАВЕЛ, священник

Молитва «Господи, помилуй!» 129

ПОЛЕЖАЕВ АЛЕКСАНДР

Атеисту 253

Божий суд 253

Валтасар 255

ПОЛОНСКИЙ ЯКОВ

Молитва 289

На могиле 290

О, подними свое чело! 290

ПОЛОЦКИЙ СИМЕОН

Будете яко бози 160

Гонение 160

Надежда и страх 160

Прилог к преподобной матери Ефросинии 161

Стихи на Рождество Христово 162

ПРАСОЛОВ АЛЕКСЕЙ

Белый храм Двенадцати апостолов... 542

Дивьи монахи 541

ПРОКОФЬЕВ АЛЕКСАНДР

Кизи 500

ПУШКИН АЛЕКСАНДР

Ангел 238

Напрасно я бегу к Сионским высотам... 240

Отцы пустынноики и жены непорочны... 238

(Подражание итальянскому) 239

Пророк 237

РЕБРОВ АНДРЕЙ

Вестники 640

День избранный 641

Облачился зарей скальный город... 641

РОЗЕНГЕЙМ МИХАИЛ

6-го апреля 885–1885 г. 292

Вечерней свежестью пахнуло 296

Не осуждай 295

Не унывай 296

РОМАН, иеромонах

Блажен, кто, наполняясь тишиной... 146

Вся Россия стала полем Куликовым... 144

Земля от света повернет во тьму... 142

Кто хвалится, что бесов изгоняет... 146

Нас куда-то несет в непроглядную тьму... 145

Не верь, что нынче подвигам не место... 147

Сон мне приснился... 143

РОСТОПЧИНА ЕВДОКИЯ

Возглас 270

В Страстную Пятницу 272

Молитвы дар 271

Монастырь 271

РУБЦОВ НИКОЛАЙ

Душа хранит 559

Над вечным покоем 558

Ферапонтово 560

РЫЛЕНКОВ НИКОЛАЙ

Андрей Рублев 509

Душа стремится вглубь, к первоосновам... 509

РЫСКОВ ВАЛЕНТИН

Введение во Храм 587

Рабы греха 588

САВВА, схиигумен

Псково-Печерский монастырь 124

САВИН ИВАН

Возмездие 491

Законы тьмы неумолимы... 493

Оттого высоки наши плечи... 492

Россия 491

СВЯЩЕННИК-ИСПОВЕДНИК

Цинготные, изъеденные вшами... 103

СЕВЕРЯНИН ИГОРЬ

Пасха в Петербурге 445

Пасхальный гимн 445

СЕРАФИМ ВЫРИЦКИЙ, старец

Пройдет гроза над русской землею... 88

СЕРАФИМ СВЯТОГОРЕЦ, монах

Святая Гора Афон 113

СИДОРОВ ВЛАДИМИР, священник

Когда, на волю Провиденья... 141

СЛАВИНЕЦКИЙ ЕПИФАНИЙ, иеромонах

Радуйся, радость Твою воспеваю! 64

Святии святителие, к вам прибегаем 64

СЛУЧЕВСКИЙ КОНСТАНТИН

В чудесный день высь неба голубая... 334

Две молитвы 334

Животворящий блеск весны... 335

СМЕРТИНА ТАТЬЯНА

Вера есть путь... 610

Пасхальное 609

СОЛОВЬЕВ ВЛАДИМИР

Имману-Эль 345

Ночь на Рождество 344

О всесвятая, благословенная... 344

СОЛОГУБ ФЕДОР

- Ангел благого молчания 371
Все хочет петь и славить Бога... 370
Зелень тусклая олив... 372
Пилигрим 370
Полуисточенное смертью тело... 374
[Погром обители] 373

СОЛОДОВНИКОВ АЛЕКСАНДР

- Люди 476
Преподобный Сергей 477
Пророчески сбылись библейские слова... 475
Решетка ржавая, спасибо... 480
Риза Господня 478
Святители 475
Сентябрь 1939 года 478

СОРОКИН ВАЛЕНТИН

- Стоят соборы 553

СПРИНЧАН БРОИСЛАВ

- Вербная Неделя 532
Звезда Вифлеемская 529
Мамин крест 534
Рождество 528
Свет Рождественский 531
Слышу Пасхальный звон... 533

СПРИНЧАН ВАДИМ

- На рубеже земных тысячелетий 622
Признание 624
Путь 623
Троица 623

СТЕФАНОВИЧ НИКОЛАЙ

- Господь! Начало всех начал!.. 511
Если в мир возвратятся усопшие... 511

СТРАННИК (архиепископ Иоанн (Шаховской))

- Давид 98
Преодоление пыли 96
Святитель Дмитрий 98
Я, как свечу, поставил жизнь мою... 96

СТУПИН ГЕННАДИЙ

- Мне снился всемирный потоп... 598

СУМАРОВ АЛЕКСАНДР

- Из 3 главы Сираха 176
На суету человека 177

СУХОВ ФЕДОР

- Отходил, отступался от Бога... 539

СУХОВСКИЙ ВАЛЕНТИН

Богородица 597

ТАИСИЯ (Леушинская), игуменья

Вера 79

«Житейское море, воздвигаемое зря...» 76

Молитва грешницы у подножия Креста 78

Праведник 77

Пред чудотворною иконою Богоматери в Казанском соборе 75

ТАРКОВСКИЙ АРСЕНИЙ

Просыпается тело... 508

ТИХОН (Черных), монах

Великому пастырю отцу Иоанну Кронштадтскому 87

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ К.

Благовест 279

Горними тихо летела душа небесами... 282

Господь, меня готова к бою... 281

Меня, во мраке и в пыли... 283

Христос 279

Я вас узнал, святые убежденья... 281

ТРОХИН АНАТОЛИЙ, диакон

Глаза закрою — чувствует рука... 153

Шум народа радостней и ближе... 153

ТРЯПКИН НИКОЛАЙ

Гласом царя Давида... 521

Мать 523

Обращение неопита к народу... 522

Песнь о российском храме 518

Не ведут пути окольные... 520

ТУРГЕНЕВ ИВАН

Грустно мне, но не приходят слезы... 285

Христос 286

Христос Воскрес! А если бы не так... 286

ТЮТЧЕВ ФЕДОР

В храме 244

Два единства 246

День Православного Востока... 247

Над этой темною толпой... 246

Наш век 244

О вещая душа моя!.. 245

УВАРОВ НИКОЛАЙ, священник

Пречистой Девы Рождество 140

Свете тихий 139

ФЕДОТОВ ВИКТОР

Старик и Библия 595

- ФЕОФАН** (Прокопович), архиепископ Новгородский
Кто крепко на Бога уповает... 66
- ФЕТ АФАНАСИЙ**
1 марта 1881 года 301
Когда Божественный бежал людских речей... 300
Не тем, Господь, могуч, непостижим... 298
Ночь тиха... 299
Чем доле я живу, чем больше пережил... 299
- ФИЛАРЕТ** (Дроздов), святитель,
митрополит Московский и Коломенский
Жизнь 70
Когда креста нести нет мочи... 70
На день Преображения Господня 71
- ФИЛИМОН ВАЛААМЕЦ**, игумен
Света неземного блеском озаренные... 105
- ФИЛОРЕНСКИЙ ПАВЕЛ**, священник
Белый камень 86
У окна 85
- ФОФАНОВ КОНСТАНТИН**
Две жизни 355
Из библейских мотивов 354
Отче наш 356
- ФРОЛОВ ГЕННАДИЙ**
В храме 593
Моление 593
- ХАБАРОВ ОЛЕГ**
Воскрешение — чудо-пение... 562
- ХЕРАСКОВ МИХАИЛ**
[Из Премудростей Соломоновых] 178
Коль славен... 180
- ХОДАСЕВИЧ ВЛАДИСЛАВ**
Диалог 429
Мечта моя! Из Вифлеемской дали... 431
Пилат 428
Путем зерна 430
- ХОМУТОВ СЕРГЕЙ**
Молитва 601
Незатейливая церквушка... 600
Сказали: «Жить в безверии»... 600
Храм 602
- ХОМЯКОВ АЛЕКСЕЙ**
В эту ночь 248
Кремлевская заутреня на Пасху 252
Мы — род избранный... 249

Подвиг есть и в сражении... 251

России (отрывок) 249

ЦВЕТАЕВА МАРИНА

В день Благовещения... 467

Весть 468

За Отрока — за Голубя — за Сына... 468

Молитва 465

Над церковкой — голубые облака... 467

Распятие 466

ЧЕКАНОВ ЕВГЕНИЙ

Возвращенный храм 550

ЧЕРКАШИН ВАЛЕРИЙ

Бегут... 584

Иноверцы, инородцы... 583

ЧУМИНА ОЛЬГА

Кесарево — кесарю 376

Крещение Руси 376

Лепта вдовицы 375

ШАЛАМОВ ВАРЛАМ

Потухнут свечи восковые... 497

ШЕЛЕХОВ МИХАИЛ

Ангел на Востоке 638

Дети 637

Заповедь 634

Крещение 635

Лампада 638

ШЕНИНА АНГЕЛИНА

Крещение 649

Пасха 650

Рождество 649

ЩЕРБИНА НИКОЛАЙ

Истина молитвы 314

Человеку 314

ЯЗЫКОВ НИКОЛАЙ

[Велик Господь] 242

Молитва 242

ЯШВИЛЬ Вл. Гр., князь

[Из исторического рассказа...] 357

ЯШИН АЛЕКСАНДР

Душа 513

СОДЕРЖАНИЕ

Да ословесится жизнь наша. И.А. Чарота 3

ИЗ «БОГОГЛАСНИКОВ» РОДА НАШЕГО

Небо и земля	21
Скиния золотая, ковчеже завета	22
Новая радость стала	23
Я умом ходила	23
Пречистая Дево, Мати нашего краю... ..	26
Пречистая Дево, Мати Холмския Руси... ..	27
Спевайте, люди, кто жие на свете... ..	27
В Лесной нам се объявила... ..	29
Ой, зийшла зоря вечеровая... ..	33
О, кто, кто Миколая любит... ..	34
Гимн святым братьям Кириллу и Мефодию	36
Братья! Двоицу святую... ..	36
Блажен ты, отче, муж... ..	37
О вечности	41
О смерти	42

Из «Загаровского сборника» (XVII в.)

Об отступных от Церкви	44
О лжепастырях	46
О латынской гордости	47

ГЛАГОЛ И ДУХА БЛАГОДАТЬ:

стихи служителей Церкви Христовой

ИЛАРИОН, митрополит Киевский

Слово о Законе и Благодати (отрывки)	51
--	----

Святитель КИРИЛЛ, епископ Туровский

Слово на Воскресение Христово (отрывок)	53
Похвала преподобной Еуфросинии, игумении Полоцкой	54

Преподобномученик АФАНАСИЙ, игумен Брестский	
Даруй покой Церкви Своей, Христе Боже...	56
Святитель ДИМИТРИЙ, митрополит Ростовский	
Воплю к Богу в беде моей	59
Господи мой, ярость Твою не покажи надо мною...	60
Надежду мою в Бозе полагаю	60
О горе мне, грешнику сушу	61
Грешник и Магдалина	62
Иеромонах ЕПИФАНИЙ СЛАВИНЕЦКИЙ	
Радуйся, радость Твою воспеваю!	64
Святити святителие, к вам прибегаем	64
Архиепископ Новгородский ФЕОФАН (Прокопович)	
Кто крепко на Бога уповает...	66
Архиепископ ГЕОРГИЙ (Конисский)	
[Себе самому надгробная надпись]	67
Священник СТЕФАН ГОРЧАК	
Вишневый домострой	68
Святитель ФИЛАРЕТ (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский	
Жизнь	70
Когда креста нести нет мочи...	70
На день Преображения Господня	71
Святитель ИГНАТИЙ (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский	
Жалоба	72
Совет душе моей	73
К земному страннику	74
Игуменья ТАИСИЯ (Леушинская)	
Пред чудотворною иконою Богоматери в Казанском соборе	75
«Житейское море, воздвигаемое зря...»	76
Праведник	77
Молитва грешницы у подножия Креста	78
Вера	79
Священник В.ЗАБРУДНЫЙ	
Братский гимн в годину войны	80

**Мать МАРИЯ (Кузьмина-Караваева
Елизавета Юрьевна)**

Не помню я часа Завета...	81
Пусть отдам мою душу я каждому...	81
Искала я таинственное племя...	82
Покаяние	83
Сразу даль обнажена...	83

Священник ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

У окна	85
Белый камень (отрывок)	86

Монах ТИХОН (Черных)

Великому пастырю отцу Иоанну Кронштадтскому	87
---	----

Старец СЕРАФИМ ВЫРИЦКИЙ

Пройдет гроза над русской землею...	88
-------------------------------------	----

Священник ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВСКИЙ

Пюхтица	89
---------	----

Протоиерей НИКОЛАЙ ГУРЬЯНОВ

Сеятель	92
Путь Божий	93

Иеромонах АРСЕНИЙ

О Боже Сил и вечной славы!	95
----------------------------	----

СТРАННИК (архиепископ Иоанн (Шаховской))

Преодоление пыли	96
Я, как свечу, поставил жизнь мою	96
Давид	98
Святитель Дмитрий	98

Архиепископ НАФАНАИЛ (Львов)

Мы — дети племени	99
-------------------	----

**АНТОНИЙ, архиепископ Западно-Американский
и Сан-Францисский**

Из Патерика	100
О молитве	100

Монахиня АНТОНИЯ (Берг)

Подвиг старца Серафима	101
------------------------	-----

СВЯЩЕННИК-ИСПОВЕДНИК

Цинготные, изъеденные вшами	103
-----------------------------	-----

Игумен ФИЛИМОН ВАЛААМЕЦ	
Света неземного блеском озаренные	105
Епископ Рязанский ИУСТИН	
Лампада	106
Схиархимандрит ВАРСОНОФИЙ (Плиханков)	
Величие Богоматери (отрывок)	108
Святитель Феодосий	109
На богомолье	110
Памяти в Бозе почившего старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха о. Амвросия	110
Монах СЕРАФИМ СВЯТОГОРЕЦ	
Святая Гора Афон	113
Епископ ГЕРМОГЕН	
Скорбь мужа на могиле жены	116
Утешение из могилы	116
Митрополит ВЛАДИМИР (Сабодан)	
Рождество	117
Молитва	118
Подорожники	119
Монах ПЕТР (Михайлов)	
О, дивный остров Валаам!	120
Схиигумен САВВА	
Псково-Печерский монастырь	124
Монахиня АНАСТАСИЯ (Шерешевская)	
У подножья Твоей Иконы	125
Я забыла стихи ваши, Анна... ..	126
Архимандрит МАКАРИЙ (Глухарев)	
Песнь благодарения	128
Священник ПАВЕЛ ПОКРОВСКИЙ	
Молитва «Господи, помилуй!»	129
Священник ВЛАДИМИР ВВЕДЕНСКИЙ	
Душа моя ты грешная... ..	130
Священник АНАТОЛИЙ ЖУРАКОВСКИЙ	
Россия, моя Россия... ..	131

Священник ДИМИТРИЙ ДУДКО

Великая ектения	133
Моя вера	134
Не на Вечери я, а как пес у окна... ..	135
Молитва — не слов биенье... ..	136
— Не тюрьма здесь, а монастырь... ..	136
День прибавляется, ночь убавляется... ..	137

Священник НИКОЛАЙ УВАРОВ

Свете тихий	139
Пречистой Девы Рождество	140

Священник ВЛАДИМИР СИДОРОВ

Когда, на волю Провиденья... ..	141
---------------------------------	-----

Иеромонах РОМАН

Земля от света повернет во тьму... ..	142
Сон мне приснился... ..	143
Вся Россия стала полем Куликовым... ..	144
Нас куда-то несет в непроглядную тьму... ..	145
Блажен, кто, наполняясь тишиной... ..	146
Кто хвалится, что бесов изгоняет... ..	146
Не верь, что нынче подвигам не место... ..	147

Священник АНДРЕЙ ЛОГВИНОВ

Людам, разуверившимся прежде... ..	148
Благодать Божия... ..	148
Истлеет прах... ..	149
Без Христа — закончится Европа... ..	149

Инок ВСЕВОЛОД (Филиппев)

Славяне	150
Песнь утешения	150
К Фридриху Ницше	151
Русские иноки	152

Диакон АНАТОЛИЙ ТРОХИН

Глаза закрою — чувствует рука... ..	153
Шум народа радостней и ближе... ..	153

Диакон ВЛАДИМИР НЕЖДАНОВ

Монолог звонаря	155
Святая Сербия	155

ТЕБЕ ПОЕМ, ТЕБЕ БЛАГОСЛОВИМ:
христианская традиция в русской словесности

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР XVII века

Нагробок отцу Афанасию...	159
---------------------------	-----

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ

Будете яко бози	160
Гонение	160
Надежда и страх	160
Прилог к преподобной матери Ефросинии	161
Стихи на Рождество Христово	162

МИХАИЛ ЛОМОНОСОВ

Утреннее размышление о Божием величестве	165
Вечернее размышление о Божием величестве... ..	167
Преложение псалма 1	169
Преложение псалма 26	170
Преложение псалма 103	172

АЛЕКСАНДР СУМАРОКОВ

Из 3 главы Сираха	176
На суету человека	177

МИХАИЛ ХЕРАСКОВ

[Из Премудростей Соломоновых]	178
Коль славен	180

ГАВРИИЛ ДЕРЖАВИН

Властителям и судиям	182
Бог	183
Величество Божие	187
Помощь Божия (Псалом 120)	193
Псалом 127	194

ИППОЛИТ БОГДАНОВИЧ

Псалом 45	196
Псалом 148	196

ИВАН ДМИТРИЕВ

Размышление по случаю грома	198
Подражание 136 псалму	199

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН

Песнь Божеству	200
(...Мысли, выбранные из Екклесиаста)	201

ИВАН КРЫЛОВ

Ода шестая, выбранная из псалма 93-го	203
Ода восьмая, выбранная из псалма 87-го	205

ИВАН КОЗЛОВ

Моя молитва	208
Молитва	210
Вечерний звон	211

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ

Всемогущество Божие	212
Савл на дороге в Дамаск	212
Stabat Mater	214
Полночь	215
Песня бедняка	216

ФЕДОР ГЛИНКА

Вера	218
Венец времен	218
Канун перед Св. Причастием	219
Агнец Божий	221
Порыв и замедление	223
Христос ты упокоит	224

КОНСТАНТИН БАТЮШКОВ

Надежда	225
---------------	-----

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

Палестина	227
Иерусалим	228
Церковная молитва	228
Молитва Ангелу Хранителю	229
Чертог Твой	230
Утешение	230

ВИЛЬГЕЛЬМ КЮХЕЛЬБЕКЕР

Надгробие	232
К Богу	233
Брату	234

Новый год (отрывок)	235
Молитва воина	236
АЛЕКСАНДР ПУШКИН	
Пророк	237
Ангел	238
Отцы пустынноики и жены непорочны... ..	238
(Подражание итальянскому)	239
Напрасно я бегу к Сионским высотам... ..	240
МИХАИЛ ПОГОДИН	
«Остави нам долги наша...»	241
НИКОЛАЙ ЯЗЫКОВ	
Молитва	242
[Велик Господь]	242
ФЕДОР ТЮТЧЕВ	
Наш век	244
В храме	244
О вещая душа моя!.. ..	245
Над этой темною толпой... ..	246
Два единства	246
День Православного Востока... ..	247
АЛЕКСЕЙ ХОМЯКОВ	
В эту ночь	248
России (отрывок)	249
Мы — род избранный... ..	249
Подвиг есть и в сражении... ..	251
Кремлевская заутрениа на Пасху	252
АЛЕКСАНДР ПОЛЕЖАЕВ	
Атеисту	253
Божий суд	253
Валтасар	255
ВЛАДИМИР БЕНЕДИКТОВ	
Благовещение	258
Верю	259
Возмутитель	260
И ныне	262
Воскресная школа	263

АЛЕКСЕЙ КОЛЬЦОВ

Божий мир	266
Человеческая мудрость	267
Две жизни (Дума)	268
Пред образом Спасителя	269

ЕВДОКИЯ РОСТОПЧИНА

Возглас	270
Монастырь	271
Молитвы дар	271
В Страстную Пятницу	272

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

Молитва	274
Ангел	275
Молитва	276
Ветка Палестины	276
Молитва	278

АЛЕКСЕЙ К. ТОЛСТОЙ

Христос	279
Благовест	279
Господь, меня готова к бою... ..	281
Я вас узнал, святые убежденья... ..	281
Горними тихо летела душа небесами... ..	282
Меня, во мраке и в пыли... ..	283

ИВАН ТУРГЕНЕВ

Грустно мне, но не приходят слезы... ..	285
Христос Воскрес! А если бы не так... ..	286
Христос	286

ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ

Молитва	289
На могиле	290
О, подними свое чело!	290

МИХАИЛ РОЗЕНГЕЙМ

6-го апреля 885–1885 г.	292
Не осуждай	295
Не унывай	296
Вечерней свежестью пахло	296

АФАНАСИЙ ФЕТ

Не тем, Господь, могуч, непостижим...	298
Чем доле я живу, чем больше пережил...	299
Ночь тиха...	299
Когда Божественный бежал людских речей...	300
1 марта 1881 года	301

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ

Ангел смерти	302
Тишина (отрывок)	303
Рыцарь на час (отрывок)	304
Пророк	305
Час молитвы	306

АПОЛЛОН МАЙКОВ

Ангел и демон	308
В храме	308
Христос Воскрес!	309
Ангел	310
Дух века — ваш кумир...	311
Пустынник	311

АЛЕКСЕЙ ЖЕМЧУЖНИКОВ

Восторгом святым пламеня...	312
На кладбище	312
У всенощной на Страстной неделе	313

НИКОЛАЙ ЩЕРБИНА

Истина молитвы	314
Человеку	314

ЛЕВ МЕЙ

Сотворение человека	316
Не верю, Господи, чтоб Ты меня забыл...	317
Над гробом	317
Отроковица	318

ИВАН АКСАКОВ

Всенощная в деревне	320
---------------------	-----

ИВАН НИКИТИН

Присутствие непостижимой силы...	322
Против сомненья	322

Молитва дитяти	323
Новый Завет	324
Сладость молитвы	325
ЮЛИЯ ЖАДОВСКАЯ	
Мира Заступница, Матерь Всепетая!	327
Посев	327
АЛЕКСЕЙ ПЛЕЩЕЕВ	
Молитва	329
[Учитель]	330
Мольба	330
Лжеучителям	332
КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ	
Две молитвы	334
В чудесный день высь неба голубая... ..	334
Животворящий блеск весны... ..	335
АЛЕКСЕЙ АПУХТИН	
Моление о чаше	336
Голгофа	337
Год в монастыре (отрывок)	339
АПОЛЛОН КОРИНФСКИЙ	
Искал я Бога Истины Святой... ..	340
Вражда... Крутом кипит... ..	340
Два духа борются во мне... ..	341
Христославы	342
ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ	
Ночь на Рождество	344
О всевятая, благословенная... ..	344
Имману-Эль	345
К.Р. (Великий Князь КОНСТАНТИН РОМАНОВ)	
Псалмопевец Давид	347
Царь Саул	348
Когда, предвидя близкую разлуку... ..	349
На Страстной неделе	349
Научи меня, Боже... ..	351
Когда креста нести нет мочи... ..	352
О, если б совесть уберечь... ..	352

КОНСТАНТИН ФОФАНОВ

Из библейских мотивов	354
Две жизни	355
Отче наш	356

Князь Вл. Гр. ЯШВИЛЬ

[Из исторического рассказа...]	357
--------------------------------------	-----

ИСПРАВИ СЛОВО НАШЕ:

христианские мотивы в поэзии разломной эпохи

СЕМЕН НАДСОН

Иуда	361
Святитель (отрывок)	367
Темно грядущее... ..	368

ФЕДОР СОЛОГУБ

Все хочет петь и славить Бога... ..	370
Пилигрим	370
Ангел благого молчания	371
Зелень тусклая олив... ..	372
[Погром обители]	373
Полуисточенное смертью тело... ..	374

ОЛЬГА ЧУМИНА

Лепта вдовицы	375
Кесарево — кесарю	376
Крещение Руси	376

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

«Христос Воскрес» — поют во храме... ..	378
Пусть на земле не будет, братья... ..	378
О, если бы душа полна была любовью... ..	379
Старость	380

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Я посох мой доверил Богу... ..	381
И снова ты пред взором видящим... ..	381

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

Пройдут века веков	383
Мост	383
Война	384

Молитва вечерняя	385
Благовещение в Москве	386

ЗИНАИДА ГИППИУС

Христу	388
Сообщники	389
Грех	390

ИВАН БУНИН

Ангел	391
Надпись на могильной плите	392
Сын Человеческий	392
Новый храм	394
Плакала ночью вдова... ..	394
Белый цвет	395
Святитель	395
Псалтирь	396
Возьмет Господь у вас... ..	397
Вход в Иерусалим	397
В Гефсиманском саду	398

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

Мир	401
Хвала Богоматери	401
Русь глухонемая	404
Заклинание (От усобиц)	405

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Облегчи нам страдания, Боже!	406
Ангел благого молчания (Молитва)	406
Библия	407

АЛЕКСАНДР БЛОК

Ныне, полный блаженства... ..	410
О легендах, о сказках, о тайнах... ..	410
Верю в Солнце Завета... ..	411
Я, отрок, зажигаю свечи... ..	412
Девушка пела в церковном хоре... ..	413
Рожденные в года глухие... ..	414

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

Я был в духе в день воскресный...	415
Помню я обедню раннюю...	416
Не жди зари — она погасла...	417
На кресте	418

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

У Казанской Божьей Матери	420
Странник	421

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

Выбор	422
Ворота рая	422
Христос	423
Одиноко-незрячее солнце смотрело на страны...	424
Слово	425
Георгий Победоносец	426

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

Пилат	428
Диалог	429
Путем зерна	430
Мечта моя! Из Вифлеемской дали...	431

СЕРГЕЙ ЛЯПУСТИН

Пасхальный привет воинам	432
Молитва в храме	432

Е. ГАНЕЦКИЙ

Пасхальная ночь	434
-----------------------	-----

НИКОЛАЙ БАЙКОВ

На мотив 6 песни канона	436
-------------------------------	-----

МИХАИЛ ЗАПОЛЬСКИЙ

Песни деревни	437
---------------------	-----

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Легкой жизни я просил у Бога...	438
---------------------------------	-----

СЕРГЕЙ БЕХТЕЕВ

Молитва	439
Святая ночь	440
У Креста	441

Немногим	442
Моя вера	443
Наше царство	444

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

Пасхальный гимн	445
Пасха в Петербурге	445

АННА АХМАТОВА

Молитва	447
О, есть неповторимые слова... ..	447
Распятие (Из поэмы «Реквием»)	447
В каждом древе распятый Господь... ..	448

БОРИС ПАСТЕРНАК

Рождественская звезда	449
Гефсиманский сад	453
Магдалина I	455
Магдалина II	456
Дурные дни	458

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Неумолимые слова... ..	460
Среди священников левитом молодым... ..	460

РЮРИК ИВНЕВ

За чужим гробом	462
Древний храм	462
Печаль	463

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Молитва	465
Распятие	466
В день Благовещения... ..	467
Над церковкой — голубые облака... ..	467
За Отрока — за Голубя — за Сына... ..	468
Весть	468

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

Нищие духом	470
Москва Пасхальная	471
Великим постом	473

АЛЕКСАНДР СОЛОДОВНИКОВ

Пророчески сбылись библейские слова...	475
Святители	475
Люди	476
Преподобный Сергей	477
Сентябрь 1939 года	478
Риза Господня	478
Решетка ржавая, спасибо...	480

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

Но смерть была смертью...	481
Если дни мои, милостью Бога...	481

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Молитва матери	483
Занесли залетной пташкой...	484
Я странник убогий...	484
За горами, за желтыми долами...	485
Сельский часослов	486

ВЛАДИМИР НАБОКОВ

Власти	488
Садом шел Христос с учениками...	488
Мать	489

ИВАН САВИН

Россия	491
Возмездие	491
Оттого высоки наши плечи...	492
Законы тьмы неумолимы...	493

ПЕТР ЕВГРАФОВ

Пойду опять один степями...	495
-----------------------------	-----

ИЛЬЯ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

Шестикрылая мучит душа...	496
---------------------------	-----

ВАРЛААМ ШАЛАМОВ

Потухнут свечи восковые...	497
----------------------------	-----

ВЕРА БОБРИНСКАЯ

Пасха в лагере, 1931 год	498
Июль 1988 года	498

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

Кизи 500

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

Весна в Мисхоре 501

Бегство в Египет 501

Во многом знании — немалая печаль... 503

ДАНИИЛ АНДРЕЕВ

Каменный старец 504

Из обездоленности... 505

ДМИТРИЙ КЕДРИН

Колокола 507

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

Просыпается тело... 508

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

Душа стремится вглубь, к первоосновам... 509

Андрей Рублев 509

НИКОЛАЙ СТЕФАНОВИЧ

Господь! Начало всех начал!.. 511

Если в мир возвратятся усопшие... 511

АЛЕКСАНДР ЯШИН

Душа 513

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

Храм Святого Николая 514

ВИКТОР БОКОВ

Осенила крестом и себя и дорогу... 517

НИКОЛАЙ ТРЯПКИН

Песнь о российском храме 518

Не ведут пути окольные... 520

Гласом царя Давида... 521

Обращение неопита к народу... 522

Мать 523

АЛЕКСЕЙ МАРКОВ

Господи, помилуй... 526

НИКОЛАЙ ВИКУЛИН

На Мамаевом кургане 527

БРОНИСЛАВ СПРИНЧАН

Рождество 528

Звезда Вифлеемская 529

Свет Рождественский 531

Вербная Неделя 532

Слышу Пасхальный звон... 533

Мамин крест 534

СЕРГЕЙ АВЕРИНЦЕВ

Молитва о словах 536

Четырнадцатое декабря 1989 538

ФЕДОР СУХОВ

Отходил, отступался от Бога... 539

АЛЕКСЕЙ ПРАСОЛОВ

Дивьи монахи 541

Белый храм Двенадцати апостолов... 542

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

Рябило в глазах от мелькавшего хлама... 543

Русские кресты 544

Безглазое 544

Тьма внешняя 545

ВЛАДИМИР КОСТРОВ

Морозным вздохом белого пиона... 546

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

Церковь около обкома... 547

Реставрировать церкви не надо... 548

Подымешь глаза к небесам... 549

ЕВГЕНИЙ ЧЕКАНОВ

Возвращенный храм 550

ВАСИЛИЙ КАЗАНЦЕВ

Исаакиевский собор 551

Пророк 551

ВАЛЕНТИН СОРОКИН

Стоят соборы 553

СТАНИСЛАВ ЗОЛОТЦЕВ

Над вечным покоем	554
Прощеное воскресенье	556

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Над вечным покоем	558
Душа хранит	559
Ферапонтово	560

ЛЕОНИД БОРОДИН

Узел бессмыслиц умом не расплесть... ..	561
---	-----

ОЛЕГ ХАБАРОВ

Воскрешение — чудо-пение... ..	562
--------------------------------	-----

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

Вина	563
Занесли на Бога серп и молот... ..	564
Число	564
Видение	565
Ложные святые	565
Полет	567
Портрет Учителя	567

ИГОРЬ ЛЯПИН

Баллада о сорока мучениках	570
----------------------------------	-----

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

Афон	574
О чем шумите, инородные витии?... ..	574
Он видел великую кровь... ..	575
Восстанет пламенная туча... ..	576
Валаам	576

ВИКТОР МАМОНТОВ

Записи (Нил и Иосиф)	578
К блаженной Ксении	580

ТАТЬЯНА ГЛУШКОВА

Воздвижение	581
Просохнет кровь. Отступят злые беды... ..	581
Памяти Георгия Свиридова	582

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКАШИН

Иноверцы, инородцы...	583
Бегут...	584

ВЯЧЕСЛАВ КУПРИЯНОВ

Подражание псалму	585
Заброшенные храмы	585

ВАЛЕНТИН РЫСКОВ

Введение во Храм	587
Рабы греха	588

АЛЕКСАНДР НЕВОЛИН

Храм	589
------	-----

АЛЕКСАНДР МАКАРОВ

Митрополит Иларион	591
--------------------	-----

ГЕННАДИЙ ФРОЛОВ

В храме	593
Моление	593

ВИКТОР ФЕДОТОВ

Старик и Библия	595
-----------------	-----

ВАЛЕНТИН СУХОВСКИЙ

Богородица	597
------------	-----

ГЕННАДИЙ СТУПИН

Мне снился всемирный потоп...	598
-------------------------------	-----

СЕРГЕЙ ХОМУТОВ

Сказали: «Жить в безверии»...	600
Незатейливая церквушка...	600
Молитва	601
Храм	602

ЭДУАРД БАЛАШОВ

К Спасу Ярое Око	603
Молитва матери	603

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ

Соловки от крови заржавели...	605
-------------------------------	-----

ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА

Пелагия	606
Гимн	607

ТАТЬЯНА СМЕРТИНА

Пасхальное	609
Вера есть путь... ..	610

ВЛАДИМИР БОГАТЫРЕВ

Молитва	611
Еще молитва	611
Не воскреснуть... ..	611
Блажени миротворцы	612

СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ

Джорданвилльские колокола	613
---------------------------------	-----

НАДЕЖДА ВЕСЕЛОВСКАЯ

Инициалы	615
Идут года, теряют люди близких... ..	616
Георгий Победоносец	617

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

Век любви	618
Случай в Вифании	618

НАТАЛИЯ ВАРЛЕЙ

Уже по всей Руси... ..	620
------------------------	-----

ВАДИМ СПРИНЧАН

На рубеже земных тысячелетий	622
Троица	623
Путь	623
Признание	624

ВЛАДИСЛАВ АРТЕМОВ

Оптина Пустынь (отрывок)	625
Стою ли среди бездорожья... ..	626
Странник	627

НИКОЛАЙ КОНЯЕВ

Разрушены храмы... ..	629
-----------------------	-----

АНТОН ВАСИЛЬЕВ

Собор	630
-------------	-----

Если	631
Цветы	632

МИХАИЛ ШЕЛЕХОВ

Заповедь	634
Крещение	635
Дети	637
Ангел на Востоке	638
Лампада	638

АНДРЕЙ РЕБРОВ

Вестники	640
День избранный	641
Облачился зарей скальный город... ..	641

КОНСТАНТИН МОЗГАЛОВ

Отречение	643
Закончились игрища разом... ..	644
Когда не исполняются земные законы... ..	645

НИНА КАРТАШЕВА

Я подхожу к сияющему трону... ..	646
Саровской пустыни святыня и солнце!.. ..	646
Есть Слово — Господь... ..	647

АНГЕЛИНА ШЕНИНА

Рождество	649
Крещение	649
Пасха	650

АЛЕКСЕЙ МЕЛЬНИКОВ

Ищу Тебя, Господь моей души... ..	651
-----------------------------------	-----

АЛЕКСАНДР АНАНИЧЕВ

Новая Голгофа	652
Спас на Крови	653

<i>Русская словесность и христианство</i> (Начальная библиография)	655
---	-----

<i>Алфавитный указатель имен авторов</i>	665
--	-----

Литературно-художественное издание

СЛОВО И ДУХ:

АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ПОЭЗИИ (X–XX вв.)

Составитель
Чарота Иван Алексеевич

Ответственный за выпуск *Мария Мосилевич*
Оформление обложки *Виктор Саныко*
Корректор *Алла Колесникова*

Подписано в печать 25.11.2010. Формат 60х84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 40,92. Уч.-изд.л. 32,63.
Тираж 3000 экз. Заказ № 88.

Свято-Елисаветинский женский монастырь в г. Минске.
ЛИ № 02330/0494415 от 08.04.2009.
Пер. Марусинский, 3, 220053, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел./факс +375 17 2890247 E-mail: izd@obitel-minsk.by
[Http://www.obitel-minsk.by](http://www.obitel-minsk.by)

Интернет-лавка: утварь, иконы, книги, диски, керамика,
изделия художественных мастерских, швейные изделия.

Отпечатано в типографии ООО «Самарский дом печати»
443052, г. Самара, пр. Кирова, 24.

Слово и Дух

Линтология
русской
духовной
поэзии
(X-XI вв.)